

КИР БУЛЫЧЕВ

АГЕНТ КОСМОФЛОТА

КИР БУЛЫЧЕВ

АГЕНТ
КОСМОФЛОТА

КИР БУЛЫЧЕВ

АГЕНТ КОСМОФЛОТА

Москва 1995

ББК 84Р7
Б90

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Агент Космофлота

Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Т. 8: Агент
Космофлота. — М.: «Хронос», 1995.— 384 с.
ISBN 5—85482—015-3

*В данный том серии «Взрослая фантастика»
полного собрания сочинений Кира Булычева
включены фантастические повести «Агент Кос-
мофлота» и «Подземелье ведьм».*

ISBN 5—85482—015-3

ББК 84Р7
© «Хронос», 1995
© Кир Булычев
© К. Сошинская

ΑΓΕΝΤ ΚΟΣΜΟΦΛΟΤΑ

Археолог Фотий ван Кун был счастлив.

Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожиданная мелочь может переполнить человека счастьем.

Фотий ван Кун шел в гостиницу по улице Трех Свершений. За последние четыре дня этот путь, короткий и прямой, стал ему хорошо знаком и привычен. Десять минут неспешной ходьбы в тени домов, нависающих над пешеходом, как тыквы над муравьем. Генеральный консул Ольсен, маленький, толстый, вежливый эрудит, называл этот город огородом для великанов. «Этот тип жилища, — объяснил он Фотию ван Куну, — сложился здесь исторически. В период клановой вражды. Очень трудно штурмовать яйцо, поставленное на острый конец или поднятое на сваях. Поэтому и окна пробиты на высоте пяти метров, не ниже».

Раньше тыквы ярко раскрашивали в цвета клана, теперь в городах, где понятие клана отмирало, — согласно моде.

Высоко над головой тыквы почти соприкасались боками, и потому внизу, на мостовой, всегда были тень и прохлада. Когда ван Кун попадал на перекресток, солнечный жар ударял

в лицо, и, подобно прочим пешеходам, Фотий ван Кун спешил в тень очередного дома. Он попал в город в самый жаркий период и после прохладной мрачности раскопок на Ар-А никак не мог привыкнуть к пыльной духоте. Особенно тяжело было в гостинице. Гостиница была построена в соответствии с требованиями времени и в расчете на туристов с иных миров. Она казалась чемоданом, забытым посреди арбузов. Кондиционирование в ней не работало, и если в традиционных домах двойные стены сохраняли тепло в холода и прохладу летом, то зеркальные плоскости гостиницы превращали ее в накопитель солнечного тепла. Лучший номер в гостинице, выделенный археологу, был одновременно и самым жарким местом в городе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы переодеться и принять душ перед лекцией, Фотий ван Кун с ужасом представлял себе, как он войдет в раскаленные анфилады залитых солнечным светом покоев, и в этот момент он увидел магазин.

В магазины, как и в дома, надо было забираться по крутой лестнице. Разглядывая вывеску, приходилось запрокидывать голову. И чтобы избавить покупателей от такого неудобства, торговцы выкладывали образцы товаров на мостовую, у основания лестницы. Разумеется, не самые ценные.

Фотий ван Кун уже несколько раз проходил мимо этой лавки. Но раньше он либо спешил, либо был окружен местными учеными, так что, видя образцы товаров, он их не замечал.

А сейчас остановился перед сделанной из панье-маше куклой в старинном костюме из птичьих перьев. Кукла глядела из ярко раскрашенной глиняной вазы. Фотий ван Кун догадался, что в этой лавке торгуют сувенирами. А так как археолог не был лишен любопытства, он

поднялся по узкой лесенке, распахнул нависшую над ним плетенную из тростника дверь и ступил в круглое помещение.

При виде гостя хозяин лавки в знак почтения тут же натянул на голову серебряную шапочку и широким жестом сеятеля показал на большую таблицу-разговорник, прибитую к стене. Крайний правый столбец не очень грамотно изображал перевод нужных слов на космо-лингву.

Кивнув продавцу, ван Кун начал разглядывать товары на полках. Полный набор для охотника за сувенирами. Куклы, горшочки и вазы, игрушки из птичьих перьев, мраморные и аметистовые шарики для гадания, шерстяные циновки и коврики с узорами из бисера, шары, чтобы думать, старинные топоры с некогда ядовитыми шипами, золотые яйца черепах и шлемы из панцирей тех же черепах, плепанцы для встречи гостей и сандалии для торжественных проводов, сумочки для любовных поэм, хрустальные с нефритовыми зрачками «глаза ласки», наборные посохи, семейка неизвестно как попавших сюда макетиков Эйфелевой башни, коллективные курильницы, схожие с дикобразами... Многие из этого ван Кун видел на базаре, куда его за день до того водил консул Ольсен, и, обладая хорошей памятью, запомнил функции этих предметов.

Ван Кун медленно шел вдоль полок, понимая, что раз он заглянул сюда, то должен что-то купить, чтобы не оскорбить продавца (это ему тоже объяснил Ольсен). Иначе продавцу придется делать подарок несостоявшемуся покупателю. Он искал глазами что-нибудь не очень крупное, совершенно необычное и желательно полезное. Ван Кун был рациональным человеком.

И тут на нижней полке он увидел игрушечных солдатиков. И в этот момент Фотия ван Куна охватило ощущение счастья.

Улетая много лет назад с Земли, он оставил там большую, одну из лучших на Земле коллекцию игрушечных солдатиков. С тех пор ему не удавалось побывать дома, потому что жить приходилось в Галактическом центре, оттуда и летать в экспедиции — Земля слишком далека от Центра, и если ты избрал своим ремеслом космическую археологию, то на Землю ты, вернее всего, попадешь лишь к пенсии. Но страсть к собиранию солдатиков у ван Куна не проходила. К сожалению, искусство изготовления игрушечных солдатиков слабо развито в Галактике и даже на весьма цивилизованных планетах о них и не подозревают. Ван Кун научился отливать их из олова и раскрашивать. Он проводил немало времени в музеях и на военных парадах, фотографируя и рисуя. Если на раскопках попадалось погребение воина, вызывали ван Куна. За двадцать лет его новая коллекция достигла тринадцати тысяч единиц, и если воссоединить ее с той, что осталась на Земле, то, безусловно, Фотий ван Кун стал бы обладателем самой представительной в Галактике коллекции солдатиков.

И вот, прилетев на несколько дней на Пэ-У с раскопок на Ар-А, планете в той же системе, будучи бесконечно занят, Фотий ван Кун заходит в лавку сувениров и видит на полке отлично исполненных солдатиков.

Скрывая душевный трепет, Фотий ван Кун подошел к таблице-разговорнику и провел пальцем от слов: «Сколько стоит?» — к соответствующей фразе на местном языке.

Продавец ответил длинной тирадой, из которой Фотий ван Кун не понял ни единого слова. Тогда ван Кун нагнулся, взял с полки солдатика и показал его продавцу. Продавец крайне удивился, словно никто из приезжих никогда не

покупал солдатиков в его лавке, и, взяв с полки блестящий, переливчатый «шар, чтобы думать», протянул его ван Куну, полагая, что лучше покупателя знает, что тому нужно.

Ван Кун отыскал в таблице слово «нет».

Продавец с сожалением положил шар на место, подошел к таблице и показал на цифру в левом столбце. Кун проследил глазами ее эквивалент в правом столбце и понял, что солдатик стоит дорого. Восемь алей. Столько же, сколько коврик из птичьих перьев или обед в приличном ресторане. Он очень удивился, но потом рассудил, что ценность вещи определяется сложностью ее изготовления. А солдатик был очень тщательно сделан. Он был отлит из какого-то тяжелого сплава, а размером чуть превышал указательный палец. Его латы были изготовлены из кусочков медной фольги, плащ шит из материи, а на маленьком личике и обнаженных руках тонкой кистью была наведена боевая татуировка. Ван Кун мысленно прикинул, сколько у него с собой денег. В конце концов они ему не нужны. Завтра должен прилететь «Шквал» из Галактического центра с оборудованием и припасами для экспедиции. По крайней мере мрачный представитель Космофлота Андрей Брюс твердо заверил, что корабль идет без опоздания. «Шквал» захватит с собой ван Куна и затем спустит его на катере на Ар-А. Неизвестно, побывает ли ван Кун вновь на Пэ-У. Вернее всего, никогда. А солдатики одеты в цвета кланов — это уже история, это уже забывается. Лишь в горных княжествах сохранились такие плащи. Да и традиционное оружие: духовые трубки, топоры с отравленными остриями, раздвоенные кинжалы — все это постепенно переходит в музей. Или теряется, потому что мы всегда куда лучше бережем

отдаленное прошлое, чем реалии вчерашнего дня.

Всего солдатиков на полке было штук шестьдесят. Все разные. Даже солдатик одного клана различались оружием и доспехами. Если взять все деньги, что хранятся в гостинице, то хватит.

Как настоящий коллекционер, привыкший не испытывать судьбу, ван Кун достал кошелек и выяснил, что с собой у него есть тридцать три эля. То есть можно было купить четырех солдатиков.

Ван Кун отобрал четырех солдатиков в наиболее характерной одежде, осторожно отнес их на прилавок и положил рядом тридцать два эля.

Тут он заметил, что продавец явно напуган.

— В чем дело? — спросил ван Кун. Времени у него уже было в обрез. Через полчаса его ждут в Школе Знаний.

Продавец ответил непонятной тирадой, отделил одного из солдатиков, затем взял восемь элей и остальные деньги отодвинул ван Куну.

— Ну уж нет, — сказал ван Кун, который был упорным человеком. — Это честные деньги, мне ничего лишнего не надо. Сейчас вернусь, возьму остальных, — и он показал жестом, что намерен забрать всех солдатиков.

Неизвестно, понял ли его продавец, но в конце концов он забрал деньги, достал коробочку, устланную птичьим пухом, положил туда солдатиков, закрыл сверху бумагой. Он спешил и старался не смотреть на покупателя.

Ван Кун отыскал в таблице слово «спасибо», произнес его и, осторожно неся коробочку, пошел к выходу. От тростниковой двери обернулся и увидел, что продавец уже снял серебряную шапочку и вытирает ею лоб.

— Скоро вернусь, — сообщил ему ван Кун.

Фотий ван Кун был счастлив.

Счастье коллекционера — совершенно особый вид радости, доступный далеко не всем. Чувство это в чистом виде бескорыстно, так как настоящий коллекционер с одинаковой интенсивностью будет радоваться приобретению грошовому или бесценному — важна не стоимость, а факт обладания. Не так много нашлось бы в Галактике людей, способных разделить радость ван Куна. Но такие люди существовали, хоть и разделенные световыми годами пути. Ван Кун, не замечая пыли, висящей над городом, раскаленных пятен света, встречных прохожих, глядевших на него как на экзотическое существо, спешил к гостинице. Если бы разумный человек сказал ему, что солдатики, стоящие в магазине, никуда не убегут и их можно отлично купить вечером, а то и завтра, ван Кун бы даже не улыбнулся, и, несмотря на то что он был нормальным, лишенным излишней мнительности человеком, он бы ускорил шаги, заподозрив в вас в желании перекупить солдатиков.

Строя в воображении трагические картины, в которых безликий и безымянный конкурент уже входит в лавку, чтобы скупить солдатиков, ван Кун промчался по холлу гостиницы, пробежал два пролета лестницы вверх (лифт пока не работал), вспомнил, что не взял у портье ключа, вернулся обратно, снова вознесся по лестнице на четвертый этаж, задыхаясь, обливаясь потом, повернул ключ, вбежал в номер, осторожно положил на кровать коробку с солдатиками, начал быстро раздеваться, чтобы принять душ. Притом он продвигался к письменному столу, чтобы достать оттуда деньги.

Он выдвинул верхний ящик. И удивился. Кто-то основательно покопался в ящике письменного стола.

Будучи аккуратистом, Фотий ван Кун принадлежавшие ему вещи всегда раскладывал так, чтобы разделяющие их линии были строго вертикальны. Говорят, что однажды, на межзвездной археологической базе Афины-8 он упал в обморок, потому что на стене, вне пределов его досягаемости, криво висела репродукция с какой-то картины. Полчаса Фотий ван Кун глядел на нее не отрываясь, все более бледнея, а затем с ним приключился обморок.

Тренированному глазу Фотия ван Куна достаточно было мгновения, чтобы понять: в его бумагах рылись и некто, складывая их обратно, не смог соблюсти прямых линий между папками и листами. Более того, преступник выкрал бумажник с деньгами и документами археолога. И, что было для Фотия самое неприятное, разворошил и рассыпал заветную коробку с лекарствами.

В иной ситуации Фотий ван Кун внимательно бы изучил, не исчезло ли что-либо еще, вызвал бы администратора гостиницы, позвонил бы по громоздкому синему, похожему на старинную швейную машинку телефону в генеральное консульство. Но в тот момент Фотия ван Куна огорчила лишь пропажа денег и, следственно, провал операции «Солдатики». Фотий ван Кун подумал, не оставил ли он бумажник в куртке, которую надевал вечером, когда было прохладно. Он раскрыл стеной шкаф. Куртка валялась на дне шкафа. Бумажника в ней не оказалось.

Ирреальная надежда найти деньги заставила археолога потерять еще несколько минут, ползая под кроватью, обыскивая ванную и прихожую. Везде он наталкивался на следы неумелого, неаккуратного, спешного, но дотошного обыска.

В конце концов Фотий ван Кун вынужден был отказаться от надежды найти бумажник. Он проклял эту планету, проклял свою страсть к солдатикам и понял, что до начала его заключительного выступления в Школе Знаний осталось всего семь минут.

Фотий ван Кун был пунктуальным человеком и не выносил опозданий. В течение шести минут ему надо было переодеться (о душе уже и речи не шло), добежать до Школы Знаний и желательно заскочить в магазин сувениров и объяснить продавцу, что завтра же он раздобудет денег и купит остальных солдатиков, так что, «пожалуйста, не продавайте их никому».

Переодевался Фотий ван Кун так быстро, что не осталось времени толком подумать. Правда, ван Кун предположил, что стал жертвой грабителей, которых, как он слышал, здесь немало. Государство лишь сравнительно недавно выбралось из темной эпохи враждующих кланов, а первые заводы, школы, первое централизованное правительство возникли чуть более века назад. Так что планета Пэ-У влетела в космическую эру, еще не успев пережить до конца свое социальное детство. В окружающих столицу горах, на островах в океане, в иных небольших государствах все еще царили обычаи варварства, и стихия первобытных отношений порой, как прибойная волна на излете, хлестала по новому миру городов. Галактический центр отнес Пэ-У к мирам ограниченного контакта, и отношения с планетой должны были строиться крайне осторожно, без вмешательства в процесс ее естественного развития.

Правда, в истории Галактического центра уже не раз возникали сложные коллизии с этим ограниченным контактом. Но панацеи на все случаи жизни отыскать нельзя.

Как нетрудно предположить, в сложном немирном организме Пэ-У возникли силы, желавшие добиться преимущества, опираясь на Галактический центр, на его громадные возможности, на достижения его науки и технологии. Этим силам хотелось куда большего участия Галактики в делах планеты. Уже одежды первых космонавтов, прибывших на Пэ-У, уже интерьеры их кораблей, приборы и машины, которыми пользовались пришельцы, давали достаточно пищи для рассуждения и, скажем, зависти. От этого возникала и обида. Когда-то у оставшихся в каменном веке папуасов Новой Гвинеи был странный обряд. Они, памятуя о том, сколько ценных и интересных вещей им удавалось отыскать на упавших во время войны самолетах, уже после нее строили самолеты из дерева и бамбука, надеясь таким образом подманить настоящий самолет.

Фотию ван Куну была известна история, происшедшая лет за тридцать до этого совсем на другой планете. Там местные жители захватили врасплох галактический корабль, перебили его команду и растащили содержимое. Сам же корабль был водружен на постамент в качестве космического божества.

Но чем активнее на планете типа Пэ-У становились сторонники контактов и заимствований, тем энергичнее действовали изоляционисты. Они утверждали, что присутствие людей из Галактического центра таит реальную и неотвратимую угрозу образу жизни, освященному столетиями. И полагали, что если удастся изгнать внешнюю угрозу, то жизнь вернется к законам золотого века. Забывая притом, что до прилета корабля золотого века не было и что, даже если на планете не останется ни одного человека из Галактического центра, непоправимое уже свер-

нилось: жизнь на планете никогда не будет такой, как прежде. А те, кто стремится к контакту, рано или поздно возьмут верх.

В то время, когда Фотий ван Кун прилетел на Пэ-У, там царило определенное равновесие, поддерживаемое не без влияния Галактического центра. На планете находилось генеральное консульство центра, было представительство Космофлота и даже космодром. Студенты из Пэ-У учились вне планеты, группа медиков из Центра изучала эпидемические заболевания и обучала коллег бороться с ними... в общем, «ограниченный контакт». В надежде на туристов и экспертов была сооружена громадная кубическая гостиница. Ее единственным жильцом, не считая редких местных туристов, для которых ночевка в гостинице была экзотическим приключением, и оказался археолог Фотий ван Кун. Гостиница была подобна бамбуковой копии настоящего самолета — вода в ней текла еле-еле, лифты не работали, из щелей дул горячий ветер, и генеральный консул, милейший Ольсен, предупреждал приезжих, чтобы ни в коем случае там не селились. Его все слушались и останавливались либо в обычной старой гостинице, либо в консульстве. Но Фотий ван Кун был гостем Школы Знаний и личностью настолько видной, что пришлось отдать его на престижное растерзание.

Фотий ван Кун отлично знал, что в городе обитают не только мирные обыватели, но и воры, разбойники и убийцы, что по ночам у озерных причалов и в темных кварталах, перенаселенных беженцами с гор, сражаются банды и стражники туда не заглядывают. Так что, расстроившись из-за кражи, он не очень удивился и как разумный человек размышлял, у кого бы одолжить денег на солдатиков — у консула или у Брюса?

За две минуты он успел стащить с себя потную пропылившуюся холщовую куртку, широкие, юбочкой, белые шорты — мода прошлого десятилетия, удобная на раскопках и в жарких местах, легкие золотистые сандалии, купленные на базаре в Паталипутре. Еще минута ушла на то, чтобы достать из шкафа сброшенный грабителем, чуть помятый, но вполне приличный фрак с пышными плечами, серые лосины, матовые черные туфли с чуть загнутыми носками, серебристого цвета сорочку с пышным жабо (официальная мода консервативна). Разумеется, Фотию ван Куну не пришлось в голову тащить с собой на раскопки, а оттуда в Пэ-У вечерний наряд — консул Ольсен выдал ему этот набор вчера. У консула в специальной кладовой стояла длинная, костюмов на пятьдесят, стойка, отчего кладовая была похожа на старомодный магазин. Добрейший Ольсен был блюстителем этикета не из каприза — в клановом обществе Пэ-У вопросы этикета занимали очень важное место. И профессор из Центра, читающий официальную лекцию в Школе Знаний, обязан соответственно одеваться.

Фотий ван Кун успел взглянуть в кривое, плохо отшлифованное зеркало и показался себе, несмотря на сдержанность тонов своего одеяния, похожим на экзотическую птицу.

Он уже готов был бежать, но вспомнил, что обещал консулу прикрепить к лацкану знак Археослужбы — золотые буквы КАС на фоне серебряного Парфенона. Это заняло еще тридцать секунд. Поиски папки с планами раскопок, оказавшейся под столом, — еще двадцать секунд. Папка была тоньше, чем утром, но Фотий ван Кун этого не заметил.

Бег вниз по лестнице — тридцать три секунды.

Поскользнулся на пахнущем керосином паркете — балансировал на грани падения — четыре секунды.

Влетел в дверь ресторана и размышлял, где же дверь на улицу, — двенадцать секунд.

Выскочил на улицу, задохнулся от ослепительной жары.

Оранжевое солнце уже садилось и било прямо в лицо, золотя и пронзая столбики пыли.

Фотий ван Кун понял, что забыл накинуть короткий плащ, имевший какое-то символическое значение в лабиринтах этикета, чуть было не кинулся обратно в гостиницу, но удержался. Хотел было остановить парного рикшу — муж крутил педали, жена бежала сзади, держа опахало, но вспомнил, что у него нет денег. Рикша остановился, глядя выжидательно на удивительное существо в черном одеянии, означающем в некоторых кланах смертную месть. Видно, вспомнив об этом, рикша нажал на педали, жена засеменила сзади. Впоследствии рикша внес свою долю путаницы в это дело, показав в страже, что Фотий ван Кун был вооружен и совершал руками характерные для мстящего жесты ярости. В памяти рикши образ человека в черном дополнился недостающими, но обязательными деталями кровавого ритуала. Его жена могла бы точнее рассказать о Фотии ван Куне, но ее, разумеется, никто не спрашивал, так как показания простолюдинки юридической силы не имеют.

Разлучившись с рикшей, Фотий ван Кун побежал по улице, стараясь скорее достичь спасительной тени гигантских арбузов. Ему было очень жарко, и он задыхался в несколько разреженном по земным меркам воздухе Пэ-У. Шесть минут уже истекли, и он опаздывал.

Еще на секунду Фотий ван Кун задержался у

магазина сувениров. Он разрывался между необходимостью спешить и желанием подняться по лестнице и уговорить продавца, чтобы тот не продавал солдатиков до завтра.

Продавец видел Фотия ван Куна сквозь щели в тростниковой двери, но не пригласил покупателя внутрь, потому что был напуган предыдущими действиями ван Куна. Теперь же, увидев его в черном костюме, он быстро отступил назад и спрятался за прилавок.

Поэтому он не увидел того, что мог бы увидеть, останься у двери.

В этот момент Фотий ван Кун находился в глубокой тени под нависшим боком дома-тыквы. Улица была пуста. Предзакатный час — самый жаркий и пыльный в городе, и прохожих на улице не было.

Фотий ван Кун ни о чем не догадался, потому что его ударили дубинкой сзади. Желтой костяной дубинкой, какими обычно вооружены горцы.

Удар был сильным, и Фотий ван Кун ничего не успел понять.

* * *

От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Более-менее пристойный космодром был сооружен лет двенадцать назад, но вот дорогу к нему, что должны были взять на себя городские власти, так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редая, тянулись полосатые дома-дыни с маленькими треугольниками окошек — будто кто-то проверял, спелые ли дыни. Из окон торчали длинные шесты с развешанным на них бельем. Старый космофлотский фургончик подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы,

сидевшие вдоль дороги, были рыжими, и их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

— Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне, — сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньУ. — Стыдно перед пассажирами.

— Пускай пришлют новый фургон, — ответил тот. Он сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался. — Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах. И вообще в кондиционерах.

— Это неправда, — сказал Брюс, глядя в упор на ВосеньУ, что было по тамошним меркам не очень прилично. Но ВосеньУ всегда буравил Брюса фиолетовыми пятнышками своих зрачков. — В консульстве на той неделе починили кондиционер.

— А ты не спрашивал, — вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора. — Что в консульстве говорят о пропавшем археологе?

— Увидим консула на космодроме, спросим, — сказал Андрей. — Пока вроде бы ничего нового.

— Все в городе знают, — сказал ВосеньУ, — что археолог мстил клану Западных вершин.

— Чепуха, — сказал Андрей убежденно. — Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе Знаний. Зачем ему кланы?

— Он продал им свои карты. Но ему не заплатили, — сказал ВосеньУ. — Он потерял честь.

ВосеньУ дунул себе на плечо, на золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотовскую форму. Даже в этом мире ярких и

разнообразных одежд он умудрялся выделяться. Может, потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в сварах с Речным кланом и клан отказался от мести, чтобы выжить, — подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину, подставляя сопернику живот. И тот уходит. Если бы не было такого обычая — в яростной борьбе кланов, в сложнейшей системе кодексов чести, жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В номере археолога Фотия ван Куна кто-то все переворошил, перевернул, вряд ли это успел бы сделать сам жилец, который, по сведениям портье, был в номере несколько минут. И там не было папки с бумагами, которая исчезла вместе с археологом.

В номере были найдены четыре фигурки, четыре фигурки мести, правда, неразрезанные, но самые настоящие фигурки мести. Клановая вражда никогда не начинается неожиданно. Если ты намерен выйти на путь войны, то по законам чести ты обязан приобрести специальную фигурку мести — одетого в тряпочки солдатика, которые продаются в специальных лавках, затем отрезать ему голову и в таком виде выслать или отнести представителю клана, на который ты намерен идти войной.

Самое удивительное в этой удивительной находке было то, что археолог зачем-то приобрел четыре фигуры мести из трех различных кланов. В том числе одного солдатика из могучего клана Причалов, известного дурной репутацией и настолько сильного и бесстыжего, что даже западные горцы не смели его задеть. Так вот получается, что земной археолог вышел на путь войны сразу против трех кланов. Уму непости-

жимо. В этом было какое-то недоразумение, ошибка. Но зачем же еще можно покупать эти маленькие фигурки в военной одежде?

Может, просто из любопытства?

К сожалению, эта гипотеза опровергалась всеми остальными свидетельствами.

У археолога было полчаса свободного времени. Он спешил. Ему надо было захватить планы раскопок и переодеться. Ему некогда было гулять по сувенирным лавочкам. Да и не было еще в городе сувенирных лавочек, не доросли местные жители до этого. Сувениры — дело будущего, для сувениров нужны туристы...

ПетриА не выносила, когда у Андрея плохое настроение.

Здесь у женщин сильно развита интуиция, это уже не интуиция, а нечто среднее между интуицией и телепатией.

ПетриА положила кончики пальцев на руку Андрея.

— Не волнуйся, — сказала она. — Может, он пошел в вертеп.

Андрей улыбнулся. Раньше, когда он здесь был новичком, такое предположение, тем более из уст молодой девушки, его бы удивило. Солидный археолог пропадает в вертепах. Но для ПетриА это предположение было естественным и никак не порочило мужчину. Еще лет сто назад девушек из хороших, но обедневших семей отдавали на год или больше в вертеп — их там учили танцевать, петь, ухаживать за гостями. И естественно, общаться с мужчинами. Очевидно, это равнодушие происходило от запутанности родственных отношений, совершенно непонятных приезжему. Клан включал не только кровных родственников, но все в клане считались родственниками. Андрей и не старался разобраться в этой путанице — наверное, из всех земель это

мог сделать лишь консул Ольсен, узнавший за двенадцать лет жизни здесь и язык, и обычаи лучше многих аборигенов. Правда, Андрея смущало — и с этим было трудно примириться, — что ПетриА была его дочерью, хотя родилась лет за двадцать до его появления на планете.

Ошибку совершил уже предшественник Андрея Карлос Перес, который на обеде посадил недавно взятую на работу секретаршу представительства ПетриА между собой и второй (восточной) женой министра сообщений, а министр сообщений в то же время был вице-главой клана Западных Ву, что автоматически делало его жрецом святилища Каменного дракона. А так как на том злосчастном обеде присутствовал и отец (настоящий отец) ПетриА, то свидетельство удочерения было отныне нерушимо. Ни ПетриА (которая поняла, что происходит), ни Карлос Перес (который ничего не понял) не придали значения тому происшествию. Когда же Андрей Брюс сменил Переса, то он унаследовал не только контору, но и приемную дочь Переса. И уж конечно, Андрей не подозревал о том, что вступил в родственные отношения с братом ПетриА, никчемным головотяпом и бездельником, и с мамой ПетриА, ленивой толстой дамой, на которую отныне теоретически распространились супружеские права.

Все бы шло и дальше, очевидно для одних, незаметно для других.

Если бы ПетриА не влюбилась в представителя Космофлота Андрея Брюса, а сокращенно — агента КФ ДрейЮ, а тот, по прошествии некоторого времени, не ответил бы взаимностью секретарше агентства, смуглой, маленькой, светлоглазой ПетриА.

ПетриА, как было принято в некоторых передовых семьях планеты, в возрасте пятна-

дцати лет была вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов отправлена на рейсовом корабле в Галактический центр, в школу для инопланетян, где проявила себя обыкновенной, не очень талантливой, но в меру умной ученицей. Она вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов и научившись художественно вести конторское хозяйство — от диктофона до кабинетного компьютера — и оставив в Галактическом центре безутешного поклонника.

...Когда панспермия стала научным фактом, это не приблизило ученых к пониманию причин того, что разумная жизнь в пределах известной нам Галактики возникла на основе того же набора хромосом, что и на Земле. Разумеется, религиозные учения предлагают высший разум как носителя этого единства. Ведь мир неразумный, утверждают они, весьма различен во всех обитаемых мирах. Везде он движется к своей вершине — разуму, везде возникают и отмирают ветви великого дерева зоологии и везде человек разумный появляется относительно сразу, неожиданно, а недостающего звена так нигде и не найдено. Следовательно, в эволюцию на каком-то этапе обязательно вмешивается Провидение, которое осеменяет ту или иную планету согласно единому генетическому коду, и на планете начинает плодиться вид хомо сапиенс. Под влиянием различных условий существования он может быть черным, белым, зеленым, желтым, губастым, плосколицым, высоким, маленьким, курчавым или безволосым, но обязательно принадлежит к одному и тому же виду. От смешения земных и галактических рас возникают гибриды, плодя многообразие галакти-

ческого человечества. Но при этом оно остается Человечеством.

Иначе рассуждают большинство биологов. Они утверждают, что в живой природе набор хромосомных вариантов ограничен, законы эволюции в определенных природных условиях действуют схоже и разнообразие внешнее скрывает в себе удивительное внутреннее сходство. И не следует утверждать, что на лестнице эволюции до человека миры Галактики так уж разнообразны — мы можем обнаружить генетические закономерности среди существ, казалось бы, совершенно различных. Драконы с Крайни генетически родственники галапагосских черепах. Так что можно говорить о возникновении жизни как таковой в каком-то едином центре Галактики с последующим распространением ее в виде спор по Вселенной. Но раз уж она утвердилась на планете — далее законы развития неизбежно приведут ее, если не будет губительного катаклизма, к появлению человека. И далее действуют законы конвергенции — подобного развития в подобных условиях. Человек же, отрываясь от природы, переходит под власть законов социальных.

В тот момент, когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая бесплотная девушка его любит, перед ним встала проблема — имеет ли он моральное право на взаимность? Не следует думать, что взаимности не было. И случись это пять лет назад, не лишенный сомнения бравый капитан Брюс не стал бы скрывать своих чувств. Иное дело, когда ты — жалкая тень самого себя. Обломок, из милости оставленный в Космофлоте, но не в летном составе, а получивший отдаленную синектуру — спокойный пост на полудикой планете. Впрочем, он сам этого хотел. Чем меньше он будет видеть старых знакомых, чем

меньше ему будут напоминать о часах крушения жизни, чем меньше будут сочувствовать или снисходительно посмеиваться за спиной — тем легче дотянуть до конца. Можно было, конечно, вернуться на Землю — маленькую планету в стороне от космических путей, родину его деда (сам Андрей, как и многие галактические земляне, родился на Земле-3, в центре Галактики, откуда Земля не видна даже в сильнейший из радиотелескопов). Вернуться, как возвращаются в старости многие земляне, вдруг ощутившие свою связь с родиной предков, как зверь, идущий умирать в родной лес. Но он был еще молод — сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературному труду или писанию картин он не испытывал. И был все равно смертельно и до конца дней отравлен космосом. Место на этой планете было связано с несбыточной надеждой — может, когда-нибудь он вновь поднимется к звездам, пускай юнгой, третьим штурманом — кем угодно...

А пока он не выходит на улицу после захода солнца. Чтобы не видеть звезд.

Если твоя жизнь фактически завершена и надежды — совсем без надежд не бывает даже висельников — столь туманны, зыбки и неверны, что нельзя в них верить, ты не имеешь права приковывать к своей сломанной колеснице других людей.

Образ сломанной колесницы был литературен, навязчив и банален.

ПетриА сама ему все сказала. Разумно и рассудительно, как и положено девушке из хорошего городского клана.

Они провожали группу экспертов-строителей, которые проектировали плотину в горах, откуда в дождливый сезон на столицу обрушивались грязевые потоки. Эксперты с Фрадиолы были

длинными, худыми, темнолицыми, молчаливыми людьми. К тому же одинаково одеты — в синие тоги, в черные шляпы с клювом вытянутого вперед поля. Различать их было невозможно, говорить о чем-либо, кроме бетона, почти невозможно. Развлекать, когда они не выражают эмоций, очень трудно. К тому же из-за неполадок в посадочном устройстве корабль задержался с отлетом, и весь вечер пришлось провести на космодроме, вежливо беседуя о бетоне.

Устали в тот вечер они ужасно.

И ПетриА, и Андрей. ВосеньУ, разумеется, ушел сразу после обеда, сославшись на хронический насморк.

По дороге с космодрома заехали в контору, чтобы оставить документы. Потом Андрей собирался подкинуть девушку до дома.

Шел теплый мелкий дождь. Андрей подогнал фургончик к самой двери.

Контора была пристроена снизу к дому-тыкве — он казался грибом-дождевиком на стеклянной ноге.

Стена дома нависала сверху, так что у дверей было сухо.

Витрина светилась еле-еле. Ее выключали на ночь — очень дорого стоит электричество.

Андрей выскочил из фургончика, протянул руку ПетриА.

На деревьях, устраиваясь на ночь, громко кричали птицы.

ПетриА не выпустила руки Андрея. Она стояла рядом, крепко сжимая его ладонь.

— Ты устала? — спросил Андрей.

— Я тебя люблю, — сказала ПетриА. — Я весь день хотела тебе это сказать.

— Не говори так, — сказал Андрей. Он хотел сказать: «Не говори глупостей», но сдержался, потому что обидел бы ее.

— Я ничего не могу поделать. Я старалась не любить тебя. И это плохо.

— Плохо, — согласился Андрей, не зная еще, что ПетриА имеет в виду их родственные отношения. Он думал о себе. О том, что не имеет права любить ее.

Они вошли в контору.

ПетриА зажгла свет.

Андрей прошел за стойку и открыл дверь к себе в кабинет.

— Скажи, — спросила ПетриА из приемной, — а независимо от закона, если бы ты не боялся, ты бы мог меня полюбить?

— Я думал, что ты догадаешься, — сказал Андрей, отворяя сейф и кладя туда сумку.

Он запер сейф, вышел и остановился на пороге кабинета. ПетриА сидела на низком диванчике, поджав ноги в синих башмаках с длинными загнутыми по моде носками. Она крутила вокруг указательного пальца голубую прядь волос. Лишь это выдавало ее волнение. По обычаю эмоции здесь отданы на откуп мужчинам. Женщине неприлично выдавать себя. А ПетриА была девушкой из очень знатной семьи.

— Я беру проклятие на себя, — сказала ПетриА. — Ты можешь быть спокоен.

Андрей сел рядом. Что-то было неправильно.

— Я не понимаю, — сказал он, — почему ты должна взять на себя проклятие?

— Я скажу тебе завтра. С твоей точки зрения это чепуха.

— Мне проводить тебя?

— Я останусь у тебя этой ночью.

— А дома? — Андрей понял, что подчиняется девушке. словно она знает настолько больше него и ее уверенность в том, что все должно случиться именно так, дает ей право решать.

— Дома знают, что я осталась на космодроме.

Тебе неприятно думать, что я все предусмотрела заранее? Но я ведь чувствовала твоё волнение. Много дней.

Лестница в комнаты Андрея вела из коридора за его кабинетом.

Больше в этой тылке никто не жил. Андрей занимал лишь один этаж.

Верхний этаж был пуст, там гнездились сварливые птицы и по утрам громко топотали над головой, шумно выясняя отношения.

Птицы и разбудили их, когда начало светать.

— Ты сердисься? — спросила ПетриА. — Твои мысли тревожны.

— Ты обещала мне рассказать.

Луч восходящего солнца вонзился горизонтально в комнату, высветил на дальней, округлой стене треугольник окна, задел стол и заиграл золотыми блестками голубого парика ПетриА.

Под париком волосы оказались короткими и шелковыми. Почти черными.

Проследив за взглядом Андрея, девушка вскочила с постели и, подбежав к столу, схватила парик и надела его.

— Ещё ни один мужчина не видел меня без парика, — сказала она. — Ты знаешь?

— Без парика ты лучше.

— Когда я буду приходить к тебе, я всегда буду снимать парик. Но жена так делает только наедине с мужем.

— Ты обещала рассказать.

ПетриА сидела на краю постели, закутавшись в халат Андрея, голубой парик казался светящимся нимбом. И она рассказала ему о нечаянном удочерении.

Андрей не стал смеяться и не сказал, что это чепуха. За время, проведенное здесь, он привык принимать незыблемость здешних табу.

— Этот обычай, как бы ты ни думал, как бы

я над ним ни смеялась, выше нас. Я позавчера ездила к источнику Святого откровения. Но источник не дал мне знака. И я решила, что пускай будет проклятие.

— Но ты же сама отлично понимаешь, что не можешь быть моей родственницей, тем более по наследству от Переса, которого я в глаза не видел.

— Не надо больше говорить. Это ничего не изменит. Пойми только, что мы не можем никому сказать.

— Но я хочу, чтобы ты жила вместе со мной.

— Я буду приходить к тебе, когда можно.

— Я хочу, чтобы ты была моей женой. У меня нет никого на свете. Только ты. Неужели ничего нельзя сделать?

— Можно пойти к оракулу Перевернутой долины. Туда надо идти три месяца. Через горы. И там сейчас война.

— Тогда я увезу тебя.

— Может быть. Но я думаю, что добрый Ольсен не разрешит. Он ведь боится испортить мир. А наш клан оскорбить нельзя. Он третий клан столицы.

— Я знаю. И все же я тебя увезу.

— Наверное, если я тебе не надоем.

ПетриА вдруг улыбнулась, на мгновение коснулась его щеки ресницами. Она была так легка и бесплотна, что ее боязно было любить, но всегда хотелось опекать.

Месяца через два Андрей снова завел разговор с ней. Может, он пойдет к ее отцу?

— Если он догадается, тебе никогда меня не увезти, — сказала ПетриА твердо. — Меня спрячут в нашу крепость, в горах. Там тебе меня не отыскать, даже если на подмогу тебе прилетят все корабли Галактики. Все твои друзья.

— У меня не осталось друзей, — сказал Андрей.

— А тот капитан, который прилетал сюда на «Осаке»? Он был у тебя. Вы долго говорили. Я спросила его, ты хороший человек? Он сказал, что ты очень хороший человек. Значит, он твой друг?

— Нет, просто мы с ним когда-то летали. Сослуживцы. Космофлот велик.

— Я знаю. У нас есть все справочники.

— Мне нелегко, милая.

— Я тоже хочу жить с тобой. И хочу, чтобы у нас были дети. Только я умею ждать.

Этот разговор был совсем недавно. И после него Андрей решил просить о переводе на другую планету или в Центр. Он понимал, что его заявление кого-то удивит. Но его удовлетворяет. Если будет место. Но послать это заявление означало еще раз признать свое поражение, еще раз не выполнить своего долга. А Андрея Брюса растили и воспитывали как человека долга.

* * *

Оставив ПетриА в единственном небольшом зале космопорта и отправив ВосеньУ на склад, узнать, освободили ли место для грузов, Андрей Брюс поднялся на вышку, к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко. В открытое окно проникала рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись, здороваясь. Андрей поклонился им. Они были знакомы. Старший диспетчер год назад вернулся с Кроны, где стажировался.

Младший, загорелый, в клановой каске Восточных гор, похожей на шляпу мухомора, взял со стола листок бумаги.

— Корабль второго класса, серии Гр-1,

«Шквар», порт приписки Земля находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал», — мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л» и шипящие звучат твердо. Вслух поправлять было нетактично. Тем более горца.

— Кто капитан? — спросил он.

— Якубаускас, — сказал старший диспетчер, включая экран. — Он ждет связи.

Длинные пальцы диспетчера пронесли над пультом, на овальном экране возникло рубленое лицо Витаса.

— Андрей, — сказал Витас, — я рад тебя видеть.

— Здравствуй, — сказал Андрей. — Как полет?

— Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, и я ждал встречи.

— Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале Петриа не было. Зал показался пустым, хотя в нем сновали люди — прилет корабля всегда событие, привлекающее любопытных. Прилет корабля собирает больше зрителей, чем птичьих бои.

Некоторые узнавали агента Космофлота. Он раскланивался с ними.

Хорошо, что прилетел именно Якубаускас. Хоть он все знает, он не будет задавать вопросов и беречь раны.

— Скажите мне, — обратился к Андрею репортер одной из двух возникших по примеру цивилизованного мира газет, — вам приходилось летать на гравитолете?

— Нет, — ответил Андрей, не останавливаясь. Он шел к выходу на поле. — Гравитолеты появились только в последние годы.

— Это первый гравитолет в нашем секторе?

— Это первый гравитолет, который опустится на Пэ-У, — сказал Андрей.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей здесь еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Впрочем, их можно было понять. Еще никогда на Пэ-У не опускался космический корабль. Здесь видели лишь посадочные катера и капсулы, внушительные сами по себе, но значительно уступающие кораблям. Сами лайнеры оставались на орбите. Они не приспособлены входить в атмосферу. Гравитолеты же могут опускаться где угодно.

Когда Андрей еще не летал сам, они мечтали о гравитолетах. Тогда проводились испытания, и вскоре был заложен первый в серии корабль. Это было чуть больше десяти лет назад. Тогда они летали вместе с Якубаускасом. Он был вторым помощником на «Титане». А Брюс — старшим помощником.

Рыжая пыль ленивыми волнами ползла над полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльные шлямы, покачивались модные шляпы-зонты. Пронзительно верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровен. Господин Пруг, наследник витора Брендийского, самый экзотичный тип в городе, стоял на высокой подставке, похожей на шахматную ладью. Когда-то лицо его было обыкновенным. Потом широко расплылось, и глаза, нос, рот затерялись в щеках. Его молодцы в голубых с синим горохом накидках оттесняли зевак, чтобы те случайно не задели столь важную персону.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвенел браслетами, высоко воздев толстые лапища.

— ДрейЮ, сегодня у меня ужин! Ты приглашен вместе с капитаном!

Наследник престола хотел, чтобы весь город об этом узнал.

Андрей изобразил на лице светлую радость. Чертов боров, подумал он, сегодня наш с ПетриА вечер. А ты его отнимаешь. Но придется идти, чтобы Ольсен не расстраивался. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?

Консула Ольсена Андрей отыскал за углом здания, куда заглянул в поисках ПетриА. Он оживленно беседовал с чином в черной накидке. Лицо чина было знакомо, по должности Брюс разобрать не смог — он так и не научился разбираться в значении кружков, вышитых на груди. Как-то ПетриА потратила целый вечер, терпеливо и вежливо обучая Андрея тому, что знает каждый мальчишка. Но тщетно.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражники в высоких медных шлемах, рядом суетились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла и ПетриА. Каким-то образом она почувствовала взгляд Андрея и подняла тонкую обнаженную руку. Счастливая, подумал Андрей, ей никогда не бывает жарко. И кожа у нее всегда прохладная.

— Все в порядке? — деловито спросил консул. — Ты говорил с кораблем?

— Там капитаном Якубаускас, — сказал Брюс. — Мы с ним когда-то летали вместе.

— Наверное, придет приказ о моей смене, — сказал Ольсен, щурясь. Глаза его были воспалены, у него была аллергия на пыль. — Мы с Еленой Казимировной очень надеемся.

— Будет жалко, если вы улетите, — сказал Андрей. — Я к вам привык.

— Я тоже, я тоже, но ведь двенадцать лет!

У меня три тонны записок! Я должен писать. А я занимаюсь разговорами. Вместо меня прилетит настоящий, энергичный, молодой специалист. Вам с ним будет интересно.

— Во-первых, мне и с вами интересно, — сказал Андрей. — И сомневаюсь, что в Галактике можно отыскать специалиста лучше вас. Во-вторых, я сам собираюсь улетать.

— Ни в коем случае! Вы так мало здесь пробыли.

— Если вы все улетите, это будет значительная потеря для Пэ-У, — вежливо произнес чин в черной накидке.

— Но я же недостаточно инициативен, — сказал Ольсен горько.

Фраза о недостаточной инициативности была вставлена каким-то чиновником в последнее инструктивное письмо. Ольсен его всем показывал. Не будь этого письма, никуда бы он отсюда не улетел. Он был на Пэ-У своим. Даже умудрился получить белую мантию Высокого знания в школе Озерных братьев. При желании он мог бы расшить свой костюм таким количеством кружков и треугольников, что местные генералы лопнули бы от зависти. Все в городе его знали, и он знал всех, кто собой хоть что-нибудь представлял. Его можно было разбудить среди ночи и спросить, кто был Верховным в Интуре, за океаном, триста двадцать лет назад, и он тут же сообщал не только имя Верховного, но и его основные двенадцать титулов, а если нужно, то мог назвать и первый клан его главной наложницы.

— Что слышно об археологе? — спросил Андрей, глядя краем глаза, как платформа поползла к месту посадки.

— ВараЮ лучше меня скажет, — ответил консул.

И тут же Андрей вспомнил, что этот чин — начальник городской стражи, чей орлиный профиль он только вчера видел в газете,

— Если это простое ограбление, — сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачивая большой узкой головой, как птица, примеряющаяся клюнуть, — то мы его скоро найдем.

ВараЮ провел ладонью у лица, отпугивая злых духов, и добавил:

— Его труп, вернее всего, всплывет в озере.

* * *

Большое мелкое озеро начиналось на западных окраинах города. Кварталы рыбаков сползали в него с берега, и свайные дома уходили далеко в воду. Между кварталами были причалы. Озеро было грязным, заросло тростником и лишь в километре от берега становилось глубоким, и там в сильный ветер гуляли волны.

— Но откуда взяться грабителям в центре города днем? Разве это обычно?

— Это необычно, — согласился ВараЮ. — Но так проще для следствия.

Он помолчал немного, поглядел на небо, потом сказал:

— Я послал агента в клан Западных Ву. И на озеро, к причалам.

— Почему в клан? — спросил Андрей.

— Не исключено, что он шел мстить этому клану.

— Вы в это верите?

— Я не верю, я проверяю, — сказал ВараЮ. — Для меня это неприятное дело. Я не хочу, чтобы люди из Галактики прилетали сюда вмешиваться в наши дела.

— Он здесь четыре дня, никогда не был здесь раньше. Все время он проводил в Школе Зна-

ний. — Ольсен повторял аргументы Андрея. Ему было жарко. Он вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим. Ольсен осторожно сложил платок, чтобы рыжие пятна оказались внутри, и спрятал его в карман.

— Но он с Ар-А, — сказал стражник.

— Но это при чем? — спросил Андрей.

— Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

* * *

Третью планету (Пэ-У — вторая) археологи называли Атлантидой.

Человеческая фантазия ограничена и питается нешироким спектром легенд и общих мест. Известия о планете происходили в основном из легенд, собранных Ольсеиом, который и был инициатором раскопок. Планета была пуста и потому загадочна. И если на Земле в свое время существовали атланты, погибшие при невыясненных обстоятельствах, то на Ар-А жили гиганты, погибшие в таинственной войне.

Ар-А обращается сравнительно недалеко от Пэ-У, она восходит на небе не звездой, а голубым кружком, и, если у тебя острое зрение, можно угадать сквозь прорывы в облаках очертания континентов. Разумеется, в поисках ответов на вопросы бытия предки жителей Пэ-У обращали взоры к небу и к постоянному украшению его — планете-сестре, а их воображение населяло ее сказочными существами, гигантами и волшебниками.

Все на Пэ-У верили, что обитатели Ар-А с незапамятных времен прилетали на Пэ-У в железных кораблях. Именно они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они

дали людям одежду и законы. Непокорных они поражали молниями.

Затем гиганты перессорились между собой, чему виной интриги богини Солнца УрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. А так как гиганты были разделены на кланы, то началась страшная война, в которой гиганты перебили друг друга к удовлетворению злобной богини.

В различных легендах, тщательно собранных неутомимым Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик, даже язык их был воспроизведен в древних заклинаниях.

Может, Ольсен ограничился бы записями и создал в конце концов свод легенд, но однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой девицы, есть священное место, именуемое «Небесный камень». И в Школе Знаний Ольсену рассказали, что этот камень — вовсе не камень, а найденный лет двадцать назад охотниками глубоко ушедший в землю корабль гигантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу Знаний с просьбой послать с ним человека в долину, еще два месяца переживал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломил сопротивление Елены Казимировны и добрался до долины.

Когда же он увидел там разбитый планетарный корабль, то поверил в реальность цивилизации на Ар-А и добился посылки туда археологической экспедиции.

Археологи прилетели на Ар-А полгода назад. Некоторое время они не могли обнаружить ничего, так как умеренные широты и тропики планеты были покрыты густыми лесами. Затем они отыскивали руины города. Затем пошли находки. Одна важнее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ван Кун, чтобы доложить о находках

в Школе Знаний. Три дня он беседовал с коллегами. Но последний, большой, подробный доклад — сенсация в масштабе планеты — не состоялся. Археолог исчез.

* * *

— Разумеется, — сказал ВараЮ, — не исключено, что мы имеем дело с фанатиками.

— Какого рода? — спросил Ольсен, умело обмахиваясь круглым опахалом из черепашьего панциря.

— Когда нельзя объяснить, я ищу необъяснимые версии, — сказал стражник. — Может, среди жрецов... Может, его кто-то счел осквернителем Ар-А. И это предупреждение. Но вернее всего, виноваты грабители.

— Неужели никаких следов? — спросил Андрей.

— Рикша утверждает, что видел его бегущим по улице в одежде для смертной мести...

— В черном фраке? — вежливо спросил Ольсен. — Одежда для публичных выступлений среди почтенных ученых.

— Почтенный ученый не выступает без лиловой накидки, — сказал ВараЮ.

— А если спешил, не успел надеть? Или просто забыл, не придавал значения?

— Не придавал значения накидке? — ВараЮ был удивлен.

Даже для самого трезвого, объективного человека здесь отсутствие накидки кажется немыслимым. Фрак без накидки? Этого быть не может! Представьте, он приехал бы к нам и ему сказали бы, что его соотечественник выбежал на улицу, забыв надеть штаны.

— Мы будем его искать, — сказал ВараЮ.

Голос прозвучал неуверенно. — А он сам не мог быть маньяком?

— Почему? — Ольсен старался скрыть изумление.

— Продавец в ритуальной лавке утверждает, что ваш археолог изъявил желание купить фигурки всех кланов. Продавец решил, что он маньяк, желающий объявить месть всем кланам гор.

— Значит, — сказал Андрей, — ван Кун решил, что это не фигурки для мести. Что это сувениры.

— Немыслимо, — сказал ВараЮ.

Но, видно, эта версия при всей немыслимости его чем-то обрадовала.

— И есть такой обычай? — спросил он. — Покупать просто так?

— Есть, — уверенно сказал Ольсен. — На память. На память о вашей чудесной планете.

* * *

В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал».

Андрей догадался об этом, услышав, как изменился гул толпы.

Все смотрели вверх. У некоторых в руках появились подозрные трубки.

Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине он мог завалиться — необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск, и тот, падая, постепенно рос и замедлял движение.

Конечно, Андрей мог бы подняться в диспетчерскую. Но диспетчеры сейчас заняты, и им не

стоит мешать. И капитан Якубаускас тоже занят. Посадка — дело престижное. Визитная карточка капитана. Тем более если на планету опускается первый гравитолет. Дело агента КФ подписывать протоколы и накладные, встречать, провожать, развлекать и улыбаться. К полетам он имеет лишь косвенное отношение.

Диск «Шквала» мягко опустился на поле, но в этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула.

Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком ПетриА.

Из-за угла здания выскочила вторая платформа, маленькая, оранжевая. Посреди нее в оранжевой же тоге и желтой короне стоял карантинный врач. Должность здесь новая, почетная, и на нее устроили шалопаю из семьи министра иностранных дел.

Андрей с Ольсеном прошли вперед, к легкому ограждению, вдоль которого стояли раскаленные под солнцем гвардейцы.

До корабля было меньше километра. Но настоящие размеры «Шквала» стали понятны, когда первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ничтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившим с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус, люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые ворота. Какого черта! Он мог бы командовать этой машиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа зрителей постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Дальнейшее не представляло большого интереса.

Рейс был экспериментальным. Ни знаменитой видеозвезды, ни важного гостя на борту не было.

Правда, никто не расходился. За столь долгое ожидание следовало себя вознаградить. Обсудить, оглядеть, главное — показать себя.

К тому же даже рутина встречи, обычная и отработанная для каждой планеты и в то же время схожая, где бы ни приземлялись корабли Космофлота, была частью зрелища. И в этом зрелище Андрею Брюсу отводилась не последняя роль.

Оправив песочного цвета мундир — белый в этой пыли был бессмысленным, — Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул к нему. Андрей увидел брата ПетриА. Этот бездельник трудился в газете. Вернее, трудился, когда возникало настроение. Сейчас настроение возникло, потому что его видели двести зевак. Кам ПетриУ изящно откинул голову, прищурился, набрасывая на белой доске, прикрепленной к груди, очертания гравитолета. Он числился иллюстратором.

Андрей шагнул вперед. Завтра в обеих газетах будут помещены отчеты о событии: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ, известный нашим читателям по странной привычке бегать по утрам вокруг своего дома. Он был одет в спитый у мастера Крире-2 изящный форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами...»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньУ, ловко подкатила к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа торжественно выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю.

Андрею было видно, как пилоты вышли из люка и остановились наверху пандуса. Андрею

показалось, что сквозь густой от жары и пыли воздух до него доносятся слова кого-то из них:

— Ну и жарница...

* * *

Обратно с космодрома возвращались в новой машине консула. Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная — на сиденьях совсем не было пыли.

Ольсен разложил на коленях мешок с почтой и просматривал ее. Андрей решил, что он ищет ответ на свое прошение об отставке.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые, почти белые волосы, и, если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале». О перелете. О его ходовых качествах. До воспоминаний дело не дошло, да и не могло пока дойти. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в жизни космического флота наступал новый этап. Гравитационные роторы куда проще плазменных двигателей. Они не требуют защиты, совершенно безопасны. Если плазменный лайнер обречен родиться, жить и умереть в открытом космосе, то гравитолеты могут опускаться на любом поле. В худшем случае корабль примнет траву.

Предел скорости «Шквала» устанавливался не мощностью двигателя, а конструктивными возможностями самого корабля. Витас сказал, что сейчас строят кремниевую модель. И если человечеству будет суждено добиться мгновенного перемещения, то достичь этого можно лишь на гравитолете.

Наконец Ольсен сложил в мешок письма и кассеты, разочарованно и шумно вздохнул и спросил:

— Вы у нас первый раз, Витас?

— Да.

— Завтра поедem к водопадам, — сказал консул. Он всегда возил гостей к водопадам.

— У нас всего два дня стоянки, — сказал Витас. — Боюсь, что я завтра буду занят.

Он показал на дыни домов, что пролетали за окнами.

— А из чего их строят?

— Раньше они были глинобитными на деревянном каркасе или каменными. Теперь — бетон, — ответил Ольсен. — Я так и знал, что письма не будет. Но со следующим кораблем прилетает комиссия. Я их не отпущу, пока они не подпишут мою отставку.

— Здесь трудно? — спросил Витас.

Витас умел задавать вопросы таким тоном, будто крайне заинтересован в ответе. Его серые глаза преисполнялись интересом к любому слову собеседника. Андрей раньше подозревал Витаса в лицемерии. Но когда привык, понял, что Витасу и в самом деле не очень интересны чужие дела. Он, как и Брюс, был одинок, замкнут и сдержан, но в отличие от Андрея никогда не позволял себе взорваться, натворить глупостей и даже повысить голос. Лишь в редчайших случаях его пальцы, лежащие сплетенными на коленях, сжимались до хруста.

Ольсен, тронутый интересом Витаса, пустился в длинный рассказ о сложностях консульской жизни на Пэ-У. Андрей рассеянно слушал, глядя в окно. Странно, зачем было археологу покупать эти фигурки мести? Может, он раньше бывал здесь? Надо спросить у Ольсена. Вдруг он не догадался заглянуть в списки приеъзжих за прошлые годы? ПетриА сказала, что вечером она свободна. Но тут как назло этот обед у наследника Брендийского. И отказаться нельзя. И он

не успел сказать ей об этом. Конечно, она будет ждать. Она никогда не упрекает. И ждет. А Ольсен с забавным убеждением в том, что его собеседник обязан разбираться в тонкостях здешних интриг, в которых не всегда разбирался и сам ВараЮ, хотя любил их создавать, пытался доказать Якубаускасу, что в будущем году к власти в Китене обязательно придет Крунь КропУ и потому брат премьера потеряет портфель министра развлечений и будет вынужден пойти на союз с Его Могуществом.

Якубаускас слушал, словно всю жизнь мечтал узнать о кознях Круня КропУ.

Машина проезжала мимо базара, былолюдно, прохожие замирали, глядя на непривычную форму повозки. Группа рыбаков с Дальних протоков, видно, впервые попавших в город, гримасничала, глядя на машину, изображая ритуальные маски презрения. Презрение происходило от страха. И хоть в столице мало кто верил в то, что пришельцы — чудовища, но чем дальше от нее, тем пышнее расцветали слухи о людях со звезд.

В мире, где еще нет средств быстрой связи, обыденность пришельцев воспринимается с недоверием. В конце концов, думал Андрей, слушая, как Ольсен повествует о том, как наложница КропУ умудрилась отравить на званом обеде своих пасынков, когда-то на Земле также полагали, что Неведомое населено чудовищами, которых воображение складывало из кусочков существовавших на Земле зверей. То увеличивало до страшных размеров паука, то приделывало змеиную морду к туловищу медведя. Когда монстрам не осталось места на Земле, так как ее обследовали настолько, что пришлось отказаться даже от морского змея и снежного человека, то воображение нашло себе новую пищу — иные миры. И как трудно было отказаться от чудес, даже когда первые экспеди-

ции достигли звезд! Места обитания чудищ лишь отодвигались от Земли все дальше, но не исчезали совсем. Всегда находились новые легенды, и не только земные, — галактическое человечество так же склонно к чудесам, как их земные кузены. Как раз тот факт, что Галактика оказалась заселенной одним и тем же видом — хомо сапиенс, и обусловил схожесть образа мышления. Во многом расы Галактики различались между собой, но в одном сходились — в буйной фантазии.

И точно так же, как необычный след облака будил в воображении жителя Швейцарии или Казахстана образ летающего блюдца, так и в воображении горца с Озерных протоков зеркальная, загадочной формы машина галактического консула населялась тут же коварными чудовищами.

Андрей поглядел на своих спутников. Ольсен, в зеленом костюме с кружком Озерной школы на груди, и вытянувший длинные ноги капитан Якубаускас в повседневном мундире Космофлота — очень обыкновенные люди очень обыкновенно рассуждали о совершенно необыкновенных вещах. А за тонкой стенкой машины мир продолжал упрямо тикать по своим неизвестным законам. А мы и есть, думал Андрей, та тонкая ниточка, что связывает Галактику с этой планетой, с этими горцами и торговцами, дети и внуки которых полетят к далеким звездам и будут строить гравитационные станции. И этот переход случится куда быстрее, чем на Земле, — нам ведь пришлось самим расти до космической эры. И неизвестно порой, что лучше. Ведь хотим мы того или нет, но само существование ниточки между планетой и Центром неотвратимо и даже жестоко разрушает ткань этой жизни, какими бы мы ни были порядочными, разумными и гуманными. Кон-

фликт существует внутри людей. И если ВараЮ смог преодолеть его в себе, осознать неизбежность перемен и даже приветствовать их, то тот же ВосеньУ, хоть и побывал в Центре, даже научился летать на планетарных машинах, психика его определяется не столько знаниями и пониманием могущества будущего, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал, слаб и подвластен Брендийскому клану, — это унижение важнее, чем все корабли, прилетающие с неба. ВосеньУ придет домой, снимет попугайский мундир, совершит вечернее омовение и, если его очередь, омоет ноги дряхлой старухе — главе клана и провалится до следующего утра в паутину законов и правил, которыми определяется его маленькое существование, правда, чуть более высокое, чем ему принадлежит от рождения, так как он работает у пришельцев.

— Вы где будете ночевать? — услышал Андрей голос Ольсена. — В нашем доме для приезжих?

— Витас останется у меня, — сказал Андрей. — Тем более что нам с ним сегодня идти на прием.

— Куда? — удивился Витас.

— На ужин к наследнику Брендийскому.

— Кстати, он не является сыном Брендийской вдовы, — сказал Ольсен. — Любопытно отметить методу усыновления...

— Нильс, — сказал Андрей, — у нас всего три часа до ужина. А Витас устал. Если завтра вы повезете экипаж к водопадам, то Витасу, после того как он встретится с наследником, будет куда интереснее тебя слушать.

— Правильно, мальчики, — сдался Ольсен, — отдыхайте. А я помогу ПетриА разместить экипаж.

— Если она задержится, — сказал Андрей, — предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине.

— Разумеется, — сказал Ольсен, открывая дверь машины. — Чудесная девушка. И очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

— Тебе пора подумать о семье, Андриюша. Одному жить вредно. Елена Казимировна того же мнения.

— Спасибо, — сказал Андрей.

* * *

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван, покрытый желтой шкурой гремы, надел видеоочки и принялся смотреть любительские фильмы, которые Андрей делал во время поездок по стране.

Андрей позвонил вниз, в агентство. Никого не было. Он позвонил на космодром. Там сказали, что ПетриА увезла в консульство экипаж корабля, а ВосеньУ заканчивает разгрузку.

Витас снял очки, закрыл глаза.

— Знаешь, что приятно? — сказал он.

— Что?

— Что окно открыто, а в него ветер залетает.

— Тут жарко, — сказал Андрей. — Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я сам с вами съезжу. Уговорю ПетриА и съезжу.

— Кто она? — спросил Витас.

— Моя помощница.

— Ольсен хочет тебя на ней женить?

— Ему бы работать свахой, — сказал Андрей с некоторым раздражением. — Он отлично знает, что я не могу на ней жениться.

Витас не стал спрашивать, почему. Он никогда не задавал лишних вопросов. А Андрею не хотелось объяснять. Витас может подумать, что Андрей благополучно прижился на этой планете и доволен тихой, болотной жизнью. А впрочем, если ему хочется так думать, пускай думает.

— На Землю не собираешься? — спросил Витас, поняв, что Андрей не хочет говорить о ПетриА.

— Пока нет. Ты голоден?

— Жарко, — сказал Витас. — Потом.

Андрей приготовил фруктовую смесь со льдом. Витасу смесь понравилась.

— А что там нашли на Ар-А? — спросил он.

— До Центра уже донеслось?

— Галактика невелика, — сказал Витас. — И событий не так много. А мы, пилоты, — разносчики новостей.

— И сплетен, — сказал Андрей.

— Правда, что там жила раса гигантов?

— Хочется сенсации?

— Хочется.

— Планета мертва. Галактический патруль отнес ее к ненаселенным.

— Пустыня?

— Нет, там все есть, но нестабильная атмосфера, сильные климатические возмущения. Небогатая флора и фауна.

— Резерв колонизации?

— Резерв колонизации с перспективами заселения в пределах системы.

— А сейчас?

— Сейчас они откопали много всего интересного. И если бы не пропал Фотий ван Кун, у нас были шансы вчера вечером услышать много интересного из уст очевидца.

— Очевидца?

— Сюда прилетел один из археологов. Вчера

вечером он должен был читать в Школе Знаний доклад о раскопках. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.

— И почему лекция не состоялась?

— Потому что Фотий ван Кун вышел на тропу смерти.

— Андриюша, понятнее!

— Я сам ни черта не понимаю. Никто ни черта не понимает. В любом случае археолог пропал без следа. В центре города в двух шагах от Школы Знаний. И местные шерлоки холмсы убеждены, что он вместо Школы Знаний отправился воевать с каким-то местным кланом.

— А в самом деле?

— В самом деле его должны были охранять. В конце концов, если вы считаете себя цивилизованным государством, то надо как-то этому званию соответствовать. Его могли похитить для выкупа, могли убить, чтобы поживиться содержимым его карманов. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но никто толком ни черта не знает.

— Ты говоришь, что могли ограбить. Или убить. Куда же делось тело?

— Не знаю. И надеюсь, что он жив. И завтра в консульство придет невинный молодой человек и оставит послание на палочке.

— Какое послание?

— По ритуалу, если совершено похищение, то похитители подкидывают родственникам красную палочку с зарубками — цифрами выкупа. Ты не представляешь, как здесь хорошо развита система безобразий.

— Ты раздражен?

— Мне хочется отсюда уехать. Здесь ничего

нельзя! Даже жениться на любимой девушке я не могу, потому что она моя дочь по наследству! Я не буду объяснять — просто еще один идиотский ритуал.

— Может, тебе вернуться в Центр?

— Где каждый второй будет смотреть на меня и думать: ага, это тот самый Брюс!

* * *

В шесть, как раз стемнело, Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, и не посетить его означало нарушить сложную систему этикета. Витас не скрывал, что ему интересно побывать на ужине. Андрей был раздосадован, что ПетриА все еще не вернулась из космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселился в пустовавшей дыне — клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати, и пришлось поставить космофлотовский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью по грудь вышиной, в ней, напротив входа, был широкий проем, по сторонам которого стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского на вершинах: человек, пронзенный копьём. Существовала старинная легенда о том, как много лет назад брендийский герой, пронзенный копьём насквозь, умудрился перебить сотню врагов и отстоять клановую твердыню.

От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножки с факелами. В смолу факелов был добавлен сок горных растений, и оттого они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с

копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почувал что-то неладное. Жизнь в столице, где улицы ночью небезопасны, где с темнотой воцаряются законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее легальную и почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, как агент Космофлота, Андрей не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе вдруг воцарилась неестественная тишина, центром которой были Витас и Андрей, но Андрею вдруг стало холодно.

Неожиданно для самого себя он сделал быстрый шаг вперед, поставил ступню на пути Витаса, толкнул его и упал с ним рядом на булыжную мостовую.

Хотя Витас был моложе и тренированнее, он от неожиданности не успел среагировать на нападение.

— Что за черт! — Витас рванулся, отбросив Брюса. — Ты спятил?

— Извини, — произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не услышал, а Андрей услышал, потому что прислушивался, как за изгородью пролетали быстрые шаги — мягкие кошачьи шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. Витас не слышал, но Андрей услышал, как взвизгнула комаром в воздухе тонкая отравленная стрелка. И звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

— Андрей, ты можешь объяснить...

— Погоди, — сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и осветил в сторону машины. Светить за изгородь не было смысла — там пусто.

Стрелка лежала на камнях возле машины. Наконечник был разбит о стекло. По стеклу тянулась струйка яда, желтого и густого, как мед. Стрелка была тоненькой и безвредной на вид. Андрей поднял ее. Витас молча наблюдал за ним. Он был сообразительным человеком. Как только понял, что странные действия Брюса имели смысл, он замолчал. Он ждал объяснений.

Андрей осветил на стрелку. Каждая стрелка имеет на древке клеймо. Такие стрелы, — ими стреляют из духовых трубок, — популярное оружие для сведения счетов в тайных войнах и при смертной местн. Но по законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже гильдия наемных убийц имеет свое клеймо.

Но на этой стрелке клеймо было соскоблено. Значит, покушение не имело отношения к кровной мести и не было делом чести.

— Пошли, — сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. И стражник, который, конечно, ничего не заметил.

При свете факелов Андрей увидел, что его белый мундир испачкан. Мундир Витаса тоже пострадал.

— Ничего, — сказал Андрей. — Здесь это предусмотрено.

Он поднял руку, и к ним подбежал один из слуг. По движению руки — язык жестов здесь развит и даже изыскан — он понял, что нужно гостям. Он вытащил из ящика, висевшего через плечо, влажные щетки. Они впитывали рыжую пыль. Неподалеку с помощью другого слуги приводили себя в порядок две знатные дамы.

— Я не знаю, кто стрелял, — сказал тихо Андрей Витасу. — И не знаю даже, в кого из нас. И тем более не понимаю, почему.

— У тебя отменная реакция. Я ничего не услышал.

Они вошли в вестибюль, к которому вела неширокая крутая лестница.

Вестибюль был круглым залом, занимавшим второй этаж тыквы. Из него наверх вели две винтовые лестницы. Там, на верхнем этаже, было приготовлено угощение.

Посреди вестибюля на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выплескивалось из пределов трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самые высокие горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами, и оттого он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. Каждый из плащей означал власть над тем или иным кланом. Сходство подчеркивалось тем, что толстые ноги наследника были обнажены и заканчивались золотыми башмаками.

За спиной Пруга стояли два телохранителя с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину и осведомлялись о здоровье.

Андрей с Витасом встали в очередь.

Впереди стоял министр знаний с обеими супругами. Но пока гости не поздоровались с хозяином, этикет не позволял им узнавать друг друга.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот стоял у стены и разговаривал с ВараЮ. Елена

Казимировна на прием не пришла. Она не выносила необходимости подчиняться этикету.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон, — стоять на месте неприлично, — заслонила их от Андрея. Андрей провел ладонью по карману. Стрелка там.

— Я не ожидал такого счастья! — воскликнул с преувеличенной, как положено, радостью Пруг. — Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

— Покровители небесных кораблей осчастливили нас! — громко повторил герольд, стоявший сбоку.

Андрею показалось, что толстяк чем-то встревожен. Его черные мышинные глазки суетились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

— Как ваше драгоценное здоровье? — спросил Андрей.

— Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути, — ответил Пруг, как того требовал этикет.

— Надеюсь, что смерть не придет за вами в ближайшее столетие, — ответил, как положено, Андрей.

— Моя единственная надежда — увидеть вас на моих похоронах, — сказал горец.

— Я не допускаю такой мысли, — сказал Андрей. — Умереть раньше — моя мечта.

Андрей встретил взгляд наследника Брендийского.

Непрозрачные глазки вонзились в его лицо.

Случайности здесь быть не могло, думал Андрей. Спутать нас с кем-то немислимо. Никто, кроме нас, не наденет мундира Космофлота. И нас ждали. У самого дома. И именно в нужный момент.

Конечно, оставалась и другая версия. Кто-то

из родственников ПетриА догадался, увидел, вычислил. И старается оградить честь семьи. Но даже беспутный брат никогда бы не упал до того, чтобы стереть клеймо на древке стрелы. А может быть, ты, Андрей, сказал себе агент КФ, нажил себе врага, не догадавшись об этом?

Витас тем временем также ответил на все вопросы. Из уважения к редкому гостю Пруг говорил на космо-лингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редком уме и редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько было известно Андрею, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Дождавшись, когда Витас освободится, Андрей медленно повел его вокруг зала так, чтобы догнать Ольсена и ВараЮ. ВараЮ единственный в этом попугайном мире позволил себе прийти в дневной тоге. Если бы это сделал кто-то иной, это считалось бы смертельным оскорблением дому. Но ВараЮ показывал этим, что остается на службе. И если он обидел этим хозяина дома, то не дал ему формального повода обидеться. Знатные дамы перешептывались, щеголи морщились, но власть этого тихого, худощавого, очень спокойного человека была настолько весома, хоть и неочевидна, что вокруг него всегда образовывалось пустое пространство. Андрей знал, что ВараЮ незнатен и лишь силой незаметной настойчивости превратил столичную стражу в реальную, лишь ему подвластную силу.

Раскланявшись с полицейским и Ольсеном, пилоты пошли рядом. Они были центром внимания всего зала.

— Есть новые сведения, — сказал ВараЮ. — Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних причалов остановилась машина. Из нее вытащили заверну-

тое в ткань тело. Тело сбросили с пирса в воду. Там глубоко, и на дне много коряг. Сейчас там мои водолазы.

— Почему вы думаете, что это связано с археологом? — спросил Ольсен.

— Клановой войны сейчас нет. Грабители не будут везти к озеру тело в машине. И не будут пользоваться стрелами.

— Чем?

— Отравленными стрелами. Это не оружие грабителей. А у стрелы, что нашли на пирсе, странная особенность...

— У нее стерто клеймо, — сказал неожиданно Андрей.

ВараЮ остановился. На него натолкнулся кузен премьера. В толпе произошла заминка. Пруг Брендийский резко обернулся.

— Простите, — сказал ВараЮ кузену премьера. — Я задумался.

Они шли молча. Может, минуту. Главный стражник молчал. Потом тихо и настороженно спросил:

— Почему ты сказал о стрелке?

— Потому что такая стрелка, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с домом наследника.

Андрей осторожно, скрывая движение от любопытных глаз, вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладонь стражника. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен этого не заметил.

— Почему они не попали? — спросил ВараЮ задумчиво.

Он был прав. Воины стреляли такими из духовых трубок без промаха. Этому учатся с детства.

— Я почувствовал, — сказал Андрей, — и упал.

ВараЮ кивнул. Он верил в интуицию.

— Ты упал? — услышал Ольсен. — Почему?

— Улицы плохо освещены, — сказал ВараЮ. — Очень плохо. Надо строго говорить в городском управлении.

— Да, — согласился Ольсен, — освещение никуда не годится.

ВараЮ пошел чуть быстрее, обгоняя Ольсена. И шепнул Андрею:

— Это была ошибка. Я уверен.

— Возможно, — сказал Андрей. — У меня нет врагов.

* * *

Пруг поднялся с трона. Мягко, но звучно шлепнул в ладоши.

— Мои слуги и жены, — произнес он, — приготовили недостойное гостей угощение. Мне вредно много есть, и я умоляю сжалиться надо мной и разделить со мной ужин.

В зале сразу стало шумно. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Дом наследника Брендийского славился своими экзотическими блюдами.

Гости расступились, пропуская наследника.

Он резко повернулся, и в разрезах многочисленных распахнонок сверкнула кольчуга. Случай невероятный — хозяин дома в кольчуге. Андрей взглянул на ВараЮ. Тот смотрел на наследника. Он тоже уловил блеск.

Появление столь знатного эмигранта добавило хлопот стражникам. Эмигранты с гор несли в город ярость клановых схваток, от которых за последние десятилетия в городе уже начали отвыкать.

Но и отделаться от Пруга было невозможно. Он принадлежал к одному из самых знатных семейств планеты, он происходил от расы гиган-

тов, что прилетали в незапамятные времена с Ар-А. Он приходился племянником верховному жрецу богини УрО. Его следовало терпеть и ждать, пока он не падет жертвой очередного заговора или не вернет себе трон и благополучно отбудет бесчинствовать в горные долины.

Гости поднимались по лестницам, которые, кружа вдоль стен, вели на верхний этаж, где был сервирован низкий кольцеобразный стол.

Гостей встречали многочисленные слуги и вели их к местам.

Андрей видел, как Пруг быстрыми движениями дирижера подгонял слуг.

Андрея посадили в стороне от остальных землян. Зачем-то Пругу так было нужно. Витас тоже оказался в окружении чужих людей.

Внутри, в круге стола, расположились музыканты и танцоры. Танцоры переодевались, расчесывались, музыканты ели и настраивали инструменты.

Одна из танцовщиц подошла к столу и взяла из вазы голубоватое шершинское яблоко.

Она улыбнулась Андрею. Это была очень известная танцовщица, он видел ее на десятке приемов.

Хрустя яблоком, танцовщица спросила у Андрея, кто этот красивый офицер. Она имела в виду Витаса. Андрей сказал ей, что красивый офицер через два дня улетает. Танцовщица сказала, что двух дней бывает достаточно для любви.

Пруг сидел напротив Андрея. Его стул был выше других, и потому он казался гигантом. В ожидании, пока рассядутся гости, он чистил серебряным кинжалчиком ногти. Он чуть наклонил голову, чтобы танцовщица не мешала ему наблюдать за агентом Космофлота. Он легко улыбался Андрею, покачивая головой, как китайский болванчик. Интересно, думал Андрей,

кому же все-таки выгодно меня убить? Ему не было страшно. В следующий раз нужно быть осторожнее. Может, изоляционисты решили перейти к действиям? Но что это изменит? Агентом Космофлота больше или меньше — на жизни Галактики это не отразится. Нельзя спрятаться от собственного будущего. Стрелка со стертým клеймом, отвергая версию о кровной мести, оставляла одну версию — политику. Политика обходится без кланов. Политика на этом уровне — аморальна. Срезать клеймо — аморально. Следовательно, стрелка — орудие политической борьбы. Жаль, что рядом нет ВараЮ, он бы оценил этот силлогизм.

Слуги внесли блюда с густой похлебкой из дичи. Всем известно, что лучшая в городе похлебка из дичи подается в доме наследника Брендийского.

На столе появились горящие курильницы с хмельными благовониями. Некоторые гости принялись прикладываться к ним, и голоса зазвучали громче.

Похлебка была, как всегда, чудесной, но от благовоний Андрея мутило. Им овладевало ощущение неустойчивости. А Андрей не выносил неустойчивости.

Танцовщица начала медленно крутиться под рокот бубнов.

Она двигалась все быстрее.

ВараЮ сидел с каменным лицом. Видно, ждал, когда можно будет уйти. Его люди сейчас ныряют в озеро. Вода под светом керосиновых фонарей кажется черной и маслянистой.

Танцовщица закончила танец и остановилась, раскинув руки. Кисти рук чуть дрожали, колокольчиками звенели браслеты. Все тише и тише. И все тише рокотали барабаны.

Пруг глядел на Ольсена, который поднялся со

своего места. Это было нарушением этикета. Никто не имел права вставать раньше хозяина, но Пруг промолчал, потому что признавал, что консул на службе и потому не подчиняется этикету. Тем более что Ольсен догадался обойти стол и, приблизившись к хозяину, в самых изысканных выражениях попросил прощения за уход, сославшись на приступ желудочной боли. Это был допустимый ход, и Пруг, широко улыбнувшись, пожелал консулу скорейшего выздоровления, не преминув, как и положено, пригласить его на собственные похороны. Затем он взял со стола кусок пирога и протянул консулу. Если у гостя несчастье и он вынужден покинуть пир, хозяин должен дать ему символической пищи в дорогу.

Андрей вдруг понял, что единственная причина, могущая заставить Ольсена уйти, — это археолог. Значит, его нашли. Или нашли его тело.

И конечно, в тот момент ни Андрей, ни Ольсен не знали, что когда под светом переносных фонарей консул нагнется над телом человека, одетого во фрак и земные башмаки, он поймет, что этот человек — не археолог Фотий ван Кун, а неизвестный ему житель Пэ-У.

Но до того времени, до того мгновения пройдет немало времени, потому что в пути неожиданно сломается автомобиль ВараЮ, затем улица, ведущая к причалам, окажется перегорожена большой повозкой, груженной мешками с зерном... Когда Ольсен вернется глубокой ночью, уже будет поздно.

Слуги разносили блюда со сладкими овощами, а Андрей думал о том, что археолога убили такой же стрелкой, что предназначалась и для него.

Андрей почувствовал взгляд. Как будто кто-то стучался ему в спину. Здесь развивается интуиция.

Андрей оглянулся.

Сзади стоял один из воинов Пруга, могучий желтоволосый смуглый мужчина с узкими веселыми глазами. Поверх кольчуги была накинута туника цветов Брендийского союза, за широким поясом три ножа. Он молча смотрел в затылок Андрею.

— Как твое имя, отважный воин? — спросил Андрей. Лицо его было знакомо.

— ДрокУ, мой господин, — ответил тот. — Прикажете что-либо, благородный господин со звезд?

— Я тебя раньше видел.

— Я всегда стою по правую руку знаменитого владетеля Пруга, — ответил воин, не отводя взгляда.

Андрей заставил себя жевать сладкие овощи.

Перед глазами снова крутились жонглеры с раскрашенными волосатыми лицами. Танцовщица сидела в центре круга, посасывая благовония из курильницы.

Витас не ел, он смотрел на танцоров. Он был напряжен.

Наследник Брендийский поднялся со своего места и сказал гостям, чтобы они ели, пили и наслаждались жизнью.

Пруг направился на третий этаж дома. Такой маневр был допустим и предусмотрен. Хозяин давал возможность гостям посудачить, не опасаясь его обидеть. Наступили минуты злых языков.

Слуга дотронулся до плеча Андрея.

— Вас к телефону, звездный господин, — сказал он.

Андрей сразу поднялся из-за стола. Кто мог сюда позвонить? ПетриА вряд ли станет нарушать вечер. Если, конечно, не случилось чего-то особенного. Вернее всего, это Ольсен.

Слуга шел впереди. Они спустились по лест-

нице в холл, оттуда по другой, более узкой лестнице — в основание тыквы, в подвал.

Там было полутемно. Богато украшенная инкрустациями трубка лежала на столике рядом с аппаратом, похожим на швейную машинку. Андрей взял трубку.

В трубке стрекотал кузнечик — линия разъединена.

— Не дождались? — спросил слуга.

— Откуда звонили? — спросил Андрей.

— Не знаю, властитель неба, — сказал тот.

Андрей не знал, что делать — то ли ждать, пока позвонят снова, то ли подняться наверх.

В мозгу, набирая силу, затикал сигнал тревоги. Осторожно, Андрей, опасность...

Андрей быстро оглянулся.

В подвале было немало людей, но сразу не разглядишь — кто-то спал на полу, другие сидели вдоль округлой стены. В каждом патриархальном доме ошивается немало челяди, родственников, приживальщиков. Андрей был в центре внимания. Это хорошо, что не один. Хотя свидетелей, конечно, не будет...

Андрей быстро вынул из кармана золотой шарик. Слуга, судя по всему, не был горцем. Вернее всего, его позвали из ресторана. Так делают, когда много гостей, а твои собственные подданные полагают ниже своего достоинства прислуживать за столом.

— Кто звонил? — спросил Андрей тихо, чтобы голос его не долетал до стен.

Слуга провел рукой над ладонью Андрея, и монета пропала.

— Женщина, — сказал он одними губами. — Молодая женщина. Она очень волновалась.

Тут же слуга отвернулся и отошел.

Андрей снял трубку и начал крутить ручку

вызова. Мягкая, пышная, тяжелая ладонь легла на рычаг.

— В момент веселья, — сказал наследник Брендийский, — нельзя отвлекаться. Не забывайте об обычаях дома.

Пруг улыбнулся, но глаза были мутными — он накурился. Распашонки его запахнулись, и кольчуга поблескивала в полутьме.

— Ты останешься с нами до конца, — сказал Пруг, — танцовщицы ждут тебя на верхнем этаже, повелитель неба.

— Гость дома может не бояться угроз, — сказал Андрей.

Пруг оттеснил его от телефона.

— Андрей, ты здесь? — на лестнице стоял Витас Якубаускас.

Космофлот никогда не оставит в опасности.

— Мы уходим, — сказал Андрей. — Нам пора уходить, дома у нас больные.

— Мы не выпустим вас, гости, — сказал Пруг. — Праздник еще не кончился.

Андрей понял, что теперь можно обойтись без этикета. Неожиданно для Пруга он бросился к лестнице.

Андрей был убежден, что Пруг сделает все, чтобы они не вышли из дома. Почему-то Пругу нужно, чтобы он остался здесь. И он был почти убежден, что звонила ПетриА.

Андрей успел подняться до половины лестницы, прежде чем наследник Брендийский крикнул:

— Остановите его!

Люди, жавшиеся к стенам, вскочили. Кто-то побежал к лестнице.

Путаясь в распашонках, Пруг начал вытаскивать метательный нож.

— С дороги! — рычал он.

Но они с Витасом уже были в нижнем, ярко освещенном, полном гостей зале...

Гости уже начали расходиться.

У выхода стоял министр жреческих забот с худой злой женой.

— Почему вы уходите так рано? — спросил он, улыбаясь тонкими губами. — Нет ли несчастья в вашем доме?

— Есть болезни! — почти крикнул Андрей, отстраняя министра.

— Они плохо воспитаны, — услышал он голос жены министра.

— Вам понравился вечер? — крикнул вслед им министр, который предпочел ничего не заметить, так как был известным в столице блюстителем этикета.

* * *

Они пробежали между колонн — дальше была темнота, они нырнули в нее как в воду, и Андрей потянул Витаса в сторону, подальше от изгороди.

Через две минуты, повернув за угол, они добежали до фургончика. Погони не было. В тихом ночном воздухе далеко разносились оживленные голоса хмельных гостей.

Фургончик стоял, чуть покосившись. Андрей зажег фонарик. Правое переднее колесо было сорвано с осн. Железный лом — орудие бесчинства — валялся на мостовой. Кто-то очень хотел, чтобы Андрей не уезжал.

Сразу выключив фонарик, который мог привлечь нежеланных ночных бабочек, Андрей отступил в темноту.

Он вел Витаса в обход, глухими переулочками. Засада, вероятно, будет ждать на кратчайшем пути. Андрею сослужила хорошую службу любовь к одиноким прогулкам. За последние меся-

цы он исходил центр города и узкие закоулки плато — зажиточного спокойного района.

Минут через десять они остановились, чтобы передохнуть, на углу освещенной улицы Благополучного Правления. Как раз напротив тепло светилась витрина небольшой курильни. Там должен быть телефон.

В курильне было пусто, лишь на дальних диванчиках дремали последние клиенты. Андрей подошел к стойке. Витас остался у входа. Андрей положил шарик на деревянную блестящую доску между глиняных незажженных курильниц. Он попросил у хозяина разрешения позвонить.

Хозяин курильни долго вертел шарик, будто сомневался в его подлинности, потом спросил, откуда пришли гости и хорошо ли себя чувствуют. Андрей понял, что своей поспешной прямотой он нарушил этикет и хозяин пытается вернуть отношения в правильное русло.

— Простите, — сказал Андрей, — но моя дочь больна, и потому я позволил себе нетактичность.

— Разумеется, я сочувствую, — с облегчением сказал хозяин, снимая кожаный фартук и ведя Андрея за стойку, где стоял телефон.

Андрей позвонил в агентство. Телефон звенел долго.

Никто не подходил. Может, ложная тревога? Может, ПетриА звонила из его дома? Андрей бросил трубку.

— Спасибо.

Он побежал к выходу.

Завтра хозяин курильни будет рассказывать знакомым, какие все-таки варвары, эти пришельцы со звезд!

В агентстве горел свет, и отсвет падал на нависающие круглые бока дома, оттого дом казался грибом на светящейся ножке. В витрине на тонких нитях висела модель лайнера на фоне звезд.

Андрей рванул дверь. Она была открыта.

В зале для посетителей было пусто.

— ПетриА! — окликнул он почему-то тихо, будто боялся спугнуть девушку. — Ушла, — сказал Андрей, успокаивая самого себя. Он уже знал, что надо сделать два шага дальше, за высокую стойку, где стоял ее стол и телефон.

Витас понял, что страх остановил Андрея и не дает ему сделать этих последних шагов. Он первым подошел к стойке, открыл в ней деревянную дверку и шагнул внутрь. Андрей, недвижимый, видел, как Витас наклонился, что-то увидев на полу.

Андрей знал, что он трус. И понимал, что, наверное, любой человек в Космофлоте знает, что он трус. За что он и был исключен из списков летного состава Космофлота.

Голова Витаса исчезла за высокой стойкой.

Андрей слышал, как Витас отодвинул стул.

— Иди сюда, — сказал он.

Андрей покорно зашел за стойку.

ПетриА лежала на полу возле стола, свернувшись калачиком, как ребенок, который почему-то решил заснуть в таком неудобном месте.

Витас осторожно приподнял ее голову. Голубой парик соскользнул с черных волос, будто не хотел служить неживой хозяйке.

Андрей стоял, опустив руки, смотрел на темное пятно на ее груди и мысленно умолял Витаса сказать, что ПетриА жива, что она потеряла сознание.

— Она умерла, — сказал Витас.

— Нет, — сказал Андрей, который знал, что она умерла, с того момента, как они вошли в агентство. — Она звонила, она просила приехать. Сколько времени прошло, а мы все не ехали.

Витас бережно, словно боялся разбудить, положил голову ПетриА на пол. Мягкие волосы покорно рассыпались по плиткам пола. Витас поднялся, шагнул к столу, к пишущей машинке.

Движение его удивило Андрея. Он тупо смотрел, как Витас пытается вытянуть из машинки нижнюю половину листа, грубо и неровно оборванного сверху.

— Как это делается? — спросил Витас.

Андрей подошел к нему, освободил держатель. Лист бумаги выскочил из машинки. Это была машинка с местным шрифтом.

— Здесь нет «скорой помощи», — сказал он, протягивая лист Витасу.

— Поздно, — сказал Витас. — И на Земле бы ничего не смогли сделать. Погляди, что здесь. Это она печатала, когда они пришли.

— Они?

— Прочти. Возьми себя в руки!

— «Оставляю на ваше усмотрение отправку этих контейнеров. Остаюсь преданный вам ДрейЮ Брюс, агент КФ».

— Что это значит? — потребовал Витас.

— Ничего не значит. Она писала письма нашим заказчикам. Обычные письма.

— Здесь ничего обычного, — сказал Витас. — Стреляли в тебя тоже обычно?

— Я ничего не понимаю, честное слово.

— Кому надо сообщить? Кому здесь сообщают?

— В стражу нельзя, — сказал Андрей. — О смерти имеют право сообщать только близкие родственники. Иначе бесчестье.

— Ты лучше знаешь.

— Я позвоню ее брату. Он художник.

Витас ничего не ответил. Он присел на корточки за столом, там, где лежал упавший стул. Витас медленно двигался вдоль стены, разглядывая пол.

Андрей повернул ручку телефона.

Он вызвал дом ПетриА.

Подошел ее отец. Андрей извинился за поздний звонок и сказал старику, что ему надо поговорить с братом. Он побоялся сказать старику, что случилось. Старик удивился и спросил, почему задержалась ПетриА.

— Извините, — сказал Андрей, и это было невежливо, — я очень спешу.

Старик пошел звать сына. Андрей ждал, пока подойдет брат, и смотрел на ПетриА. У нее были очень мягкие волосы. Они всегда были теплыми и пахли горной травой. Она их мыла настойкой из горных трав.

Голос Кам ПетриУ был сонным. И раздраженным. Из всей спесивой знатной семьи, косо смотревшей на то, что богатая наследница занимается не подходящим для такой девушки делом, он был лояльнее других к Андрею. Он сам собирался улететь в Галактический центр.

— Здравствуй, — сказал Андрей. — С ПетриА несчастье. Я не сказал твоему отцу. Ты можешь сразу приехать в агентство?

— Сейчас. — К счастью, брат не задал ни одного вопроса.

Положив трубку, Андрей встал на колени рядом с ПетриА, поднял ее холодную кисть. Он старался уловить пульс.

— А что там? — услышал Андрей голос Витаса.

Тот стоял перед закрытой дверью.

— Мой кабинет, — сказал Андрей. — Там заперто.

Витас толкнул дверь.

Дверь открылась.

— Замок взломан, — сказал Витас.

Внутри тоже горел свет. Андрей, не поднимаясь, увидал, что шкаф, стоявший напротив двери, раскрыт. И пуст. Но не сразу сообразил, что же там должно быть. Потом сообразил и удивился — в шкафу висел его повседневный мундир песочного цвета.

— Что было в шкафу? — спросил Витас.

— Ничего интересного, — ответил Андрей. — Повседневный мундир.

— Кому-то это было интересно, — сказал Витас. — И взломан стол. Что было в столе?

— Ничего интересного, — повторил Андрей. Все это не имело никакого отношения к нему. И к ПетриА.

Он смотрел на руку девушки. Ее пальцы покорно лежали на его ладони. Он вдруг понял, что два ее ногтя обломаны. И под ними белое. ПетриА — такая аккуратистка.

Андрей заинтересованно, будто это могло помочь девушке, поглядел вокруг. И понял — краска на стене. ПетриА старалась выпарапать что-то на стене. У нее не было сил подняться, но она старалась что-то сделать.

«Шква...» — было выпарапано у самого пола... От последней буквы шла полоса вниз, к плинтусу.

Это было важно. Почему-то это было важно. Она уже умирала, она не могла подняться, но считала важнее всего написать это странное слово «Шква».

Витас, выйдя из кабинета, увидел, что Андрей держит ПетриА за руку, и сказал:

— Не надо, Андрей. Мы ей не поможем.

— Ну что ты меня уговариваешь! — вдруг взорвался Андрей. — Я знаю! Я все знаю!

Входная дверь распахнулась от удара. Вбежал брат ПетриА.

Он налетел на стойку грудью, как на барьер, который собирался преодолеть, но в последний момент не решился. Перегнувшись, он увидел ПетриА.

— Кто это сделал? Ты? Кто?

— Не знаю. — Андрей осторожно отпустил руку девушки и поднялся. Ему было неловко перед Кам ПетриУ.

— Почему она лежит здесь? Почему?

Он обежал стойку.

Витас попытался остановить его.

— Нельзя трогать, — сказал он. — Приедет полиция, они узнают, кто это сделал.

— Нас здесь не было, — сказал Андрей.

— Плевал я на вашу полицию!

Кам ПетриУ подхватил девушку на руки и понес ее в кабинет. Там положил на диван.

И сразу успокоился.

Мертвый не должен лежать на земле, вспомнил Андрей. Злые духи войдут в него.

— У нас нет кровников, — сказал брат. — Никто не хотел ее крови. Я знаю. Это твои кровники.

— У меня нет кровников, — сказал Андрей. — Ты знаешь. Я здесь чужой, у меня даже нет клана.

Короткая тога Кам ПетриУ была подпоясана плетеным ремнем, на нем висел двойной нож. Разговаривая, брат держал ладонь на рукоятке ножа. Он был неплохим, но беспутным, ленивым парнем, рисовал в газете, делал вид, что страшно прогрессивен и завтра улетит в Галактический центр, где все оценят его таланты. Безвредный парень. Но сейчас он не думал о Галактическом

центре. Наверное, и не помнил о его существовании. Он не столько был потрясен смертью сестры, сколько обстоятельствами ее. Сестра могла погибнуть — в этом мире погибнуть нетрудно. Но всегда находится объяснение смерти.

— Может, это были грабители, — сказал Витас. — Они взломали кабинет и унесли вещи.

— Это кто? — спросил брат Кам ПетриУ. — Что он говорит?

— Мой друг говорит, что это могли быть грабители.

— Грабители? Зачем они стали бы убивать сестру? — удивился Кам ПетриУ. — Они дождались бы, пока она уйдет. — Он был прав. — А он? Я его видел. Он прилетел со звезд?

— Он прилетел сегодня. На «Шквале».

И, произнеся это слово, Андрей понял, что ПетриА старалась выскрести на стене.

Он молча вышел из кабинета и еще раз прочел слово. Конечно же, ПетриА хотела сказать про «Шквал». И на космо-лингве. Значит, для Андрея.

Витас вышел из кабинета следом за Андреем.

— Смотри, — сказал Андрей тихо и показал на надпись.

— «Шквал»? — сразу догадался Витас.

— Да. Она хотела нам сказать.

— Ты можешь позвонить в диспетчерскую?

Андрей снял трубку телефона. Там не отвечали.

В дверях стоял Кам ПетриУ. Модная прическа — гребнем — сдвинулась набок. Тога растегнута. Глаза красные.

— ДрейЮ, — сказал он, — мою сестру убили. Ножом в спину. Как слизняки, которые жалят ночью. Ее кровь — моя кровь.

Слезы текли по его щекам. На Пэ-У мужчины не стесняются эмоций, сдержанность — долг женщины.

— Ее кровь — моя кровь, — повторил Кам ПетриУ, поднимая руку ладонью вперед.

Это были слова смертной мести. Брат брал месть на себя. Если бы он считал ДрейЮ близким человеком, он бы сказал иначе: «Ее кровь — наша кровь», приглашая тем самым Андрея к кровной мести и связывая его этой местью.

Андрей был здесь чужим. И мир этот был ему чужд. И уж конечно, чужда месть, которая отныне будет править делами и мыслями клана Петри.

— Я не знаю убийцы. Я могу подозревать всех, — сказал Кам ПетриУ. — Могу подозревать тебя, звездный господин. И твоего друга.

— Не надо, — сказал Андрей.

Андрей смотрел через плечо Кам ПетриУ. ПетриА лежала на диване.

Андрей прошел в кабинет, отстранив молодого человека. Тот покорно подчинился. Андрей остановился у дивана. ПетриА лежала, чуть склонив голову набок, ее рука свисала вниз, касаясь длинными пальцами пола.

Так стоять было нельзя. Надо было что-то делать. Она написала о «Шквале». Надо ехать на космодром.

Андрей был совсем один. Снова совсем один. Как человек, который проваливается в черную бездну космоса, чтобы никогда не встретить в своем падении ничего, кроме пустоты.

Андрей услышал собственный голос. И удивился, услышав, какой он хриплый.

— Твоя кровь, — сказал он, — моя кровь.

Это было очень древнее заклятие. Он брал месть на себя. Как самый близкий человек. Как человек, имеющий право на монополию мести.

Очень цивилизованный и мирный человек, представитель гражданской космической авиации на планете Пэ-У, объявлял о мести. Это было

немыслимо. Если бы кто-нибудь сказал об этом Андрею день назад, он бы засмеялся.

— Я подчиняюсь, отец, — сказал Кам ПетриУ.

Оказывается, он помнит о их родственных отношениях. Андрей сказал:

— Кам ПетриУ, ты вызовешь стражников и все расскажешь. Мы едем на космодром. Нашему кораблю может угрожать опасность. Мы возьмем твою машину.

Он сказал это голосом человека, который имеет право распоряжаться.

— Я все сделаю, — сказал Кам ПетриУ.

Витас не понял этого разговора. Они говорили на языке Пэ-У. И уж тем более он не знал о законах мести.

Андрей склонился и поцеловал ПетриА в висок. Кожа еще сохраняла остатки теплоты.

* * *

Маленькая машина Кам ПетриУ ехала медленно. Паровой двигатель вздыхал, ухал, в нем что-то потрескивало, и Витас, не знавший, насколько такие монстры надежны, беспокоился, доберутся ли они до места. Они, как ни странно, долго разговаривали об этих машинах, может, потому, что Андрею было легче говорить о паровых котлах, чем о том, что случилось.

Надо было позвонить Ольсену, старик знал ПетриА, и они были дружны с девушкой, но Ольсен уехал куда-то с ВараЮ.

Интуитивно Андрей ощущал какую-то связь между покушением у Пруга и смертью ПетриА, но, разумеется, никаких оснований для выводов не было. Просто совпадение по времени.

— С такой скоростью мы доберемся до космодрома к утру, — сказал Витас.

Темные редкие дыни выплывали из темноты, освещенные фонарем машины, прятались в столбе дыма, поднимавшегося из ее трубы, и уплывали назад, солидно и беззвучно.

...Машина ухнула в очередную выбоину, и ее окутало пылью. Когда она выбралась из желтого, подсвеченного фарой облака, впереди возникли огни космодрома. Тусклые дежурные фонари. И люлька диспетчерской на башне.

Ворота на поле были распахнуты, охранника рядом не видно.

Андрей развернул машину и затормозил у башни.

Вокруг было очень тихо. Далеко-далеко за полем выли лисы. Стайка летучих крыс пролетела низко над головами, и по коже прошел холодок от крысиного ультразвукового пения.

Витас ничего не спрашивал. Он молча следовал за Андреем.

Они вбежали по лестнице.

Диспетчерская была ярко освещена.

Дежурный диспетчер завалился набок в кресле, голова склонилась к пульта. Он был недвижим.

Андрей приподнял веко диспетчера, пощупал пульс.

— Он жив.

Диспетчер тихо застонал.

Витас прошел к экрану и включил его. Корабль возник на экране. Он был темен и тих. Витас дал увеличение. Люк был открыт, пандус спущен.

— Где вызов? — спросил Витас отрывисто.

Андрей уже вызывал корабль. Корабль не отвечал.

— На мостике никого, — сказал он. Экран связи был пустым.

— Этого не может быть, — сказал Витас.

Андрей обернулся. В открытых воротах космодрома вспыхнул белый круг прожектора. На поле выползла большая военная машина. Из коротких труб белыми столбами рвался пар. Стальной округлый лоб блестел под фонарем. Машина пошла полем к кораблю.

— Что за черт!

Андрей бросился к выходу. Витас за ним. Они залезли в машину Кам ПетриУ. Паровой котел был горячим, и машина почти сразу взяла с места и покатила к кораблю. Они видели, как тормозит боевая машина. Наверху пандуса в открытом люке возникла фигура.

— Кто это? — крикнул Андрей, перекрывая рев парового двигателя.

Человек, освещенный прожектором боевой машины, был одет в светлый костюм и высокую фуражку.

— Это ты! — закричал в ответ Витас.

Человек редко видит самого себя издали, да и не ожидал Андрей увидеть агента КФ встречающим боевую машину. Но Витас был прав. Человек, стоявший у люка, был одет в песочный мундир Андрея, который исчез из кабинета.

Люки боевой машины раскрылись, и оттуда выскочили воины в черных коротких туниках поверх кольчуг. С копьями, некоторые с автоматами. Затем вылез грузный человек, тоже закованный в латы. Андрей узнал Пруга, наследника Брендийского.

Пруг обернулся, услышал клочкотание двигателя. Он крикнул что-то воинам и быстро побежал вверх к люку. Человек в мундире Андрея Брюса поспешил за ним. Воины кинулись обратно, прячась за броней боевой машины. Короткая пушка начала разворачиваться в сторону паровичка.

Оставалось еще пятьдесят метров открытого пространства. Андрей понял, что в минуту их

разнесут в клочья. Он видел на маневрах эффект от выстрела взрывчатой картечью. Именно из такой пушки.

Андрей резко развернул паровичок и бросил его в сторону, чтобы вырваться из круга света от прожектора боевой машины. Поворачивая, он успел увидеть, как из ближайшего к «Шквалу» люка боевой машины два воина выволакивают еще одного человека, обнаженного и бессильного.

Выстрелила пушка боевой машины. Картечь, взрываясь синими огоньками, фейерверком праздничных шутих высветила небо.

Теперь надо было скрыться за кораблем. В этом было единственное спасение. Башня боевой машины разворачивалась, и Андрей всей шкурой чувствовал, как широкое дуло поймало их машину и ведет ее. Он резко затормозил. Неуклюжий паровичок словно сообразил, что ему грозит, сразу послушался. Витас ударился головой в лобовое стекло.

— Прости, — сказал Андрей.

Струя сверкающих взрывов пролетела перед самым носом паровичка. Полминуты на зарядание пушки. На поле стало светло как днем. Свет прошел сзади. И также пропал, перейдя в грохот. Андрей, оглянувшись, понял, что это взорвалась диспетчерская.

Отравленные стрелы били по боковым стеклам, оставляя на них желтые подтеки. Прожектор боевой машины рыскал по полю.

Во всю силу врубился могучий прожектор «Шквала». Поле стало светлым и маленьким — спасительная стена корабля, нависающая над полем, была рядом. Но они не успели достичь ее. Их накрыло следующим выстрелом.

Ударяясь о машину, картечь вспыхивала ослепительно и радостно. Андрею показалось, что он ослеп. Звенело разбитое стекло. Ожгло руку.

Андрей цеплялся за рычаги управления, стараясь удержать машину, но ее завертело и понесло...

Потом неожиданно наступила тишина. Андрей почувствовал, что тело ему не подчиняется. И прошла секунда, прежде чем искры в его глазах угасли и он понял, что на него навалилось тело Витаса. Машина стояла.

— Витас! — крикнул Андрей. — Ты что?

Витас молчал. Дышать было трудно. Кабина наполнялась дымом. От выстрелов картечью вспыхнула фанерная обшивка паровичка.

Андрей смог открыть дверь. Он понимал, что все неправильно и нереально. Этого не может быть. Он — агент КФ, он занимается полетами, размещением гостей, он сидит в тихом месте на тихой работе. У него нет врагов. Он сейчас вернется и расскажет ПетриА об этом диком сне. Она сидит на диванчике в его доме и ждет.

И еще он понимал, что Витас оказался со стороны выстрела. Андрей вывалился из машины, волоча Витаса. Рука была обожжена, и он на мгновение потерял сознание от боли, но не отпустил Витаса и вытащил его за собой, вцепившись в него, как бульдог. Опять был удар боли, когда рука ударилась о бетон и сверху мешком свалился Витас.

Дым был ужасен, ни черта не видно, кроме огоньков. Пламя разгоралось, чтобы сожрать паровичок. Андрей полз или, вернее, ему казалось, что он ползет, чтобы скорее спрятаться в спасительную тень под кораблем, как будто там его никто не найдет...

* * *

Андрей пришел в себя на корабле. В каюте. Это было странное пробуждение. Ощущение безмятежного детского счастья. Когда нет никаких

забот, кроме желания еще понежиться в постели, потому что все на свете замечательно. Просыпаясь, но еще не вернувшись к реальности, Андрей понимал, что возвратился на свой корабль. Сейчас тихий зуммер вызовет его на вахту...

Андрей сделал движение, чтобы откинуть одеяло, но даже самое начало этого движения вернуло все на свои места и отогнало сладкие иллюзии.

Рука, запеленутая и тяжелая, не подчинилась ему, и звонок тревоги в мозгу начал безжалостно будить клетку за клеткой, и, пробудившись окончательно, Андрей замер от масштабов тревоги, а затем — горя.

Не было ни детства, ни вахты. Была смерть ПетриА. Ночной космодром. Звезды картечи. Ослепительный взрыв паровичка.

И Андрей не пытался больше подняться. Он замер. Он тщательно и почти спокойно прокручивал в голове ленту событий, вчерашних — или, может быть, уже давних? Сколько он провел времени в беспмятстве? Где он? На корабле.

Корабль был в полете.

Ни один звук, ни одно движение не выдавало этого, но Андрей, — на то человеку и дается космический опыт, — отлично знал, что корабль в полете: микроскопические вибрации и неуловимые шумы, неразличимые и непонятные для непосвященного, сразу рассказали ему обо всем.

Это был гравитационный корабль, на котором ему не приходилось еще бывать. Явно гравитационный, потому что не хватало глубокого и почти беззвучного шипения плазменных двигателей.

Значит, мы на «Шквале». Далее, есть две возможности. «Шквал» удалось отстоять, и Андрея, тяжело раненного, взяли на корабль, чтобы

доставить в Центр. Или Пруг захватил корабль, и тогда Андрей — пленник. Но кто-то забинтовал ему руку. Значит, на корабле врач.

Следующий шаг надо сделать обдуманно. Сначала выясним, как сильно нас покалечило. Рука повреждена, обожжена. А что еще? Андрей подвигал ногами. Ноги были послушны. Теперь правая рука. Правая рука откинула одеяло и поднялась в воздух. Андрей поглядел на нее, как на живое существо, ему не принадлежащее.

Он легко сел на кровати. Голова закружилась. Ноги сделали привычное движение, — так они делали уже много лет, — чтобы надеть шлепанцы. Пятки скользнули по полу. Андрей сосчитал до двадцати, голова перестала кружиться. Он поднялся. Рука в упругой эластичной повязке легла вдоль бока. Было больно. Интересно, чем же кончилась эта история с нападением... А Витас?

Именно беспокойство за Витаса заставило Андрея скинуть оцепенение. Андрей дотронулся до кнопки двери. Дверь должна была отойти в сторону. Дверь не шелохнулась. Сначала ему даже не пришло в голову, что дверь может быть закрыта. За годы жизни на кораблях Андрей еще не сталкивался с такой ситуацией — двери не должны запираются. За исключением одного случая — если нарушена герметичность.

Андрей шагнул обратно, к койке, нажал на столিকে вызов интеркома. Слава богу, хоть вызов работает. Экран как бы нехотя ожил, пошел зелеными полосами. Вспыхнул белым. Андрей вызвал отсек управления.

На экране был ВосеньУ. Не просто ВосеньУ. Его не узнаешь с первого взгляда. Костюм ВосеньУ был ему велик. Разумеется, велик, потому что Андрей выше его и шире в плечах.

Значит, это ВосеньУ надо было, чтобы его приняли за Андрея. Зачем? Чтобы захватить

корабль. И за мгновение, прежде чем он увидел знакомую ухмылку ВосеньУ, Андрей уже все понял. «Значит, — подумал холодно Андрей, утопая в ненависти, — значит, это ты, мой скромный помощник, убил ПетриА. Она помешала тебе, и ты ее убил».

— Ее кровь — моя кровь, — сказал Андрей, глядя на ВосеньУ.

— Что? — ВосеньУ ожидал всего что угодно. Только не этих слов, сказанных на языке города.

Но он был сообразителен. И сообразил.

— Это неправда, — сказал он. — Я ее не убивал. Клянусь богиней УрО. Я никого не убивал.

— Где Витас Якубаускас? — спросил Андрей. Он был совершенно спокоен.

— Болеет.

— Кто у вас главный?

— Нас ведет Пруг Брендийский.

— Вызови его.

— Я не знаю, захочет ли он с тобой говорить.

На экране возник Пруг Брендийский. Он, видно, не знал, как переключается связь, и потому попросту оттолкнул ВосеньУ.

Наследник Брендийский был в боевом наряде и высоком шлеме. Полосы боевой краски на надутых щеках, подсиненные, заплетенные в косички усы. И настороженные черные глаза.

— Ты хотел говорить со мной? — сказал он. — Говори.

— Что произошло?

— Ты сам пришел к нам, — сказал Пруг. — Мы тебя не звали.

Он смеялся. Добрые лучики веером разбежались от уголков глаз, крепкие желтые зубы открылись за лиловыми губами.

— Я требую... — Голос звучал неубедительно. И Андрей оборвал фразу.

— Понял? — спросил Пруг. — Не надо требовать. Надо благодарить. Теперь ты нам совсем не нужен. Даю тебе слово. А мы тебя не бросили. Мы тебя подобрали, пожалели.

— Зачем все это нужно?

— Приведите его ко мне, — приказал Пруг.

* * *

Ситуация была неординарной, тревожной и грозила дальнейшими бедами. Очевидно, корабль оказался в руках людей, которым не положено командовать космическими кораблями. Корабль движется в неизвестном направлении с неизвестной целью. Однако цель эта должна быть достаточно серьезной для тех, кто захватил «Шквал». Нападение — не наскок под влиянием момента, а запланированная акция. Наследник Брендийский решился сам подняться в космос. Не Галактический же центр они намерены завоевать.

Андрей ждал. Дверь отъехала в сторону. ВосеньУ стоял напряженно, будто готов был в любой момент отпрыгнуть в сторону. Но сделать это было бы нелегко, так как два горца в кольчугах, с ножами в руках стояли вплотную за ним.

Андрей понял, что ВосеньУ очень боится его, даже раненного, но и боится выглядеть смешным. И потому кажется смешным. Чужой костюм сидел на нем криво.

Андрей понял, что, привыкнув к ВосеньУ, он никогда к нему не приглядывался. А теперь вдруг увидел: худой человек ниже среднего роста, нестарый еще, узколобый, с тщательно проведенным пробором, прямой нос кажется продолжением пробора, а остальное несущественно.

Андрей сделал шаг к нему, не отпуская взглядом зрачков.

ВосеньУ отпрянул. Натолкнулся спиной на воинов. Те не шевельнулись. Воины были похожи, один постарше. Наверное, братья — одинаковая клановая татуировка на щеках.

Андрей спросил:

— Куда идти?

— Направо, — сказал ВосеньУ с облегчением.

И пошел по коридору первым, склонив голову набок и вывернув ее назад, чтобы не выпускать Андрея из поля зрения.

— Я тебя убью, — повторял Андрей, глядя ему в спину. — Я тебя убью, подонок.

Пруг Брендийский ждал в кают-компании. Он занимал половину дивана.

— Рука, — спросил Пруг, — не болит?

— Я хочу видеть капитана Якубауса, — сказал Андрей.

— Я думал, — сказал Пруг и свел над Голова под париком была совсем лысой, — ты будешь спрашивать о более важных вещах.

Пруг не скрывал, что у него отличное настроение.

Рука ныла, как будто в нее воткнули гвозди. И медленно поворачивали. Даже подташнивало от боли. Еще не хватало упасть перед ним в обморок.

Андрей опустился в кресло напротив Пруга. Тот приподнял кустистую бровь. Охранник, вошедший за Андреем, хотел было помешать тому, но Пруг поднял руку:

— Пускай сидит. Он слаб. Люди неба хороши, пока вокруг них много приборов и штучек. Когда они голые, то в них нет силы.

— Где Витас? — сказал Андрей упрямо. Не будет же он спорить сейчас с горным князьком, в лапы которому попал новейший звездолет Галактики.

— Я отвечу, — сказал Пруг. — Твой Витас

жив. И не нужен мне, как не нужен и ты. Но жив. Где доктор?

— Сейчас, — сказал ВосеньУ.

Стараясь не проходить рядом с Андреем, ВосеньУ добрался до экрана у рояля. В кают-компании был рояль. На корабле Андрея не было рояля. За роялем молча стоял ДрокУ. Желтово-лосый воин, которого Андрей видел в доме Пруга.

— Медотсек слушает, — раздался голос. Голос возник чуть раньше, чем изображение доктора. Интересно, сколько человек оставалось на «Шквале»?

— Скажи ему о капитане, — произнес Пруг на космо-лингве.

Доктор смотрел на Андрея.

— Как ваша рука? — спросил он. — Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне. Вам надо сменить кокон и сделать обезболивание.

— Я тебе задал другой вопрос, — сказал Пруг. — На мои вопросы надо отвечать сразу.

Доктор пожал плечами. Он был уже немолод, худ, сутуловат. И растерян, хоть и пытался это скрыть.

— Не надо пугать меня, — сказал доктор. — Я не играю в разбойников. Капитан Якубаускас в тяжелом состоянии. Я поместил его в ожоговую камеру. Он спит. Прямой опасности для жизни нет, но требуется покой и длительное лечение...

Андрей смежил веки. Тошнило от боли.

— Почему ты не задаешь вопросов? — спросил наследник Брендийский. — Я рад тебе ответить. Ты мой гость в этом большом доме.

— Зачем вы это сделали? — спросил Андрей. — Вы же понимаете, что вас обязательно поймают.

— Я могу ответить, — сказал наследник

Брендийский. — В этом теперь нет тайны. Мы летим на Ар-А.

— Зачем? — Андрей был удивлен, но не поражен этим известием. Это объяснение по крайней мере имело хоть какой-то смысл,

— Мы летим на родину моих предков, — сказал Пруг. — На родину гигантов.

— Посетить любимые могилы? — вдруг не удержался Андрей. Ирония здесь улавливалась лишь теми, кто знал местные обычаи. Посещение любимых могил некогда было торжественным обрядом — долгим путешествием к легендарному кладбищу на Плато Любимых. Там, по слухам, лежали останки героев, павших в Битве на Краю пустыни. Со временем это долгое путешествие, которое кончалось грандиозными пирами и смертоубийством, было запрещено, но, разумеется, не пресечено.

— Ты не зря прожил у нас столько времени, ДрейЮ, — сказал Пруг беззлобно. — Но ты не прав. Я не из тех, кто прогуливает жизнь в пирах и забавах. И я хочу, чтобы ты это понял и запомнил. Я очень просто устроен. Мне нужна власть и слава. Как и каждому благородному воину. Я был предательски лишен власти, которая причитается мне по праву. Я был изгнан и вынужден жить среди слизняков вонючего города. Многие думали, почему же столь славный и великий вождь живет столь пусто. Как человек, отказавшийся от борьбы. Но у меня давно была мысль вернуться к себе победителем. И не только победителем. Великим победителем, о котором давно мечтал мой народ и все народы.

Пруг Брендийский перестал улыбаться.

— Ты чужой, ничего не понимаешь. А если понимаешь, то думаешь просто. Все люди думают так, как их учили. Только великие люди умеют думать так, как хотят. А я думаю выше, чем

вы, обыкновенные люди. Я думаю о том, как поднять честь. Я лечу на Ар-А! Побуждения мои благородны, цель высока, и я не хочу никому зла. Поэтому ты жив, и твой капитан жив. И те, кто были на корабле, тоже живы. Мне не нужна кровь и месть. Мне нужна лишь справедливость.

— А ПетриА? — спросил Андрей. — Она погибла.

— ПетриА, из клана Кам-Петри? Где погибла она? Почему мне никто не сказал?

— Спроси у своего сообщника, — сказал Андрей.

— ВосеньУ, что знаешь ты, скрытое от меня? — спросил Пруг.

— Кто-то убил ПетриА, — сказал ВосеньУ. — Когда я был в агентстве, чтобы взять полетные документы и его одежду, я увидел ее мертвой. Вернее всего, это совершил ДрейЮ. У них была связь, и он боялся, что о ней узнают.

— Если ты прав, ВосеньУ, — сказал Пруг, — о, мы будем вынуждены жестоко наказать ДрейЮ. Ибо никто не смеет поднимать руку на девушек наших славных кланов. Кто же взял на себя месть?

— Ее кровь — моя кровь, — сказал Андрей.

— Ты не можешь это сделать, ты чужой. И ты болен. Отведите его к доктору. Я не люблю мучить людей, а наш гость ДрейЮ ранен и обожжен. Прежде чем он выйдет на тропу мести, ему надо окрепнуть. — Пруг рассмеялся.

* * *

Воин толкнул Андрея в спину. Тот с трудом удержался на ногах. Дверь сзади затворилась. Охранники остались в коридоре.

Медицинский отсек был ярко освещен. Обыч-

ный медицинский отсек. Амбулатория и белая дверь в госпиталь.

Доктор поднялся навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Мишель Геза. С вами я немного знаком. По крайней мере вы со вчерашней ночи мой пациент.

— Витас спит?

— Спит. Ложитесь. Сначала займемся вами. К сожалению, поврежден мой компьютер... — Доктор смущенно улыбнулся. — Когда они во-
рвались, у меня с ними получился... буквально конфликт.

Он показал в угол. Там лежала сметенная грудa осколков стекла, мелких деталей, словно кто-то дотошно выпотрошил «живую куклу». Несколько лет назад была мода на «живых кукол». Они были фантастически умелы — ходили, бегали, пели, капризничали, просыпались ночью, плакали и просились на горшок... И дети разламывали этих кукол, обязательно разламывали. И оставалась куча мелких деталей — куклы были буквально напичканы этими деталями.

— Простите за беспорядок, — сказал доктор. — Мне некогда было убрать. Рука болит?

Он быстро обработал раны. Боль возникла, заставила сжать зубы, но тут же отпустила.

— Расскажите, — сказал Андрей, — что у вас произошло.

— Я думал, вы больше меня знаете, — сказал доктор.

— Считайте, что мы оба мало знаем.

— Я не поехал в город, — сказал доктор. — Полежите немного, сейчас пройдет. Я немного простудился и думал, что выйду на второй день, потом. На корабле нас осталось двое. Я и второй пилот Висконти. Мы занимались своими делами.

Потом поужинали... Висконти был на мостике. Потом он включился и сказал, что приехал агент Космофлота: якобы что-то случилось. Мы ничего не подозревали. И когда Висконти пошел к люку, я тоже пошел, отчего-то встревожился. Может, несчастный случай, я понадоблюсь. Было темно. Я увидел служебную платформу, а на ней стояли вы.

— Как вы меня узнали?

— Форма. Форма представителя Космофлота.

— Это был мой помощник ВосеньУ.

— Там был еще один, водитель. Вы подняли руку. Висконти открыл люк. Они подошли поближе. А мы не знали вас в лицо. И впустили в корабль. Но поймите, мы же на цивилизованной планете...

— Вас никто не винит.

— Дальше все было неожиданно. Мы не успели сообразить. Они оба вошли и приказали нам лечь. Висконти спохватился первым. Он вахтенный, он был вооружен. Он пытался достать пистолет...

— И что?

— Они закололи его. Понимаете, все произошло очень быстро. Я буквально опешил. Висконти вдруг упал. А меня свалил первый. Остальные, наверное, скрывались у корабля. Или лежали на платформе. Я слышал шаги, голоса. Они ворвались на корабль. Меня буквально перетащили в кают-компанию. Там их было несколько человек. Мне сказали, что корабль переходит во владение какого-то Берендея. Человек в вашей одежде хорошо говорил на космо-лингве.

— Да, — сказал Андрей. — У него диплом штурмана. Но он предпочел работать у меня в агентстве.

— Он сказал, что я должен выполнять при-

казания. Иначе меня убьют, как Висконти. И я понял, что он не шутит.

Доктор подошел к столу, стал перебирать на нем какие-то бумажки. Руки его чуть дрожали.

— Простите, — сказал он, — я до сих пор не могу пережить...

— Я бы тоже испугался, — постарался успокоить его Андрей.

— Вы не понимаете, я не могу пережить унижения. Это унижительно. Отвратительно. Буквально у меня на глазах убивают человека. Я смотрю на эти лица — совершенно спокойные лица... Я не могу сказать, что не рассуждал. Я рассудил, что на корабль напали грабители. Если мы сейчас бросимся на этих людей, они нас убьют. Может, им даже удобнее нас убить. Я надеялся, что буквально через минуту поднимется тревога. И все кончится. Даже когда этот ВосеньУ сказал, что «Шквал» должен готовиться к отлету. Я чуть не улыбнулся. Я вспомнил давние времена самолетов, может, помните, если вы учили историю, что когда-то водились террористы, которые захватывали самолеты. В воздухе.

— Помню. Читал.

— И я старался говорить с ними мягко, ну как с сумасшедшими. Я стал его уговаривать одуматься. А он смеялся, а потом меня ударил. Буквально ударил по лицу. Вы можете поверить?

— Могу.

— Остальное вам известно. А я буквально в тупике. Ведь мы летим? Но куда летим? И совершенно нечего есть. Как вы думаете, они нас накормят?

— Не знаю, — сказал Андрей. — Они утверждают, что летят на Ар-А.

— Простите, я не знаю, что это такое.

— Другая планета в той же системе.

— Это еще зачем? Она населена?

— Нет. Там только археологическая экспедиция.

Беседуя с доктором, Андрей представлял себе примерно, каким образом было осуществлено нападение на корабль. События, которые казались еще недавно не связанными между собой, случайными и даже загадочными, обретали простые объяснения. Кому и почему надо было покушаться на Андрея и Витаса? Кому они мешали? Мешали они Пругу, мешали потому, что, оставаясь на свободе, они были опасным фактором, они могли сорвать захват корабля. Их надо было убрать со сцены. Просто и понятно. Даже понятно, почему Пруг не был настойчив в попытках убить их. Он действовал по старинной поговорке: «Лучше живой враг, чем мститель за мертвого». Вот они с Витасом и живы. Пруг опасался, что убийство капитана и агента Космофлота заставит Галактический центр вступить на путь смертной мести. Если можно этого избежать, тем лучше. Пока покушения на Андрея и Витаса производились на темной улице убийцей со стертым клеймом на стреле, Пруг мог откреститься от участия в этом. На корабле же иначе...

Но путешествие к предкам, желание приобщиться к величию гигантов... уж очень несовременная причина для такого вполне трезвого политика, как Пруг.

Ответ на этот вопрос материализовался в образе долговязой, растерзанной, полуголой фигуры, влетевшей в неожиданно раскрывшуюся дверь.

— Фотий ван Кун, археолог, — произнесла фигура, почти церемонно кланяясь. — У меня страшно болит зуб.

— Археолог? Это вы пропали позавчера?

— Никуда я не пропадал. Меня похитили. Где у вас обезболивающее?

— Спокойно, — сказал доктор. — Садитесь сюда и давайте поглядим, что у вас произошло.

— Только попрошу без этих «спокойно» и «садитесь». Я этого достаточно наслушался в вашем бандитском логове, — заявил Фотий ван Кун. — Я не намерен разговаривать ни с кем из вашей банды, и можете катиться ко всем чертям. Мне ясны ваши замыслы и махинации, и вы еще даже не представляете, что я с вами сделаю.

Во время этого бешеного по скорости и напряжению монолога Андрей успел разглядеть археолога. Очевидно, в нормальном состоянии он был обыкновенным человеком, его не различишь в толпе. Но сейчас его редкие волосы стояли дыбом, лицо было перемазано, от одежды оставались лишь странные и неполные детали нижнего белья. Как часто бывает у рыжих, у него было мучнисто-белое лицо, усыпанное веснушками. Зеленые глаза лихорадочно блестели.

— Я убежден, что вы заблуждаетесь, — сказал доктор. — Мы не имеем буквально никакого отношения к тем людям, которых вы именуете бандитами.

— Нет никаких оснований вам доверять, — ответил археолог. — Меня тут уже обманывали.

— Тогда сядьте и откройте рот.

— Ничего подобного. Вы не знаете о моих болезнях, а я знаю. Я простужен. Понимаете, я зверски простужен, и простуда у меня всегда выражается в зубной боли. Если бы вас держали часами на сквозняке, вы бы не рассуждали так спокойно.

— Доктор, — сказал Андрей, — я полагаю, что нам следует подчиниться. Дайте ему обезболивающее, а осмотрите его в следующий раз.

— Наконец-то разумный человек. Я вспомнил!

Вы агент Космофлота! Я вас видел у консула. Значит, вы, вернее всего, не бандит.

Фотий ван Кун залез в аптечку, вытащил оттуда тубик с обезболивающим, выдавил себе на щеку, растер, затем стал вытаскивать другие лекарства и пытался рассовать их по несуществующим карманам. Лекарства сыпались на пол.

— Это грабеж, — заметил доктор.

— Нет, это не грабеж. При моем состоянии здоровья я вообще никогда не выхожу из дома без аптечки. И совершенно неизвестно, когда в следующий раз я смогу ее пополнить. Дайте мне коробку!

Доктор растерянно поглядел на Андрея. Тот пожал плечами.

Доктор достал из стола пластиковый пакет. Фотий ван Кун сердито ссыпал туда конфискованные лекарства. И видно, это его примирило с доктором и Андреем.

— Вас тоже похитили? — спросил он.

— Да.

— А вы-то им зачем?

— Мы еще не знаем.

— Чепуха! — заявил Фотий ван Кун. — Вы отлично знаете. Им нужен корабль. Чтобы добраться до сокровищ Ар-А. Ясно как день.

— Сокровища Ар-А? — спросил Андрей. — Это что-то новое. И наверное, это может нам самим многое объяснить. Что вы имеете в виду?

— Я бы мог вам дать тезисы моего сообщения... — Фотий ван Кун потер лоб. — Но они утащили все мои записи и схемы. Все утащили.

— Тогда мы имеем право узнать об этом из ваших уст, — сказал Андрей. — Раз мы лишены возможности прослушать вашу лекцию.

— Работа еще не завершена, есть только

самые предварительные результаты. Там масса интересного для археолога. Но для бандита — куда меньше. Да, там есть пушки и всякие пулеметы. Но они же ржавые!

Дверь открылась, и ВосеньУ, не рискуя войти внутрь, сказал:

— Уважаемый ван Кун, вы просили ужин. Ужин готов.

— Не нужен мне ваш ужин. У меня и без вашего ужина начинается гастрит.

И с этими словами археолог направился к двери.

Дверь закрылась.

— Еще один кусочек мозаики, — сказал Андрей. — Можно, я зайду к Витасу?

— Заходите, — сказал доктор. — Станный тип этот ван Кун.

— Его похитили за день до нас. Все думали, что его убили. Они инсценировали ограбление и даже убедили стражу, что грабители утопили его в озере.

Доктор открыл дверь в госпиталь. Там в ванне с физиологическим раствором лежал Витас.

Андрей подумал, как меняется человек, когда он находится в неестественном состоянии. Ты смотришь на него и понимаешь, что это должен быть Витас Якубаускас. А видишь куклу, муляж, потому что мышцы лица расслаблены, чего не бывает даже в глубоком сне, от этого лицо становится неживым.

— Что же, — сказал Андрей, — надо отдать им должное. Они провели свою операцию безукоризненно.

— Что же делать? — спросил доктор. Они стояли рядом с Витасом, словно приглашая его участвовать в разговоре.

Наследник Брендийский, в ближайшем будущем также господин планеты Ар-А, потомок гигантов, пригласил к обеду агента КФ Андрея Брюса.

Кают-компанию переоборудовали. Предусмотрительный наследник притащил с собой любимые вещи.

Например, кресло. Может, не то, что стояло в его доме, но достаточно солидное кресло, чтобы вместить тушу наследника.

Стол был накрыт скатертью цветов клана. Никакой уважающий себя властитель не будет жрать на какой-нибудь тряпке.

Два воина в парадных туниках и племах стояли по обе стороны кресла, сверкая обнаженными клинками. В косицы усов были вплетены цветные ленточки.

— Мне тут нравится, — сказал Пруг. — Садись и поешь со мной. Не считай себя моим кровником. Это заблуждение. Смерть уважаемой ПетриА была следствием ошибки. Мы ее не убивали. Даю слово горца. Так что отведай моего скромного угощения.

Вдруг Пруг Брендийский засмеялся:

— Второй день подряд у меня в гостях! Этой чести позавидовал бы любой министр. Да садись же! Мы с тобой вожди двух кланов. Ваш клан побежден, но в честном бою.

Воины внесли блюда с настоящей горской пищей. Значит, и об этом Пруг позаботился.

— Доктор голоден, — сказал Андрей.

— Я уже распорядился. Ему понесли пищу.

Андрей не мог отделаться от ощущения, что напротив него за столом сидит очень хитрый и хищный кот. Теперь многое зависело от того, что

удастся узнать о намерениях и возможностях врага.

Странно, подумал Андрей. За всю мою не очень удачную жизнь мне не приходилось еще сталкиваться с человеком, которого я мысленно называю врагом. А этому я враг.

— Я не считаю тебя врагом, — сказал Пруг, перегибаясь вперед и накладывая с подноса мешанку в миску Андрея. — Мне ничего от тебя не надо. Я своего уже добился. Дикий горец захватил корабль. Почему? Потому что вы избалованные люди. Вас защищает не ваше истинное могущество, а страх других перед вашим могуществом. Это и есть ваша слабость. Могущество рождает самоуверенность. И вот результат: мы летим, куда я хочу. И вы мне помогаете и будете помогать.

— Что вы этим хотите сказать?

— Да очень просто. Горец, дикий человек, слабый перед природой и господами, никогда бы не сел за один стол с убийцей. Он бы умер от голода. Он бы бросился на нож. А ты такой могущественный, что не считаешь для себя унижением сидеть со мной. Ты думаешь, что перехитришь меня. А ведь человеку трудно перехитрить гиену, хоть он и умнее, и сильнее. Гиена — первобытное существо. Я — первобытное существо. Даже твой неверный помощник ВосеньУ — первобытное существо. Вы его научили летать в космосе, считать на компьютере, показали ему, как вы живете, вызвали в нем постоянную зависть и озлобление против вас. Внутри он остался таким же диким, как и до встречи с вами. Ты когда-нибудь был у него дома? Ты знаешь, с каким упрямством и почтением он выполняет все ритуалы первобытной жизни? Я это сразу проверил. Как только замыслил великое дело. Я знал, что должен использо-

вать вашу слабость — ваше могущество. Я стал следить за ВосеньУ и, узнав, что он внутри остался первобытным, начал прикармливать его.

Пруг Брендийский извлек толстыми пальцами кусок мяса со дна миски и подержал в воздухе, будто намереваясь положить его в тарелку Андрея. Однако, видно, решил, что честь слишком велика и вместо этого отправил кусок себе в рот. Андрей подумал, что неправильность лица Пруга именно во рте. Рот слишком мал и тонкогуб, будто снят с другого, маленького личика.

— Признай, что в моих словах есть истина.

— Есть, — согласился Андрей. — Мы были доверчивы. В результате убита ПетриА, убит пилот Висконти, тяжело ранен капитан корабля. И боюсь, что это не последние жертвы.

— Желания убивать у меня нет, — сказал Пруг Брендийский. — Не превращай меня в убийцу. Кстати, ты забыл сказать о себе, ты тоже ранен, и о неизвестном человеке, которого пришлось убить вместо археолога. Я понимаю, что тебе смерть неприятна. Ты чураться ее оскаленной морды. Но если бы ты начал проповедовать миролюбие среди моих людей, тебя бы не поняли. Ты не знаешь войн, а мы живем войной. Мы с вами на войне, и я награждаю тех моих воинов, которые убили врага. Этим они спасли и славу клана.

Принесли пирог с ягодами, кислый, свежий, остро пахнущий лесом и смолой. Пруг отломил кусок и положил Андрею.

— Мы никогда не были вашими врагами, — сказал Андрей. — Даже по вашим законам нельзя нападать, не объявив об этом заранее и не бросив вызова. Это считается подлостью.

— Не учи меня, что подло, а что хорошо. Ты здесь чужой. Мир подл. Другого я не знаю. Старые законы заржавели. Как только я решу

действовать, как положено благородному вождю, правительство выплет меня из города или подстроит мою нечаянную смерть. Можно ли сочетать правила благородной чести и городскую стражу с радиопередатчиками? Я стараюсь сохранить благородство в главном. Я должен возвратить себе престол в горах. Это благо для моих подданных. Ради этого блага я позволю себе презреть некоторые устаревшие правила благородства. А как только вы встали на моем пути к великой и благородной цели, вы стали моими врагами, хотите вы того или нет.

Вошел ДрокУ. Он нес серебряный таз для омовения рук. Простому воину такая честь недозволена.

Пруг Брендийский вымыл пальцы в тазу. Потом ДрокУ поставил таз перед Андреем.

— Я не согласен с вами, — сказал Андрей Пругу.

— Меньше всего я нуждаюсь в твоём согласии. Я пригласил тебя не для того, чтобы оправдываться.

— Зачем же тогда?

— Чтобы объяснить то, чего ты не понимаешь. Тебе нет смысла сопротивляться. И не замышляй каких-нибудь фокусов. Потому что эти фокусы приведут к твоей смерти.

ДрокУ поставил на пол таз и хлопнул в ладоши. Слуги убрали со стола и принесли курильницы.

— Я бы мог схитрить, — сказал Андрей, поднимаясь. — Я мог бы притвориться покорным и в тишине планировать, как освободиться от вас. Но мои собственные понятия чести не позволяют мне этого сделать. Вы были правы, говоря, что нам дорога любая жизнь. Убийство и честь несовместимы. Я буду бороться с тобой, Пруг Брендийский, пока ты не будешь обезврежен.

— Для этого тебе придется меня убить, а убивать ты не хочешь. Так что ты бессилен, господин неба. И твой Галактический клан бессилен. Когда мне нужно убить, я убиваю, а ты рассуждаешь. Иди рассуждай, я тебя не боюсь. Ты даже не сможешь отомстить за свою женщину. Я в презрении плюю на тебя. Уходи.

По кают-компании раскатился громкий, утрированный смех Пруга.

— Я проведу его? — спросил ДрокУ.

— Нет, мне надо с тобой поговорить, пускай его ответит КрайЮ.

Пожилой одноглазый горец с седыми косами усов, свисающими на грудь, вывел Андрея в коридор.

* * *

Андрей понял, что его ведут в каюту. Это его совсем не устраивало. В каюте он был бы изолирован.

Он сморщился, схватился за руку. Прислонился к стене, изображая крайнюю степень страдания. КрайЮ подтолкнул его в спину, и Андрей издал громкий стон.

— Больно, — сказал он. — Надо к доктору.

— Слизняк, — заметил презрительно горец.

Это было оскорблением. Андрей стоял у стены, полузакрыв глаза. КрайЮ сплюнул, потом подошел к нише, в которой таился экран интеркома, и нажал на кнопку. Поглядел на Андрея не без гордости — Андрей понял его. Любопытно, подумал Андрей, как воины Пруга освоились на корабле. Может быть, они тоньше организованы, корабль скорее подавил бы их, изумил, испугал. Воины Пруга восприняли корабль как захваченную крепость. Концепции космоса, вакуума, бездонного пространства были для них

абстракциями. И если при нажатии кнопки на экране появилось лицо вождя — значит, так надо.

Пруг Брендийский сидел за столом, разложив перед собой какие-то бумаги. Рядом стоял ДрокУ. Когда раздался сигнал вызова, он почему-то накрыл эти бумаги лапами.

— Господин неба говорит, что ему больно. Он хочет к доктору.

— Пускай идет, — сказал Пруг. — Только смотри за ним. И как только доктор даст ему лекарство, пускай идет к себе в каюту. Запомни, они должны быть поодиночке.

Что ж, в отличие от нас его не обвинишь в легкомыслии, подумал Андрей.

* * *

Андрей не знал, как отделаться от КрайЮ, но тот сам не пошел в кабинет. Медпункт был неприятным местом. Любой доктор — колдун. Чужой доктор — опасный колдун.

— Времени у меня немного, — сказал Андрей. — Я разговаривал с Пругом, и он показался мне серьезным противником.

— Я это понял раньше вас, — проворчал доктор.

Перед ним стояла миска с недоеденной похлебкой.

— Уговаривать его и учить гуманизму бесполезно.

Но в этот момент экран загудел и включился. На экране был Пруг Брендийский. Он вновь улыбался. Висячие усы шевелились как змеи.

— ДрейЮ? — сказал он. — Я хотел проверить, не провел ли ты меня. Ты осторожен и потому опасен.

— Вы для этого меня вызывали?

— Я хотел сказать тебе другое — опасайся ВосеньУ. Он маленький человек, и ты его напугал. И твоя жизнь ему совсем не нужна. Понимаешь, совсем не нужна. А такие маленькие люди очень опасны. Ты меня понял?

— Понял.

— Тогда лечись. Тебе может пригодиться твоя рука.

И, не переставая смеяться, Пруг Брендийский отключился. А его смех, грудной и глубокий, еще некоторое время звучал в медпункте.

— Это буквально чудовище, — сказал доктор.

— Детище своей планеты, своего времени, своей эпохи. К сожалению, неглуп. Употребил он свои таланты на иное, цены бы ему не было.

— Нелогично, — сказал доктор. — Если он, как вы говорите, детище своей эпохи, то он не мог употребить таланты на другое. Это же очевидно. А чего вы ищете?

— Хочу использовать ваши инструменты не по назначению и переделать интерком. А вы на всякий случай говорите о моих болячках и звоните склянками. Наш охранник может подслушивать.

— Зачем вам интерком?

— Мне нужны глаза. Возможность подглядывать в другие помещения, подслушивать. Что главное в войне, если у противника превосходящие силы? Разведка.

— Малая война, — сказал доктор.

— Вопрос не в терминах. В эту войну непосредственно вовлечено лишь несколько человек, косвенно ею задеты многие и многие люди. И даже планеты.

— Вряд ли стоит преувеличивать. Кто знает о наших делах?

Прошло всего несколько часов.

Если «Шквал» идет к Ар-А, то само путешествие займет около двух суток. Желательно за это время захватить корабль, что малореально. Археологи примут меры.

Андрей строил в воображении картины того, как известия о малой войне распространяются по Галактике. Но в самом деле эти картины были далеки от реальности. Пруг оказался предусмотрительным.

Археологи на Ар-А, ожидая прилета «Шквала» и возвращения Фотия ван Куна, с утра попытались связаться с космодромом Пэ-У, но космодром не отвечал, потому что была взорвана диспетчерская. Они решили, что на планете что-то случилось со связью, и продолжали безуспешно вызывать ее.

Когда утром не вышел на связь «Шквал», в Галактическом центре дежурный сообщил об этом в Космофлот, присовокупив к этому свое нелестное мнение о новых гравипередатчиках. Но так как было известно, что «Шквал» благополучно приземлился на Пэ-У, то дежурный по управлению не особенно встревожился и, уходя обедать, попросил вызвать планету. Во время обеда ему сообщили, что планета также не отвечает, и потому он, так и не допив компота, поднялся в центральную обсерваторию, чтобы узнать, какого рода помехи могли возникнуть на линии. Ему сообщили, что из-за вспышки Новой ненадежна связь во всем секторе.

Поняв, что во всем виновата Новая, дежурный все же вызвал два корабля, которые находились в том секторе. Связь с «Титаном» и «Вацисом» — кораблями в том секторе — была нормальной.

Андрею в каюту позвонил доктор. Доктора тоже томило безделье.

— Это безделье кролика, — сказал доктор, печально уткнув длинный нос в экран. — Сейчас откроется дверь, и ваш Гаргантюа скажет: пожалуйста, будем вас кушать.

— Ничего странного, — ответил Андрей, которому не хотелось шутить, — ритуальное людоедство зафиксировано у некоторых горных племен. Я думаю, вам интересно будет поговорить об этом с нашим консулом Ольсеном. Большой специалист по части обычаев.

— Лучше я останусь необразованным.

— Как Витас?

— По-прежнему. Дайте мне какое-нибудь задание.

— Почему я?

— Не могу объяснить. Законы, по которым стая выбирает вожака, порой необъяснимы. У вас запах лидера.

— Мне нужно выбраться из каюты.

Андрей понял, что застоялся. В нем всегда тикал какой-то бес движения. Он не мог заснуть, не пробежав перед сном несколько километров. Поэтому он начал ходить по каюте. Четыре шага туда, четыре обратно... Дверь отворилась, и вошел доктор.

— Как вы вышли? — удивился Андрей.

— Они забыли запереть дверь.

— Возвращайтесь к себе.

— А вы?

— Я загляну в отсек связи.

Андрей быстро пошел по коридору. У закругления коридора он замер, прислушиваясь. Потом обернулся. Доктор все еще смотрел вслед. Андрей энергично махнул рукой — уходите!

Андрей никогда не был раньше на «Шквале», но законы расположения помещений на корабле консервативны. Дорогу к сектору связи Андрей мог бы найти с закрытыми глазами. Он не очень опасался кого-нибудь встретить, полагая, что горцы предпочитают не ходить по кораблю без нужды — все-таки он хоть и завоеванная, но чужая крепость, в которой живут враждебные духи.

Дверь в отсек связи была открыта. Андрей включил свет. Потом включил настройку. Над пультом загорелись два зеленых огонька. Теперь надо найти волну и позывные Центра. Когда-то Андрей знал их наизусть, но прошло несколько лет... К тому же они, вернее всего, изменились. Он включил экран-справочник. Время плоо...

Дверь сзади поехала в сторону. Беззвучно, осторожно. Андрей понял, что она открывается лишь по внезапному движению воздуха. Он обернулся. ВосеньУ держал в руке пистолет.

— Тебя опасно оставлять в живых, — сказал он Андрею.

«Опасайся ВосеньУ. Он маленький человек».

Глаза ВосеньУ казались черными бездонными дырками, как отверстия в белой маске, за которой нет лица. «Такие маленькие люди очень опасны».

Андрей бросился на пол, стараясь дотянуться до ног ВосеньУ. Луч ударил в пульт, расплавив экран. Андрей успел подумать: вот сейчас перед моим взором должны пронестись картины детства... а где они? ВосеньУ уже от двери снова поднял бластер, рука его тряслась.

«Дурак, — трезво и спокойно подумал Андрей, — он не поставил на подзарядку. Выпустил весь заряд... Теперь у меня есть три

секунды». И он вскочил и шагнул к ВосеньУ так, чтобы за эти три секунды дойти и убить. Он очень хотел убить этого человека. И ВосеньУ понял это и отпрянул в коридор, забыв о том, что через три секунды бластер будет подзаряжен и готов убивать вновь. Но и Андрей не успел дойти до ВосеньУ, потому что за спиной того уже громоздился слоновьей тушей Пруг Брендийский. Далее ДрокУ... а за ним доктор. И доктор кричал:

— Убийца!

Андрей увидел, как поднимается — быстро и резко — ладонь Пруга и опускается на затылок ВосеньУ, и Андрей пожалел, что не успел к ВосеньУ первым.

ВосеньУ охнул и тихо сел на пол. Бластер отлетел в сторону, и доктор хотел поднять его, но Пруг заметил это движение и отбросил бластер ногой к стене. ДрокУ нагнулся и подхватил оружие.

— Я же предупреждал, — сказал Пруг. — Он очень опасен.

* * *

— Я согласен, что трусливый человек опасен не только для врагов, но и для друзей, — сказал Пруг Андрею.

Они снова сидели в кают-компании.

— Во всем виноваты вы, — сказал Андрей. — Он пешка.

— Нет, я не могу быть виноват. Я выше этого. — Пруг сказал это с глубоким убеждением в своей правоте. — И я предупреждал, чтобы ты был осторожен. ВосеньУ надо убить. Тем более что он принадлежит к такому ничтожному клану, что его можно вообще считать человеком без клана. Но я не могу этого позволить. Это грустно,

но приходится отступать в мелочах, чтобы победить в главном.

— Опять притворяетесь, князь.

— В твоих глазах я делаю неправильные вещи, я плох. В моих глазах я велик и справедлив. И если моя справедливость кажется тебе жестокой, это потому, что у тебя нет своей справедливости.

— На пути к своей справедливости ты уже многих убил, Пруг.

— Может, придется убивать и еще. Может, придется убить тебя. Но славить потом в песнях будут меня, потому что я полетел к гигантам и взял их оружие. Песни поют о великих завоевателях. В песнях нет места тем, кто стоял на пути великих завоевателей. Я вернусь на Пэ-У победителем. Это мой долг.

— Поймите же, все это выдумка. Нет никаких предков, нет никаких арсеналов. Это легенда, которая очень дорого обходится.

— Легенда? Ты мне не веришь? Тогда, может, ты поверишь другому?

— Кого вы имеете в виду?

— Позови гробокопателя, — сказал Пруг воину.

Пока воин отлучился, Пруг сидел почти неподвижно, молчал, он вытащил из стеганой кобуры бластер и положил на ляжку, словно играл в шпионов и разбойников. Андрею казалось, что кают-компания, привыкшая к голосам пилотов и механиков, еще два дня назад уютная и чистая, насторожилась, замкнулась, и ее стены, ее вещи смотрят с опаской и недоверием на чужаков — кресло, скатерть, курильницу, лохань, притащенные с Пэ-У. Да и что может быть нелепее и неправильнее, чем толстый человек в латах под рыжей в синих цветах туникой, кото-

рый обвис в кресле, лишь пальцы настороженно шевелятся, постукивая по рукояти бластера.

Археолог Фотий ван Кун удивил Андрея. Он уже привык за первую встречу с ним к его агрессивности, громкому бунту и настороженности мальчика, которого обижают одноклассники.

Археолог вошел медленно, прихрамывая, остановился в дверях.

Охранник подтолкнул его в спину.

— Простите, — сказал археолог.

Они с ним поработали так, как и не снилось интеллигентному человеку, подумал Андрей. А археолог к этому не привык.

— Пришел, вот и спасибо, — сказал добродушно Пруг Брендийский. — Ты садись, не стесняйся.

Он говорил на космо-лингве с акцентом, мягким, даже приятным. Но по-книжному. Видно, прошел гипнопедические сеансы.

Кровоподтек на скуле, синяк под глазом, вроде бы оцарапано ухо. Рука на боку — вернее всего, археолога били по почкам.

Фотий ван Кун сел бочком, осторожно, садиться ему было больно, но отказаться он не посмел.

— Как себя чувствуешь, не болит?

— Все хорошо, спасибо.

— Такая незадача, — сказал Пруг, не переставая сочувственно улыбаться. — Наш друг не поладил с одним из моих горцев. Оба оказались такими невыдержанными... От горцев всего можно ожидать. Но чтобы такой возвышенный, ученый человек так себя вел! Стыдно, почтенный ван Кун.

— Перестаньте... пожалуйста, — сказал ван Кун.

— Вот тут повелитель неба агент ДрейЮ, мой большой друг, интересуется, на что мы можем

рассчитывать на Ар-А. Объясни ему, что вы нашли, не спеши, никто тебя не торопит.

— Мне надо к доктору, — сказал Фотий ван Кун. — Расскажите своему другу сами.

Андрей не видел, где у Пруга спрятан хлыст. Он знал о таких хлыстах — бичах справедливости, но видеть не приходилось. Хлыст был тонкий, из хвоста морской рыбы, с колючим шариком на конце.

Хлыст вылетел откуда-то из-за кресла, взвизгнул в воздухе.

Археолог сжался.

Хлыст, описав круг, снова исчез. Пруг остановил жестом рванувшегося было вперед Андрея.

— Не надо, — сказал он. — Я только напоминаю. Господин ван Кун недостойн вашей заботы. Он очень боится.

Фотий ван Кун глядел в пол.

Дикая ситуация. Мы забываем о том, что прошлое имеет когти и хлысты, что прошлое безжалостно и ни в грош не ставит человеческую жизнь. Да и нас можно понять — когда и как столкнешься с таким Пругом? Андрей представил себе негодование, растерянность и боль археолога, когда Пруг и его молодцы решили поговорить с ним на своем языке. Хотя он проштудировал массу исторических сочинений и все знает о Чингисхане или Иди Амине, все это осталось за пределами его практического опыта — ну как человек может предположить, что столкнется с бронтозавром, если бронтозавры вымерли и это научный факт? Или человек остается один на один с бешеной собакой. А как разговаривать с бешеной собакой, его не учили. Он только знает, что, если где-то появилась бешеная собака, на это есть специалисты, которых учили, как отлавливать бешеных собак и изолировать их, чтобы они не искушали окружающих. Более того, он

уверен, что те специалисты проявят гуманность к бешеной собаке и постараются ее вылечить. Бедняга. Его, наверное, с детства никто не бил, да и в детстве он не лез в драки.

— Возьмите себя в руки, ван Кун, — сказал Андрей. — Все это скоро кончится. Мы их посадим в клетку.

Пруг понял. Пругу это не понравилось. Пруг перестал улыбаться. Пруг решил принять меры.

Андрей был почти готов к этому. Психология Пруга, если с ним немного пообщаться, не представляла глубокой тайны. Андрей прыгнул с кресла в тот момент, когда хлыст взвизгнул, разрезая воздух. Разумеется, он опустился на больную руку, и боль была страшная.

Андрей со злостью на себя подумал: вот ты, голубчик, и потерял форму. Раньше ты бы успел отпрыгнуть.

Но, к счастью, злость и боль не замутили сознания. Здоровой рукой он успел схватить за конец хлыста и вырвать его. Он тут же отпустил хлыст, потому что колючий шарик распорол ладонь — этого еще не хватало, но и Пруг потерял равновесие, тяжело вывалился из кресла вперед.

Воин выхватил нож. Андрей замер. К счастью, Пруг быстро соображал.

Он отмахнулся от воина, сам подтянулся сильными ручищами, втащил себя в кресло и сказал:

— Молодец.

Но смотрел при этом на археолога. Археолог глядел в пол.

Ему сейчас кажется, что все это дурной сон, подумал Андрей. Ничего, было бы желание проснуться.

— Если вы еще раз поднимете хлыст на

равного, то вам придется убить меня, — сказал Андрей. — Честь не терпит скотства.

— Ну ладно, ладно, — сказал Пруг, — я пошутил, и обиды нет.

— Кнутом не шутят.

Андрей говорил на языке Пруга. Он знал, что Пруг перешел грань дозволенного в отношениях между свободными людьми. Перешел ее не случайно. Успех с археологом, которого удалось сломить, дал надежду, что это же пройдет и с Андреем. Археолог был чужаком. Андрей же, которого Пруг принимал в своем доме, был благородным. Иначе терял лицо Пруг — кого же он приглашал и кормил? Раба, которого можно хлестать?

— Я погорячился, — сказал Пруг.

Андрей больной рукой достал платок, прижал его к ладони. Он не хотел показать, что ему больно.

— У вас идет кровь, — вдруг сказал брезгливо археолог, как будто все это его совершенно не касалось.

— Ничего, — засмеялся Пруг. Он предпочел забыть о маленьком поражении. — Ты лучше повтори то, что рассказал. О планете Ар-А. О ее арсенале. Ты рассказывай своему ДрейЮ, я уже все знаю. Только не лги.

— Я излагал суть открытий в сообщении в Школе Знаний, — тихо сказал археолог. — Вы можете ознакомиться. Бумаги у вас.

— Вот, — обрадовался Пруг. — В Школе Знаний был ДрокУ. Мы давно ждали приезда гробокопателя.

— А что это за история с фигурками мести? — спросил Андрей.

— Что? Какой мести?

— Вы перед самым похищением купили в магазине четыре фигурки воинов. Помните?

— Солдатики? — спросил ван Кун, неожиданно оживая. — Да, я купил. А остальных не успел.

— Точно, — сказал Пруг. — Я его спрашивал, но не понял ответа. Я думал, в этом какой-то смысл. А он мне говорил чепуху.

— Это были солдатики, — сказал археолог. — Неужели вы не можете понять простой вещи? Я собираю солдатиков. Всех стран и народов. У меня коллекция! Понимаете, коллекция!

— Как все бывает просто! — улыбнулся Андрей. — Коллекция. Конечно же, марки, открытки, солдатики...

— Ты понимаешь? — спросил Пруг.

— Некоторые люди собирают много одинаковых вещей — им интересно.

— Ладно, — отмахнулся Пруг. — Ты говори об арсеналах.

— Там была война, — сказал археолог. — Им удалось фактически кончить жизнь самоубийством. Джинн из бутылки.

— Понятнее говори, — проворчал Пруг.

— И без этого понятно, — сказал ван Кун. Он глядел на Андрея, и глаза его были загнанными, усталыми. — Они многого достигли. Даже вышли в космос. По крайней мере они могли достигать планеты Пэ-У. Технологическая цивилизация. Но они воевали. Убивали друг друга. Отчаянно воевали. И долго. Пока мы можем только предполагать. У них было бактериологическое оружие. Оно нарушало генетический код. Они не смогли найти противодействия. Очевидно, оружие разрабатывалось в условиях войны и казалось панацеей — одним ударом, как атомной бомбой. А остановить они уже не смогли.

— Ясно, — сказал Андрей. — И не осталось никого?

— Хуже. Когда они поняли, что гибнут, — они в подземельях прятались, они искали противоядие, война уже прекратилась, но они еще старались спастись... Некоторые остались живы, но на ином уровне... У меня с собой были материалы, но вы их украли.

— Ты говори, — ответил Пруг. — Ты скажи об арсеналах.

— Неточное слово. Условность. Это больше, чем арсеналы. Они прятали все. Они уже были последними, но сидели в норах и боялись. Может, если бы они объединились, они могли бы выжить.

— Не рассуждай, — сказал Пруг. — Ты говори, что нашли.

— Дикари не учатся на исторических ошибках. Я намерен был подробно рассказать в вашей Школе Знаний. Я думал, что это предупреждение. А это соблазн. Соблазн начать все сначала. Им мало одной планеты!

— Мы все поняли, мой дорогой. Жаль, что ты упрямылся. Пришлось тебя наказать. Если люди дружат и помогают друг другу, то нет нужды в наказаниях.

— Меня нельзя было бить, — сказал археолог тусклым голосом.

— Ты стоял на пути благородного дела освобождения моей страны от власти корыстолюбивых и гнусных тварей. Ты стоял на пути освободительных сил, ты стоял на пути моего величия. И ты был наказан. Как и каждый, кто посмеет мне помешать!

— Ему надо к врачу, — сказал Андрей.

— Что? — Пруг не сразу переключился на обыденность. — К доктору? Ну,веди его к доктору. Пускай доктор его лечит. И пускай тебя лечит тоже. Что, болит рука? — Пруг засмеялся. — Я в детстве тоже схватился за хлыст. Меня

хотели наказать. Я был гордый, я схватился за хлыст. Скажи доктору, что от шарика получают занозы, они нарываюут. Не смотри так на меня, ДрейЮ, я не дам тебе меня убить. Я убью тебя сам. Не сейчас, а когда мне это будет нужно.

Андрей поднялся и сказал археологу:

— Пошли в медпункт, ван Кун.

«Умение убивать... — думал он. — Мне не приходилось убивать человека... Но зачем ему об этом знать? Наверное, если очень рассердить кролика, он тоже убьет человека».

* * *

— Вы не представляете, — повторял археолог, пока доктор готовил успокаивающие средства, — что это за существа. Им доставляет наслаждение бить. Я сначала этого не понял и довольно резко им отвечал. Скажите, неужели каждого человека можно избить так, что он потеряет человеческий облик?

— А на Ар-А остались люди? — спросил Андрей, чтобы переменить тему разговора.

— Люди? Я же сказал, что их оружие изменяло генетическую структуру. Не только убивало взрослых, но и тех, кто еще не родился, а иногда хуже, чем убивало. Знаете, они отняли у меня лекарство, которое вы мне дали. Были люди — стали амляки.

— Разденьтесь, — сказал доктор Геза. — Но сначала выпейте вот это.

— Сейчас, сейчас. — Археолог начал быстро раздеваться, словно боялся ослушаться. Доктор поглядел на Андрея.

Фотий ван Кун залпом выпил лекарство, поперхнулся. Поморщился, хотел что-то сказать, но не сказал. Обнаженный Фотий ван Кун ока-

зался очень худ и весь изрисован синяками и ссадинами.

— Ну и обработали они вас, — сказал доктор. — Придется потрудиться.

Археолог лежал на смотровой койке. Веки его смежились, он дремал. Видно, доктор накачал его транквилизаторами.

С Андреем доктор Геза возился долго: оказалось, и в самом деле ладонь набита маленькими занозами. Каждую пришлось вытаскивать отдельно. Андрей был рад, что археолог заснул, он не слышал, как Андрей стонет.

* * *

К этому времени в Центре знали, что планета Пэ-У не отвечает. Знали, что молчит и «Шквал». В том, что случилось бедствие, уже никто не сомневался. В этом секторе было два корабля: «Титан» и «Вадиус». Оба на плазменных двигателях, обоим следовало резко изменить курс и идти к системе по крайней мере несколько дней.

После короткого совещания в управлении Космофлота «Вадиус» получил приказ — идти к Пэ-У. В тот же вечер с орбиты у Сириуса стартовал к Пэ-У патрульный крейсер «Гром» класса «Инвинсибл». Он шел на гравитонных двигателях, но расстояние было очень велико. Он придет позже, чем «Вадиус». Такова была ситуация, когда Андрей пошел спать.

* * *

Капитан «Вадиуса», милостивый Йивуке, почти двухметровый сутулый уроженец Крионы, обвел маленькими, в густых белых ресницах глазами собравшихся в салоне пассажиров и членов экипажа.

— У меня серьезное сообщение, и потому прошу всех молчать и слушать внимательно.

В салоне собралось человек шестьдесят. В основном это были соотечественники капитана, с Крионы была и вся команда. Рейс к нескольким звездным системам должен был занять около полугода. В этом секторе звезды собраны куда компактнее, чем там, на окраине витка Галактики, где расположена Солнечная система, так что космические путешествия обычны и будничны.

Капитан оправил парадную форму Космофлота, не очень удобную для него, так как крионцы предпочитают свободные, мягкие одежды.

— Гравитолет «Шквал» не выходит на связь, — сказал капитан. — Он в рейсе на планете Пэ-У.

— Милостивый капитан, — поклонился, приподнимаясь, второй штурман, — а что говорит станция планеты Пэ-У?

— С планетой Пэ-У тоже нет связи, — сказал капитан, чуть кланяясь второму штурману.

— Осмелюсь не понять вашу милость, — сказал второй штурман. Он говорил то, что хотели бы сказать и другие члены экипажа, но не имели права, так как только второй штурман, он же сын капитана корабля, имел право спросить. — Как может прекратиться связь и с кораблем, и с планетой, если на них установлены совершенно автономные, галактического типа станции связи?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал капитан. — Это вся информация, которой я располагаю.

— Однако такого не случалось.

Капитан Йнвуке мысленно отметил, что второй штурман заслужил наказание за открытое сомнение в словах своего капитана, но не сказал об этом вслух, чтобы не компрометировать второго штурмана.

— Если один корабль Космофлота попал в беду, а мы не можем предположить, что две станции случайно перестали работать, то все корабли Космофлота, которые находятся в секторе, идут к нему на помощь. Мы находимся ближе всех к планете Пэ-У.

По салону прошло движение.

— Каково отклонение от нашей цели? — спросил один из пассажиров. Он был землянином и не знал, что ему не положено задавать вопросов. Но капитан, понимая, что обстоятельства сложились исключительные, ответил ему:

— Сегодня же мы меняем курс и идем к цели на максимальной скорости, которая непереносима для некоторых пассажиров. Поэтому мы предлагаем всем пассажирам перейти на планетарный посадочный катер. Там будет тесно и не очень удобно. Катер пойдет следом. Как только мы закончим нашу миссию, мы вернемся на прежний курс и возьмем на борт планетарный катер. Общая задержка рейса составит примерно двенадцать галактических суток. В случае если обстоятельства изменятся, то и больше.

Некоторые из пассажиров начали протестовать, так как у них были срочные дела, но с ними капитан даже не стал спорить.

— Что же вы предполагаете? — спросил настойчиво второй штурман.

— Я ничего не предполагаю, — ответил капитан. — Но планета Пэ-У относится к разряду развивающихся планет, еще не готовых к галактическому содружеству. Социальные условия там нестабильны.

Так как Криона была крайне цивилизованной планетой, гордой своим соучастием в основании Галактической лиги, капитан никогда не мог изгнать из своего голоса некоторой снисходительности к иным отсталым цивилизациям.

— Корабль и станция могли погибнуть? — спросил второй штурман.

Капитан вздохнул. Он почти ненавидел второго штурмана, который вел себя как последний пассажир.

— Но почему мы? — спросил пассажир с Земли. — Ведь есть специальные патрульные крейсера. Это их дело, а не Космофлота.

— Космофлот никогда не оставлял в беде своих товарищей, — сказал капитан, глядя на второго штурмана. — Мы будем там на три дня раньше патрульного крейсера.

— Но ведь мы не вооружены!

— Поэтому я и приказываю всем пассажирам покинуть корабль. А также могут покинуть корабль все те члены экипажа, которые считают, что дальнейшее пребывание на корабле может представить для них опасность.

Первым улыбнулся второй штурман. Улыбнулись и остальные члены экипажа, которые принадлежали к гордой и древней расе планеты Крона.

* * *

Консул Ольсен и начальник стражи ВараЮ приехали на космодром.

Само здание почти не пострадало. Взрыв, разрушивший диспетчерскую, лишь выбил стекла и сорвал крышу.

В тени здания, еле различимые за тучей рыжей пыли и сами рыжие, сидели рядком три мрачных инженера из команды «Шквала».

Ольсен поздоровался. Они поднялись. Они уже близко познакомились с консулом за вчерашний день.

— Что-нибудь слышно? — спросил первый инженер Салиандри. Он провел ладонью по плот-

ной курчавой шевелюре, и в рыжей шапке образовалась черная просека.

— Нет, — ответил Ольсен печально.

— Странно.

Салиандри был упрям и отказывался мириться с плохими новостями. Он последним из всего экипажа поверил в то, что двенадцать пилотов и инженеров новейшего гравитолета «Шквал» остались без работы на далекой чужой планете и даже не знают, что же случилось с их кораблем и капитаном.

С ВараЮ, начальником стражи, пилоты были знакомы. Вчера он пытался выяснить, не было ли на борту маньяка из числа экипажа, который мог бы угнать корабль. Может, он сам не верил в такую версию, но держался за нее несколько часов. Уже было известно, что исчез Прут Брендийский, что убита ПетриА, что Андрей Брюс с капитаном позапрошлой ночью поехали на космодром. Даже был найден паровичок, на котором они приехали. Паровичок был сожжен и изрешечен картечью. Были обнаружены и следы гусениц боевой машины. Все это указывало на то, что похищение корабля — дело Пруга, наследника Брендийского, а начальник стражи продолжал надеяться на то, что исчезновение корабля связано лишь с галактическими делами. Сама грандиозность преступления, невероятность его, главное — ненужность не уместались в сознании.

Глава города, он же предводитель могущественного клана Синей реки, сразу же задал ВараЮ первый и самый важный вопрос:

— Какого черта! (в вольном переводе).

Потом последовали остальные вопросы: а куда ты глядел? Твои стражники куда глядели? Как мы теперь будем все это расхлебывать? А что

если Галактический центр объявит о смертной вражде?

Последний вопрос не был абстрактным. Даже весьма просвещенные властители планеты не исключали такой мысли. Мы не можем не судить о других со своей колокольни. Разумеется, все владельцы знаменитых кланов знали, читали, слышали, что Галактический центр не знает смертной мести. Но они-то еще не полностью отделались от ее власти.

В тот первый, сумасшедший день, когда на рассвете город достигла весть о взрыве на космодроме, когда многие видели, как темной, окруженной голубым сиянием тенью взмыл космический корабль, ВараЮ старался отрицать очевидное.

Он был трезвым человеком, отлично знавшим, что никому на планете не нужен космический корабль. А если какие-нибудь бандиты и позарились бы на его содержимое, они никогда бы не решились поднять корабль в небо. Да и самые беспшабашные бандиты не осмелились бы приблизиться к кораблю, потому что он был Великой тайной.

К вечеру удалось задержать нескольких членов клана, которые участвовали в подготовке захвата корабля. Все арестованные молчали. К тому же сказывались дурные отношения стражи с армией. Командующий отказался допустить агентов ВараЮ в казармы боевых машин, заявив на Совете власти, что сам отыщет виновных.

На космодроме Ольсен обратился к инженерам со «Шквала», которые старались разобраться в остатках диспетчерской:

— Есть надежда?

В глубине души он надеялся, что Салиандри скажет: через день связь будет. В глазах филолога Ольсена инженеры с гравитолета обладали

фантастической способностью подчинять себе машины.

— Надежды мало, — ответил Салиандри.

Разрозненные части ради и других приборов, извлеченные из-под развалин диспетчерской, лежали в тени рядом с инженерами. Частей было много. Но это ничего не доказывало.

— Ничего, — успокоил себя Ольсен. — В Центре уже знают. Вот-вот прилетит патрульный крейсер.

Он поглядел на белесое, иссушенное небо, будто крейсер мог возникнуть там в любой момент.

— Лететь далеко, — сказал помощник капитана, имени которого Ольсен не помнил. Он держал на ладони желтый золотистый кристалл с отбитым верхом. Кристалл был жизненно важной деталью ради. Ольсен этого не знал.

Ольсен вытер рыжим платком рыжий лоб.

Вернулся ВараЮ. За ним брел потный стражник.

— Поехали в больницу, — сказал ВараЮ. — Надо поговорить с диспетчером. Если вы не устали.

Ольсен безумно устал, но, конечно, не отказался от поездки. Тем более его машина была самой быстрой в городе.

В больнице были через полчаса.

Они быстро поднялись по лестнице в круглый зал нижнего вестибюля. Там царил суматоха. Стражник и санитар держали за руки мрачного человека в зеленой врачебной тоге. Оказалось, что этот человек десять минут назад проник в палату диспетчера, который пришел в себя, и пронзил его стрелкой без клейма. У Пруга Брендийского остались в городе верные слуги.

А пока ВараЮ с Ольсеном были в палате, где врачи без особой надежды, скорее в страхе перед

ВараЮ, старались оживить диспетчера, убийца успел, хоть его и держали крепко, принять яд.

* * *

Пустота планеты Ар-А была условной. На ней существовали животные и даже потомки людей — амляки. Именно потомки, потому что лучшего слова не придумаешь.

Это были бессловесные твари, жившие небольшими стаями, почти беззащитные перед крупными хищниками, и в то же время сохранявшие какие-то остатки интеллекта, что позволяло им выжить в этом чужом и жестоком мире.

Амляки (а название возникло из-за звукоподражания — существа все время что-то бормотали: ам-ляк-ам-ляк-ам-ляк) не ощущали никакой связи с развалинами городов, но в то же время какие-то инстинкты тянули их к кладовым. Больше того, по скоплениям стай амляков можно было отыскивать кладовые.

Видно, гибель человечества на Ар-А, хоть и была относительно быстрой и необратимой, случилась не мгновенно. Последние разумные жители планеты — вернее, наименее пораженного среднего континента — не только успели спрятать в пещерах наиболее ценные с их точки зрения вещи и оружие (никто из них так до конца и не осознал, что они последние свидетели самоубийства целой планеты), но и вели до последнего момента записи, фиксировали события. И ждали. Ждали, когда все это кончится, и, как ни странно, представляли себе окончание смертей и бедствий как победу над врагом. Обе стороны. Возможно, жертвы, принесенные всеми в той бессмысленной войне, были столь велики и непостижимы, что тщетность их оскорбляла сознание более, чем страх всеобщей смерти.

Всеобщая смерть слишком абстрактна. Она даже более абстрактна, чем собственная смерть. Могут погибнуть многие, но не я, могут погибнуть многие, но не все. Так уж устроен человек, в какой части Галактики он бы ни жил.

Средства генетической войны предусматривали полное уничтожение врага. Именно врага. И как всегда бывает на войне, когда средства нападения обгоняют средства защиты, с противоядиями просчитались. Чтобы сделать их эффективными, потребовалось бы еще несколько лет работы. Но ученые и стратеги так спешили уничтожать, что и сами погибли раньше, чем можно было найти спасение. По-настоящему работы над поисками противоядия начали, когда уже было поздно. И какими бы отчаянными ни были эти попытки, они были обречены на неудачу хотя бы потому, что средств на постановку эксперимента не было, да и людей уже не хватало. И с каждым днем ручьи усилий по борьбе с джинном, вырвавшимся из бутылки, становились все слабее. И тогда начали лететь головы тех, кто не мог найти противоядия, ибо генералы подозревали тающую армию ученых в нежелании работать и даже в том, что те уже знают о противоядии, но скрывают его.

В документах, найденных археологами, были отражены эти последние вспышки активности, последние погромы, лишь ускорившие всеобщую гибель.

Те, кто выжил, лишились рассудка и превратились в человекообразных тварей и сами уже забыли, что когда-то были гигантами.

Это был великолепный пример торжества изобретений, приведших к гибели изобретателей и системы, породившей изобретателей. Очевидно, в том была определенная высшая справедливость, ибо изобретение было сделано с целью убивать

людей. Убивать «чужих». Но как всегда бывает на войне, не хватало времени для того, чтобы как следует подумать. И убили всех.

* * *

Начальник археологической экспедиции Тимофей Браун был, разумеется, обеспокоен отсутствием связи, но серьезных оснований для тревоги не было, потому что «Шквал», как им сообщили раньше, должен был прибыть еще только через два дня. Поэтому в тот день работали, как обычно. С утра начали обследовать подземелье в мертвом городе, которое, судя по всему, обещало интересные находки. Во время последней войны там находился штаб фронта и арсенал.

К обеду археологи вернулись к себе в купол. Эльза, жена Тимофея, принялась готовить обед, а механик Львин решил наконец починить археоробота Гермеса, который в своей восьмой экспедиции что-то начал барахлить. Сам Тимофей принялся разбирать бумаги, привезенные из подземелья. Именно в это время в трех километрах от купола и опустился «Шквал». Опустился беззвучно, мягко, словно подкрался. Браун ощутил, как вздрогнула земля, и решил, что это толчок землетрясения. Он не удивился, потому что эта область была сейсмичной.

— Ты слышал, Тима? — спросила Эльза из камбуза. — У меня чуть чашка не упала.

— Здесь нам ничто не грозит, — отозвался Тимофей.

* * *

Пруг не хотел терять времени даром. Как только «Шквал» опустился на поляну, где всегда опускались посадочные катера, и локаторы опре-

делили, что их никто не встречает, он приказал выкатить вездеход, взять на него Фотия ван Куна и десять воинов. Вездеход должен был первым делом захватить жилище археологов, а затем, не теряя времени, направиться к арсеналам. Командовать экспедицией он решил сам.

И все прошло бы, как того хотел Пруг, если бы не неожиданный поступок Фотия ван Куна. Его вывели к открытому люку. Воины стояли у входа, тихо переговариваясь. Тишина, владевшая миром, приказывала им быть осторожными, как охотникам в незнакомом лесу. Пустошь, покрытая редкой травой, уходила к низкому серому лесу, за которым поднимались тоже серые, голубоватые холмы. Странная тишина, безветрие, низкие облака, сгущавшиеся перед дождем, — все это наполняло пейзаж тревогой.

Фотий ван Кун стоял в стороне, в полутьме, на расстоянии вытянутой руки от крайнего воина. Он тоже смотрел наружу, но видел совсем иное. Он видел знакомую уже поляну, за которой будет пригорок, поросший корявыми колючими деревьями, затем, если обогнуть пригорок узкой дорожкой, будет другая поляна у скал. Там купол и служебные помещения экспедиции, где домовитая Эльза Браун, неразговорчивый Тимофей ждут его, где Львин сейчас напевает неразборчивую для европейского уха бирманскую песню и что-нибудь, как всегда, мастерит и не подозревает, что корабль, которого ждут с таким нетерпением, — оборотень, таящий внутри себя смертоносные микробы вражды. И эти существа, которые вполголоса разговаривают рядом, через минуту могут обернуться жестокими чудовищами...

Один из воинов вдруг сказал что-то громче. Остальные после паузы засмеялись. Фотий ван Кун глядел на их босые ноги. Смех показался

ему зловещим. Он неправильно понял причину смеха.

ДрокУ, старший воин, из благородных, желтоволосый исполин с тщательно завитыми и смазанными жиром усами, сказал, что хорошо бы, если бы гиганты вымерли, но их женщины остались. Над этой шуткой и засмеялись воины.

Разумеется, если писать о представителе великой и мудрой галактической цивилизации, то приятней полагать, что такого человека не могут сломить побои и пытки. Что истинная интеллигентность воспитывает внутреннее презрение к боли и мучениям. Разумеется, этот идеал вряд ли достижим. Фотий ван Кун был напуган, унижение и боль жили в его теле. Но в то же время в нем росла ненависть к тем, кого он предпочитал называть существами, так как был приучен с детства к определенным правилам, признакам, отличающим людей от иных, неразумных существ. Ненависть была бесплодной, она питалась озлобленными мечтами выпоротого мальчика. Планы мести были грандиозны и невыполнимы. Фотий ван Кун старался верить, что наступит момент, когда он властно заговорит с мучителями, раскидает их, беспомощных и испуганных, в разные стороны...

А пока что его использовали как приманку, и все произошло так быстро, и вот, никому не нужный, он стоит за спинами здоровенных горцев, которые смеются над ним.

Он понимал, что три археолога — последние свободные люди на планете. В ван Куна росло нетерпение, обязательность действия. Неизвестно, как остановить пиратов, но и бездеятельность была невыносима.

Начался мелкий занудный дождик. Капли взбивали пыль на пандусе и затягивали туманной сеткой недалекий лес и холмы. Вездеход стоял

совсем близко от пандуса, в нескольких метрах. Фотий ван Кун смотрел на вездеход и удивлялся: как же они не сообразили, что вездеход нужно охранять? Ведь кто-нибудь может добежать до него, влезть внутрь и умчаться в лагерь. И тут же он спохватился: а кто сможет это сделать? Пилоты заперты по каютам. И тогда он понял, что, когда рассуждает о «ком-то», то имеет в виду себя самого. Это он может добежать до вездехода, прыгнуть в открытый боковой люк и помчаться к лагерю...

Он мысленно добежал до вездехода, пригибаясь и виляя по полю, чтобы в него не могли попасть из духовых трубок, прыгнул внутрь и даже мысленно закрыл люк. Он вздохнул с облегчением и только тогда понял, что на самом деле он никуда не бежал, а по-прежнему стоит рядом с воинами.

За спиной археолога в глубине коридора слышались голоса — к выходу спешили горцы, чтобы отправиться в лагерь экспедиции. И этот шум как бы ударил Фотия ван Куна в спину. Он отчаянно оттолкнул ДрокУ, чуть не свалил с ног другого воина и кинулся вниз по пандусу. Он забыл о том, что надо вилять и пригибаться, потому что оказалось, что до вездехода куда дальше, чем казалось. И все силы ван Куна ушли на то, чтобы добежать.

От неожиданности воины не сразу начали стрелять. И не сразу погнались за археологом.

Ван Кун уже карабкался в открытый люк, когда одна из стрел настигла его, но, к счастью, лишь пронзила рукав. Фотию показалось, что кто-то держит его, и он закричал, вырываясь, и рванулся так отчаянно, что разорвал крепкую ткань и упал внутрь машины, расцарапав щеку. Через несколько секунд Фотий ван Кун настолько

пришел в себя, что закрыл и задрал люк. Тут же по люку ударил боевой топор ДрокУ.

Фотий ван Кун перебрался на сиденье водителя и включил двигатель. Стрела влетела в открытое окно вездехода, ударилась о стенку над головой ван Куна и упала рядом с ним. Пригнувшись, ван Кун рванул машину вперед. Вездеход подпрыгнул. Он не был приучен к такому обращению. Но вездеход был прочной машиной. Он выпрямился и шустро пополз, отбрасывая гусеницами траву и прибитую начавшимся дождем пыль.

ДрокУ пробежал несколько шагов за вездеходом, потрясая кулаком, затем уже бесцельно пустил стрелу вслед и остановился. Вездеход мчался к деревьям. Еще через две минуты он скрылся в чаще.

* * *

ВосеньУ включил интерком и сказал Пругу Брендийскому, что археолог убежал. Он говорил быстро, повторив несколько раз, что это случилось до того, как он подошел к выходу.

— Я тебя убью, — сказал Пруг. — Как его догнать?

— Я выведу второй вездеход с корабля.

— Я сам поеду.

Пругом Брендийским владело холодное бешенство, которое не мешало ему трезво думать. То, что случилось, могло провалить все как раз в тот момент, когда он был близок к цели. Обратного пути нет. Он поставил на карту все, и проигрыш означал смерть и бесчестье. Бешенство поддерживалось еще и сознанием того, что его помощники ненадежны. ВосеньУ, хоть и привязан к нему общей судьбой, принадлежит к другому клану. Он всегда докажет, что был жертвой... хотя и

трудно будет доказать, если у него такой кровник, как агент Космофлота ДрейЮ. Это хорошо, что ДрейЮ кровник ВосеньУ. Это хорошо... ДрокУ, старший над воннами, хоть и надежнее, чем ВосеньУ, потому что он горек, тоже опасен. Где он был эти годы? В городе. Что делал? Кому служил?

Стена транспортного отсека медленно сдвинулась с места и отъехала в сторону. ВосеньУ добился своего.

— Садись, повелитель, — сказал ВосеньУ хрипло.

Как он меня ненавидит, подумал Пруг. Лучше не поворачиваться к нему спиной.

— Прости меня, ВосеньУ, — сказал Пруг, хотя и не должен был так говорить с низким человеком. — Сейчас решается все. Если мы не успеем, мы с тобой погибли. Если мы возьмем их, то мы с тобой господя всей Пэ-У.

— Слушаюсь, господни, — сказал ВосеньУ, открывая люк вездехода.

* * *

Тимофей, выглянув в окно, увидел, как к станции несется вездеход. Вездеход был незнакомый, взяться ему было неоткуда.

— Львин, Эльза, — сказал Тимофей, — у нас гости.

Он отложил пленку и быстро направился к двери.

— Как же мы не увидели корабля? — всполошилась Эльза. — А у меня обед не готов. Фотий, наверно, голодный.

Они выбежали наружу, когда откинулся боковой люк и из вездехода вывалился Фотий ван Кун. Он был странно одет. Без куртки, в рваной фуфайке, босиком. Лицо его было в крови.

Поняв, что Фотий один, Тимофей побежал к нему. За ним Львин. Эльза, которая тоже успела к дверям, увидела, как они подхватили Фотия ван Куна и тот начал быстро и невнятно бормотать:

— Скорее, они за мной... скорее же, я говорю! Чего же вы, да отпустите меня...

Тимофей и Львин повели Фотия к станции. Эльза подбежала к вездеходу и заглянула внутрь — ей показалось, что там кто-то остался. Там никого не было. Когда она догнала мужчин, те уже втащили потерявшего силы Фотия внутрь. Тот был почти невменяем.

— Что с тобой? — ахнула Эльза.

— Скорее, — пробормотал ван Кун, потянувшись к столу, схватил пышку с блюда и начал жадно жевать.

— Они совсем не кормили... — сказал он. — Чего же вы сидите? Они сейчас здесь будут!

— Его надо перевязать.

Фотий вскочил, он говорил из последних сил:

— Через две минуты они будут здесь! Забрать карты и схемы — больше ничего! И оружие. И на вездеходе в лес, потом будем промывать раны. Корабль захвачен бандитами. Все в плену...

И тут он, поняв, что его слова дошли до остальных, мягкой куклой осел на руках у археологов.

— Что он говорил? Что он говорил? — спросила Эльза. — Он бредил?

— Эльза, немедленно собирай схемы раскопок, все ленты с данными, и в вездеход, — сказал Тимофей. — Львин — на тебе аптечка и припасы...

Львина уже не было рядом. А Эльза все не отходила. Как и другие участники этой истории, она не могла поверить в то, что происходит нечто вне ее опыта, вне ее понимания.

— Что случилось? — спросила она. — Он болен? На него напали?

— Разберемся потом. Если тебя не будет через две минуты на борту вездехода, уходим без тебя.

Но Эльза и тут не ушла. Потому что она знала своего мужа ровно двенадцать лет, она знала его и в добрые моменты, и в беде. Но никогда не слышала этого голоса.

— Тимофей, я умоляю!

Но Тимофей словно перестал ее замечать. Он потащил Фотия ван Куна наружу, к машине.

— Нельзя так! — крикнула Эльза. — Он истекает кровью. Его надо перевязать.

Эльзе ни разу в жизни не приходилось попадать в ситуации, значения которых понять было нельзя. Она была гордой женщиной. Она не умела кланяться. Ни Львин, ни Тимофей не сталкивались с пиратством в космосе. Но Тимофей Браун провел полгода на планете, где песчаные ураганы налетали неожиданно и страшно, и видел, как его близкий друг, не поверивший в то, что надо бежать, прятаться, опоздал и погиб. Львин был альпинистом, тихим, упорным, отчаянным, который ради победы научился отступать и не видел в этом ущерба своей гордости. То есть у них был жизненный опыт, опыт встреч с настоящей опасностью. И они поверили Фотию, хотя никогда не слышали о Пруге, наследнике Брендийском, и его правах на престол.

Тимофей втащил Фотия в открытый люк и положил на пол кабины. Он тащил его один, спешил и потому задел ногой за приступок, и Фотий вскрикнул, не приходя в сознание.

Тут же Тимофей метнулся обратно к люку и еле успел отпрыгнуть — Львин швырнул в люк контейнер с медикаментами.

— Где Эльза? — крикнул Тимофей.

Львин бросился к двери, подхватил там вто-

рой контейнер, с аварийным запасом продовольствия.

— Она идет, — ответил он.

К счастью, Эльза не заставила себя ждать. Она выбежала с охапкой лент и блокнотов — документацией экспедиции, листки и ленты падали на землю. Тимофей побежал навстречу ей, чтобы помочь. Львин тащил к люку контейнер с продуктами. И в этот момент сквозь громкий стук собственных сердец они услышали шум двигателя — к станции шел другой вездеход. Внезапно шум двигателя оборвался.

Они замерли на секунду, затем, помогая друг другу, полезли в люк, захлопнули его, и тут же Тимофей включил двигатель. И если бы они могли слышать, то услышали бы, как через полминуты зашумел двигатель и второго вездехода. Все объяснялось просто: ВосеньУ, который вел вездеход по следам первой машины, потерял след на Каменной осыпи, но, когда он услышал, как заревел, срываясь с места, вездеход археологов, он уже уверенно бросил свою машину вдогонку.

Вездеход трясло. Эльза села на пол и положила голову Фотия на колени. Львин раскрыл аптечку и обработал рану на щеке.

Браун повернул машину направо, въехал в неглубокую быструю речку и пошел вверх по течению, хотя понимал, что это вряд ли собьет преследователей со следа.

Черт возьми, думал он, стараясь обходить крупные камни, чтобы машина меньше дергалась. Кто они? Взбунтовался экипаж? Невероятно. Космические пираты? Достояние приключенческой литературы... Может, что-то случилось на Пэ-У? Он где-то читал, что там есть изоляционисты. И тут он понял, куда ведет машину. Он вел ее туда

с самого начала, но подсознательно. К новому раскопу в мертвом городе.

Старые раскопы с так называемыми кладовыми были ближе, и до них он бы добрался уже минут через десять, чтобы скрыться в хорошо знакомых лабиринтах. Но от этого его остановили два соображения. Во-первых, слова Фотия о том, что надо взять с собой все схемы и материалы раскопок. У ван Куна были с собой данные по ранним раскопкам. Если они попали в руки тех, кто за ними сейчас гонится, значит, они знают план лабиринтов не хуже самого Брауна.

Поэтому метров через двести Браун свернул в известное ему русло заросшего канала. Машина сразу погрузилась до половины в воду. Дно канала когда-то было выложено плитами, на которое наплыл толстый слой ила. Гусеницы пробуксовывали, нижняя половина иллюминаторов стала зеленой...

Они катили по бывшей улице. Кое-где в зелени виднелись фундаменты, а то и стены небольших строений. Затем была большая воронка с оплывшими краями, на дне ее зеленела вода. На краю воды сидели три амляка, сидели сурками, ничего не делали. Один из них поднял голову на шум машины и проводил ее равнодушным взглядом.

Въезд в подземелье — бывшее убежище или подземный завод — был как раз за скелетом какого-то громоздкого строения, схожего со скелетом ископаемого динозавра. Они еще не знали, насколько глубоко оно тянется. Браун рассудил, что это лучшее укрытие — масса металла вокруг скроет вездеход надежнее, чем любая крепость.

Пруг потерял след археологов в мертвом городе. Груды развалин, переплетение ржавых металлических конструкций, полузасыпанные воронки... В этом лабиринте не мог помочь ни один локатор. И все же из упрямства, из надежды на чудо, на везение Пруг заставлял ВосеньУ крутить по бесконечным улицам. Воины сидели молча, они оробели. Такого города они никогда не видели. Им уже казалось, что отсюда никогда не выбраться. Наконец, когда вездеход в третий раз оказался на площади с громадной затопленной воронкой посредине, он приказал остановиться.

Пруг вылез из вездехода и долго стоял, припнувшись. На большом холме, успокоенные тишиной, появились амляки. Пруг знал об амляках от Фотия ван Куна, он знал, что они неопасны, что они — жалкие выродки, потомки гигантов. Поэтому, чтобы успокоиться, Пруг выпустил по ним заряд из автомата. С вершины холма донесся писк — так плачет маленький ребенок.

Пруг усмехнулся.

— Все равно мы победим, — сказал он. — Богиня УрО не оставит нас.

— Богиня не оставит, — нестройно поддержали его воины.

ВосеньУ молчал. Больше всего на свете он хотел бы вернуться на неделю назад. Хотя бы на неделю, в тихий дом Космофлота. И никогда бы не встречать Пруга Брендийского.

— КрайЮ, пойдн сюда, — сказал Пруг.

Старый могучий воин, лучший следопыт гор, выбрался из вездехода.

— Ты останешься здесь, — сказал Пруг. — Ты будешь моими глазами и ушами. Возьми

оружие и рацию. Ты понял? Как только услышишь подозрительный шум, как только увидишь их, сразу сообщи мне.

— Я понял, вождь, — сказал старый воин.

— Ты не боишься?

— КрайЮ не боится.

Воину было страшно. Но худшим, чем смерть, позором было признаться перед своим вождем в страхе.

— Господин, — из вездехода высунулся младший брат КрайЮ, — можно я останусь тоже?

— Нет, — сказал Пруг. — Ты будешь нужен.

Вездеход медленно уполз. КрайЮ осторожно взобрался на развалины. Он ждал. Он слушал.

На обратном пути Пруг приказал остановиться на старых раскопках. Он знал о них по фотографиям и планам, отнятым у Фотия ван Куна. Когда-то бомба попала здесь в подземные склады, и перекрытия рухнули. Археологи вскрыли подземелья. Там было много интересного именно для археологов, но то, что интересовало Пруга, оказалось в весьма плачевном виде. В разбитых ящиках, сплавившись в слитки металла, лежали пули, ржавые изогнутые стволы пушек торчали из земли, бесформенные куски металла когда-то были боевыми машинами.

Гнев Пруга сменился усталостью. Когда Фотий ван Кун говорил ему, что оружие из арсеналов Ар-А бесполезно, Пруг относил эти слова за счет хитрости археолога. Теперь он убедился в том, что археолог был прав.

— Но это ничего не значит, — сказал он, трогая носком золотого бапмака изогнутый ржавый ствол.

— Простите, господин? — не понял его ВосеньУ.

— Здесь плохое оружие. В другом месте хорошее оружие.

Пруг показал в сторону мертвого города.

— Мы возвращаемся? — спросил ВосеньУ.

— Воины! — воскликнул Пруг, который любил, чтобы все знали, что он блюдет древние обычаи. — Завтра мы найдем большие богатства. А сегодня вы можете взять все, что вам нравится в этом доме.

И широким жестом он направил воспрянувших духом воинов к куполу археологов.

* * *

— Что им здесь нужно? — спросил Львин, стоя у входа в подземелье и глядя, как мелкий дождик стучит по неровным плитам мостовой. — Чего прискакали?

— Они верят в арсеналы Ар-А, — сказал Фотий ван Кун.

Эльза принесла им по куску пирога.

— Я правильно сделала, что взяла пирог, — сказала она. — По крайней мере поедите как люди. Ты говоришь, что они дикие?

— Относительно, — сказал Фотий ван Кун. — Ведут себя как варвары. А знаете, я там, на Пэ-У, нашел солдатиков. Боюсь, что они их потеряют.

— А, солдатиков! — понимающе откликнулся Львин.

— Ну что же мы стоим! — вдруг взорвался Фотий. — Я же повторяю! Они варвары! Они на все способны!

Несмотря на то что он побывал в руках у горцев, за часы, проведенные на воле, он как бы забыл о собственном ужасе и унижении. Сейчас он горел желанием немедленно отомстить Пругу.

— А что ты предлагаешь? — спросил Тимофей Браун.

Он аккуратно доел кусок пирога, собрал крошки на ладонь и высыпал их в рот.

— Я? — Ван Кун уже знал, что надо де-

лать. — Мы сейчас едем к кораблю. Как только стемнеет. Берем его штурмом. Снимаем охрану и освобождаем наших. Это так очевидно!

— Корабль стоит на открытом месте, — сказал Браун. — Вход только один. Разбойники вооружены.

— А что? Стоять и ждать? Да? Стоять и ждать? А они там избивают их! А тебе все равно? — разбуживался ван Кун.

— Спокойней, Фотий, — сказала Эльза. — Ты же знаешь, какой Тимофей разумный. Он обязательно что-нибудь придумает.

Но Браун ничего не мог придумать. Кроме того, что отсиживаться глупо. Но, наверное, сначала надо вернуться на базу, поглядеть, уехали ли они с нее, а там запастись всем необходимым. Они бежали так быстро, что многое забыли.

— Так поехали, — сказал Фотий. — Выводи вездеход и поехали.

— Пожалуй, Эльзе лучше остаться здесь, — сказал Тимофей. — И одному из нас.

— Я бы поехала с вами, — сказала Эльза.

— Нет, дорогая. — Браун был тверд, и Эльза кивнула. Она привыкла ему подчиняться потому, что была той счастливой женщиной, которая уже двенадцать лет убеждена, что ее муж — самый разумный и серьезный человек в Галактике. Если это и было не так, то Эльзу с ее позиции не смог бы сбить никто.

— Кто останется с Эльзой?

Он посмотрел на Львина. Маленький бирманец отрицательно покачал головой.

— Я не хотел бы оставаться, — сказал он.

Львин знал, что Браун умен и рассудителен. Но в отличие от Эльзы он мог ставить под сомнение окончательность его решений.

Браун хотел было сказать, что он сильнее Львина, что он лучше его обращается с оружием

и водит машину. Но эти аргументы были условны и неубедительны. Просто Браун не представлял себе, как он останется здесь и будет в бездействии ждать. Ему было страшно оставлять Эльзу. Но куда опаснее брать ее с собой. Они уже знали, что живут с Пругом и его спутниками по разным законам. Настолько разным, что даже нет точек взаимопонимания. В мире без войн, в мире установленных разумом законов Пруг был вызовом не только галактическому обществу вообще, но и комплексу морали каждого из тех, кто с ним сталкивался. Одно дело — Галактический центр. Ему приходилось иметь дело с существами и ситуациями куда более драматическими и опасными, чем Пруг, в общем, мелким явлением даже в масштабах его собственной планеты. Требовалось сочетание экстраординарных обстоятельств, чтобы из воробьиного яйца вылупился коршун. Но уж раз коршун вылупился, обращаться с ним можно было лишь как с хищником. И всем участникам этой драмы пришлось внутренне перестроиться. Хотели они того или нет. Если можно сравнивать, а любое сравнение приблизительно, археологи были скорее всего жителями города, в котором прорвало дамбу и приходится вставать ночью, идти к реке и таскать мешки с песком, потому что стихию нельзя уговорить или умолить. И именно серьезность того, что происходило, заставила Тимофея Брауна оставить Эльзу в подземелье, что было нарушением всех инструкций. Но Браун знал, что волки в подземелья не заходят и по-настоящему опасные хищники находятся на корабле. В то же время Браун понимал, что не имеет достаточной власти над археологами, чтобы оставить здесь кого-либо из них.

— Я прошу тебя, — Браун старался говорить

сухо и буднично, словно отправлялся на раскоп, — далеко от укрытия не отходить.

— Может, все же разрешишь...

Эльза криво улыбнулась. Ей не страшно было оставаться, об этом она в тот момент не думала, она очень боялась за Тимофея.

— Я приготовлю ужин к вашему возвращению, — сказала она.

И все согласились, что это очень правильное решение.

* * *

Они довольно долго, спрятав вездеход за деревьями, наблюдали за станцией, чтобы выяснить, не оставлена ли на ней охрана. В конце концов ожидание стало невыносимым, и Львин перебежками добрался до купола. Остальные следили за ним, готовые бежать ему на помощь.

Львин подбежал, пригибаясь, к окну станции и заглянул в него. Затем поднялся во весь рост и уже смело пошел к двери. Дверь была приоткрыта. Он исчез внутри, через минуту вышел вновь на порог и крикнул:

— Идите. Только не пугайтесь.

Когда Фотий и Браун подошли к станции, Львин сказал:

— Какое счастье, что Эльзы нет! Она бы умерла от горя.

Тимофей, знавший, какой чистюлей была его жена, согласился с Львиным. Мало того что на станции все было перевернуто и разбито, словно там веселилось стадо слонов, но создавалось впечатление, будто налетчики нарочно гадили там, запугивая ее обитателей. Особенно досталось кухне. Жалкие остатки праздничного обеда, который так изобретательно и тщательно гото-

вила Эльза, были разбрызганы по комнате, а затем кастрюлями кто-то играл в футбол...

— Что ж, — сказал Браун. — Теперь к кораблю. Уже темнеет, и лучше нам подобраться поближе, пока не стало совсем темно.

Они вернулись к вездеходу и поехали к посадочной площадке, но не прямым путем, а по длинной, похожей на ятаган ложбине, которая должна была вывести к кораблю с фланга, где их вряд ли ждали.

Наступил теплый вечер. Из тех сказочных, мирных вечеров, что бывают на Ар-А в конце лета. Небо, темно-синее над головой, алело к закатному солнцу, а облака, которые слоями плыли в той стороне, были зелеными, с очень светлыми, оранжевыми краями. Па-У уже поднялась в небо, как большая луна, она была желтой, и видно было, как по лицу ее океанов завиваются вихри циклонов. Редкие птицы, — генетическая война сильно разредила и их мир, — кружились над осторожно ползущим вездеходом, потому что, разбуженные его гусеницами, взлетали перепутанные жуки и бабочки.

Старый КрайЮ, лучший охотник Брендийского клана, который попадал из духовой трубки в глаз птице, летящей под облаками, и мог проследить горного медведя по следу, оставленному три дня назад, услышал, как по улице ползет вездеход. Он не видел, откуда вездеход выбрался, и не смог найти по следам подземелье, потому что вездеход не оставлял следов на каменных оползнях и мостовых, но смог перебраться к подземелью ближе, чем те развалины, в которых его оставили. Оттуда он и сообщил на корабль, что археологи что-то замышляют.

— Хорошо, — сказал ВосеньУ, — я доложу князю.

— Хорошо, — сказал Пруг, узнав об этом. — Мы пойдем кушать. Когда они будут близко, сообщу.

* * *

Вездеход археологов запеленговали в километре от корабля.

Возвращаясь после неудачной охоты на археологов, Пруг был удивлен, что смог подъехать к самому пандусу «Шквала» и никто его не заметил. Поэтому он приказал ДрокУ включить на темное время прожектора и пеленгаторы и посадить на пульте управления ВосеньУ — на всю ночь. А рядом война позлее, чтобы не дал ВосеньУ заснуть.

Сам наследник Брендийский в это время как раз откушал в обществе ДрокУ, и настроение его куда как улучшилось. Его сладко тянуло в сон, и он дал бы волю этому благородному желанию, если бы не остались еще дела.

Отодвинув плошки и курьельницу, Пруг склонился над картой археологических раскопок, чтобы определить дела на завтра. В этот момент и вызвал его ВосеньУ.

— Вождь, — сказал он, — мы видим машину, которая медленно едет к кораблю.

— Далеко? — спросил Пруг.

— Они сейчас примерно в тысяче шагов. Едут не прямо, а лесом, стараются не выходить на открытое место.

— С какой стороны едут?

— С той же, куда ездили вы, господин.

— Все правильно. — Пруг улыбнулся, и улыбка утонула в толстых щеках. — Они думают просто. Их действия обычны. Хорошо, что мы

дали убежать этому сумасшедшему. Он сказал им, что мы дикие люди, совсем дикие, почти как звери. Что мы не знаем, как управлять кораблем. Мы не знаем, как смотреть из корабля наружу. Они приедут и возьмут нас спящими. Какие молодцы! А ну, выключить лампы! Пускай будет темно! Открыть дверь, убрать часовых...

Пруг даже захлопал в ладоши от возбуждения. ДрокУ согласно кивнул.

— Вы правы, вождь, — сказал он. — Но есть одна опасность.

— Говори.

— А вдруг они взяли оружие гигантов?

— Я и это предусмотрел, — сказал Пруг. — Поэтому я и приказал потушить лампы. Когда враг видит, что крепость готова к бою, он готовится к штурму и настраивает катапульты. Когда враг видит, что крепость спит и защитники ее глупы, он смело входит внутрь. В темном коридоре оружие гигантов не поможет.

* * *

Издали Тимофей увидел зарево над кораблем.

— Плохо, — сказал он. — Они нас ждут.

— Пускай ждут, — ответил Фотий ван Кун. — Мы подождем, пока они лягут спать. Лес подходит к самому кораблю. Мы подползем к люку и ворвемся внутрь.

Львин молчал.

— Нас только трое, — сказал Тимофей Браун.

— Мы освободим пленных, — упрямо сказал Фотий ван Кун.

Вездеход подполз к опушке. Тимофей снизил скорость до минимума. И в этот момент свет погас. Корабль, угадываемый ранее лишь по цепочке огней, вдруг стал виден — верхний абрис чечевицы чернел над деревьями.

Тимофей резко затормозил.

— Видишь, — сказал Фотий ван Кун, не скрывая сарказма. — Дикари легли спать.

— Оставайтесь здесь, — сказал Тимофей, быстро открывая люк и выскакивая наружу. Пригибаясь, он пробежал к краю кустарника и остановился, вглядываясь в темноту. Он успел вовремя.

Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей различил, как двинулся в сторону, открываясь, главный люк, как, словно приглашая в гости, выкатился, разворачиваясь, серебристый пандус. Какая-то фигура тенью мелькнула в отверстии люка и исчезла.

Корабль молчал. Он ждал гостей.

Тимофей Браун вернулся к вездеходу. Захлопнул люк. Фотий ван Кун выжидающе смотрел на него.

— Нас ждут, — сказал Браун. — Капкан готов. Можно заходить.

— Откуда они могут знать? — возмутился ван Кун.

— У них есть локаторы, — ответил Львин. — Это логично.

— Вы их не видели! — нервно засмеялся Фотий ван Кун. — Это же гориллы. Они не представляют, как его включить. Они же босые!

— Проектора горели, — тихо сказал Львин. — Проектора потухли.

— Они открыли люк и спустили пандус, — добавил Тимофей.

— Я думаю, что нам пора возвращаться, — сказал Львин.

— Ни за что! — воскликнул Фотий. — Я остаюсь. Я один пройду внутрь! Дайте мне пистолет.

Тимофей сидел, положив руки на рычаги управления.

— Идет война, — сказал он, будто не слыша криков Фотия. — В войне нужно оружие.

— У нас нет оружия, — сказал Львин.

— У нас есть оружие, — ответил Тимофей. — В подземелье. Просто нам не приходило в голову, что оно когда-нибудь вновь сможет убивать.

— По крайней мере оно не должно попасть им в лапы, — сказал Львин.

— И мы так все оставим? — спросил Фотий, уже сдаваясь.

— Мы ничего так не оставим, — сказал Браун. — Но сейчас мы возвращаемся в город.

* * *

Пруг наблюдал за тем, как зеленая точка вездехода на экране локатора, постояв несколько минут неподалеку от корабля, медленно поползла вдаль.

— Догадались, — сказал он разочарованно. — Не надо было сразу выключать лампы. Вызови КрайЮ.

ДрокУ включил связь.

— Ты не спишь, КрайЮ? — спросил он.

— Я не сплю, — ответил далекий голос.

— Эти люди на машине сейчас возвращаются в город. Ты услышишь их. Они едут медленно. Ты должен понять, куда они спрячутся. Ты понял?

— Я понял.

— А теперь спать, — сказал Пруг Брендийский. — Всем спать, кроме тебя, ВосеньУ. И закрыть вход в корабль. Если кто-то из них остался рядом, я не хотел бы, чтобы он залез внутрь. Завтра большой день.

Через час КрайЮ сообщил на корабль, что выследил, как машина археологов спряталась в большую черную дыру.

* * *

Корабль Космофлота «Вадиус», изменив курс, шел к планете Пэ-У.

Связи с планетой все еще не было, но капитан «Вадиуса» знал, что через день или два они войдут в сферу действия планетарной связи. А такая станция была в консульстве Галактического центра. И если консульство цело, то они получают необходимую информацию.

* * *

Эльза смотрела, как вездеход переваливает через пригорок и скрывается среди скелетов зданий. Даже когда он совсем исчез и стало очень тихо, она продолжала стоять у входа в подземелье и смотреть в ту сторону.

Ей еще никогда не приходилось оставаться здесь одной. Совсем одной. Нет, бывало, конечно, что она оставалась одна на станции, если дежурила по кухне или накапливалось много камеральной работы. Но это было иначе. Она была дома. Она могла закрыть за собой дверь и, если нужно, связаться с Тимофеем. А тут еще так глупо получилось: все были одеты по-домашнему, никто не надел рации — браслеты тяжелые, граммов по двести — кто их будет носить дома? А когда бежали со станции, попросту забыли о них. Некогда было думать...

Когда вездеход отъехал далеко, мир разрушенного города, испуганный вторжением людей, стал постепенно оживать, будто не хотел замечать, что Эльза осталась здесь.

По мостовой, изрытой дождями и ветрами, среди травы, пробивающейся между плит, пробежали вереницей серые зверьки — целая семейка, мал мала меньше, летучие крысы тяжело

поднимались из-за огрызков стены. Наступало их время — сумерки, и они беззвучно кружили над Эльзой, словно разминаясь после дневного сна. На обвалившейся каменной башне возник силуэт волка, и Эльза вздрогнула, отступила в тень входа в туннель.

Но этот короткий страх, хоть и быстро миновал, родил в Эльзе настороженность, осознание того, что ее некому защищать и что она должна стать такой же осторожной и тихой в движениях, как остальные обитатели города.

Самое разумное было заняться делом — готовить ужин к возвращению археологов и забыть, что те поехали к врагам. Именно к врагам, а это означало, что есть люди, которые могли избивать милейшего и нервного Фотия ван Куна, которым нужны какие-то арсеналы или сокровища... Можно провести всю жизнь на раскопках, вскрыть множество погребений или раскопать несколько умерших городов, но так и не осознать, что эти предметы могут иметь какую-то иную, кроме научной, ценность. Лаже видя их в музее, под стеклом, мягко освещенные, на бархате, вспоминаешь лишь хмельное чувство удачи, которое пронзает, если вдруг из серой спекшейся земли, из черных прогнивших стволов, из каменного крошева блеснет точкой обещание чуда, камень или обломок металла, появится горлышко амфоры или стеклянного сосуда...

Археология, выйдя в космос, неизбежно изменилась. Если на Земле ее объектом был древний мир, ну в крайнем случае средневековье, то космоархеологам пришлось столкнуться с иными площадками. Раскапывали не только древности на обитаемых планетах, хоть это и оставалось основной работой, но и следы цивилизаций, достигших достаточно больших высот

технологического развития, столицы государств, погибших в войнах, когда в братских могилах находили пулеметы. Еще удивительней было раскопать жалкие и величественные останки музея, в который когда-то другие археологи, столетия назад, свозили, тщательно реставрировали и выставляли под стеклом на бархате при мягком освещении сокровища их древнего мира.

Археология, хоть и с некоторым запозданием, обзавелась техникой и приборами, которые позволяли ускорить поиск и сам процесс раскопок и датировки. Даже небольшая экспедиция имела локаторы на дерево, металл, кость и камень с проникающей способностью до тридцати метров. Были в экспедиции и два археоробота — машины, приученные работать не только лопатой, но и кистью, конечности которых не повредили бы и пушинку и в обширном чреве которых таились консервационные лаборатории. Цены этим роботам не было. Один из них, Гермес, был испытан, надежен, но стар и ленив, а второй, Ксилофат, чудо современной техники, страшно капризен. Эльза не знала, что Гермес лежит, поверженный и разбитый камнями, которые метали в него горцы, а чудо современной техники валяется под обрывом, в ложе пересохшего ручья.

Небо, которое вначале показалось Эльзе таким красивым, постепенно темнело и теряло краски заката. Из-за развалин потянуло сырым холодком. Эльза мысленно ехала вместе с мужем. Сейчас они уже у станции. Они осторожны, они должны быть крайне осторожны, у них ведь всего один пистолет. Что же они будут делать — штурмовать корабль? А если их заметят и пристрелят? Мысль эта была неожиданна и даже для нее самой прозвучала дико.

Эльза поежилась и отмахнулась от летучей

крысы, которая пролетела так близко, что от ветерка шевельнулись волосы на голове. В городе могли таиться неизвестные твари — археологи почти никогда не выходили в темноте и мало знали ночную планету. Эльза решила вернуться в подземелье, зажечь фонарь, там все же стены, спокойнее.

Эльза вошла в широкий туннель, повернула направо, миновала открытые двери. Здесь у стены они и сложили добро, взятое со станции. Здесь лежали коробка с документами раскопок, аптечка, неприкосновенный запас еды, канистра с водой, два одеяла, фонарь.

Эльза ощупью нашла сваленные вещи, нащупала фонарь, зажгла его. Туннель уходил дальше, полого углубляясь вниз. Так были устроены здесь все подземные убежища.

Просто так сидеть было тяжело. Сразу начинаешь мысленно следовать за вездеходом и воображать, а воображение пугает. Все как в дурном сне, и все время ждешь — скоро ли можно проснуться. И не просыпаешься.

Эльза поднялась и решила пройти в глубь подземелья. И тут она услышала далекий человеческий плач.

* * *

— Нас не было два часа, — сказал Тимофей Браун, когда вездеход выбрался на дорогу и покатил к станции. — Как там Эльза?

— Странно, — подумал вслух Львин. — В масштабах Галактики, в масштабах нашего времени это такой маленький эпизодик, что о нем даже в новостях сообщать неинтересно. Какой-то князек с какой-то отдаленной планеты захватил корабль, чтобы поживиться сокровищами, которыми якобы владеет какая-то маленькая архео-

логическая экспедиция. Через три дня прилетел патрульный крейсер, и этого князька связали... Вот и все.

— Ты неправ, — сказал Браун. — Они уже убили несколько человек и готовы убивать еще. А если им удастся в самом деле заполучить современное оружие, они убьют много людей. И это будет уже не мелкий случай и не отдельный эпизод. Мы сейчас единственная плотина между маленькими преступниками и большим преступлением.

— Но он же должен понимать, что в этом нет смысла! — возразил Львин. — Это дело дней. Никто ему не позволит...

— А что если к тому времени, когда ему не позволят, мы уже будем мертвыми? И другие люди погибнут? Со стороны все это мелкий эпизод. А для нас это и есть жизнь. Так что нам придется и дальше принимать решения, к которым мы не готовы.

Львин прибавил скорость, вездеход покатиł по улице. Скоро подземелье. Дорога была ярко освещена Па-У, сверкавшей в небе. Выбоины казались черными пропастями, сверху экзотическими занавесями свисали метровые тонкие листья.

Вездеход мягко перевалил через груды камней и оказался в широком туннеле, ведущем в подземелье.

Браун помигал прожектором. Выключил двигатель. Откинул люк. Было очень тихо.

— Эльза! — позвал он.

Только отдаленное эхо откликнулось на голос. Браун выскочил из вездехода и пошел вперед. Львин сказал:

— Мы посмотрим снаружи.

— Только осторожнее, — сказал Браун. — Там волки.

Через несколько шагов он миновал сложенные у стены вещи. Видно было, что Эльза распаковала их, собиралась готовить ужин. Но что-то ее отвлекло.

Браун, стараясь ступать тихо, пошел дальше, в глубь туннеля.

* * *

В то время как ночь в мертвом городе на Ар-А начала клониться к рассвету, «Вадиус», первый из кораблей гражданского флота, спешивший к Пэ-У, приблизился настолько, что его сигналы уловила несильная планетарная станция связи в консульстве Галактического центра.

Консул Ольсен только что заснул. Он спал у себя в кабинете, не раздеваясь, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. В то время спали и космонавты, которые до двух часов старались привести в порядок станцию на космодроме, спал и господин ВараЮ, начальник стражи. Не спали лишь в доме ПетриА. До того момента, пока тело погибшей насильственным путем не будет предано очищающему огню, в доме должны бодрствовать, чтобы злые духи, привлеченные несчастьем, не захватили душу девушки. Семья сидела в той же комнате, и под руководством сонного жреца все бормотали заклинания.

Сигнал прошел слабо, но явственно и включил зуммер в кабинете консула. Тот вскочил с дивана, не сразу сообразив, что происходит. Затем бросился в соседнюю комнату, где работала рация.

Через минуту прибежала и жена консула, суетливая и говорливая Елена Казимировна, которая исполняла обязанности связиста, когда

уходили домой местные сотрудники консульства. Нильс суетился у аппарата, никак не мог настроить его на передачу.

— Нильс, — сказала Елена Казимировна, отстраняя мужа, — это не мужское дело.

— А что мужское? — искренне удивился Ольсен, с радостью уступая место жене.

— Политика, — ответила Елена Казимировна. — Высокие материи. В этом можно натворить куда больше, чем в связи или домашнем хозяйстве.

— Пожалуй, ты права, кисочка, — согласился консул. — Но, правда, чудесно, что это теперь кончится?

— Чудесно, если на связи Космофлот или патрульный крейсер. Хуже, если это сообщники твоих бандитов.

— Ну, откуда же им быть... — Консул потер виски. Он готов был поверить во что угодно.

— «Вациус», — раздался голос в приемнике. — Говорит корабль Космофлота «Вациус». — Дальше шел код корабля, его позывные.

Елена Казимировна уверенно включила информаторий. Зеленые огоньки подтвердили источник связи.

— Вот теперь, мой дорогой, ты можешь поговорить о политике, — сказала Елена Казимировна. — К нам на помощь летит Космофлот.

* * *

Чем глубже заходила Эльза в подземелье, тем очевиднее был упадок, который свидетельствовал о последних месяцах или днях жизни арсенала. Таясь все глубже, солдаты и офицеры старались закрыться от заразы, от разбуженного демона так же наивно и безрезультатно, как в четырнадцатом веке в годы «черной смерти» французы

отгоняли чуму молитвами и шествиями. Все грязнее были коридоры — свидетельство того, как падала дисциплина и опускались руки. А вот и последняя, наспех сделанная баррикада, за ней они окончательно замкнулись от мира — они уже никому и не были нужны. Оружие, которое они так тщательно хранили, тоже никому не требовалось. Хотя нет... вот следы боя: разбитая дверь, пулевые выбоины в стенах. Кто-то пытался пробиться внутрь, может быть, последний отчаянный командир нуждался в снарядах и бомбах и послал за ними вездеход — разбитая боевая машина проникла глубоко за баррикады и была подожжена уже здесь, неподалеку от сердца арсенала.

А вот и следы последних трагедий подземелья. Груда костей, оружия, тряпок у высохшего питьевого крана. У них стало плохо с водой. Они дрались за воду. Вот еще одна схватка, бой у небольшого зала, где находился пульт связи. Эльза подобрала с пола яркую металлическую брошь. Может, это был орден, может, знак различия. Но уже никто не узнает, зачем и почему так отчаянно они сражались между собой. Здесь не выжил никто — никто не вышел. Те, чьи потомки стали амляками, оставались где-то в иных местах, снаружи.

Археология в принципе своем — оптимистическая наука. Даже если она ищет следы погибших цивилизаций, то это не означает, что эти цивилизации погибли без следа. Они успели слиться с иными культурами, генетически они продолжились в человечестве.

Здесь все было куда трагичнее, хотя вряд ли многие тогда осознавали окончательность гибели, ту окончательность, которую можно создать лишь собственными руками, которую приносит стремление к взаимному уничтожению и чего не достичь

никакой эпидемии, никакому стихийному бедствию, потому что за смертью планеты стояли ее собственные лучшие умы, которые хотели всего-навсего уничтожить половину населения Ар-А, убежденные в том, что именно тогда второй половине будет жить не в пример лучше, что смерть одних может стать источником счастья и благосостояния остальных. Именно это убеждение, лежащее в основе каждой войны, и стало причиной смерти и тех, на кого напали, и самих нападавших.

Эльза отыскивала коридор, ведущий в сторону от жилых ловушек, от подземных казематов смерти, ей пришлось пройти мимо складов, давным-давно никому не нужных, но столь тщательно создававшихся и столь отчаянно охраняемых. Она заглядывала в гулкие залы, где на стеллажах лежали рядами снаряды и бомбы, проходя мимо комнат, набитых ящиками с патронами и другими, длинными ящиками с винтовками и пулеметами. Россыпями, как зерно в элеваторе, громоздились патроны — кое-что угадывалось по аналогии, предназначение других средств убийства было загадочно. Хотя, впрочем, фантазия человека достаточно элементарна. Нужно придумать средство, чтобы оно могло выбросить на расстояние смерть. В виде пули, ампулы, стрелы, газа — только выбросить, докинуть до врага, чтобы он умер, а ты остался жив. И оттого, что он умер, тебе станет лучше.

Эльза ощущала усталое озлобление против невероятности масштабов этого хранилища смерти. Очевидно, на планете накопилось оружия достаточно, чтобы уничтожить всех раза три. Но ученые продолжали изобретать новые средства убийства, а заводы их производить, а бритые подростки испытывать и изучать в действии. А мудрые политики подсчитывать баланс сил,

убежденные, что только увеличение и усложнение орудий смерти сможет сохранить их власть над прочими человечками, о которых куда проще говорить, оперируя взводами, полками и военными округами.

И тут Эльза услышала шорох. Шорох донесся спереди. Эльза почувствовала, что за ней следят.

Ее чувства были настолько напряжены, что она уловила и страх, и настороженность и поняла, что встреча не случайна. Что здесь есть глаза — нет, не глаза летучей крысы или какой-нибудь другой подземной нечисти — в страхе было сознание. Разум.

Эльза замерла. Тот, кто следил за ней, тоже замер. Нужно было какое-то движение, шум, возглас, чтобы неподвижность взорвалась движением. И Эльза резко повернула фонарь в сторону того, кто следил за ней. Луч ослепил амляка. Отразился в глубоких бессмысленных глазах. Слабые руки дернулись к глазам, чтобы закрыть их. Амляк пятился, робко и беззвучно, прежде чем сообразил, что может убежать... Его шаги гулко и мягко застучали по коридору.

Эльза шла осторожно, сдерживая дыхание. Они близко. Они смотрят на нее и ждут, что она сделает. Эльза повернула луч фонаря, и он осветил глубокую нишу в стене. Даже не видя амляков, их присутствие можно было угадать по запаху — пряному, мускусному запаху. Они жались в этой нише, они не могли отступить дальше. Их было несколько особей — наверное, большая семья. Впереди тот самец, который первым увидел Эльзу. Он старался закрыть их собой и скалился по-звериному, но оскал не получался — у амляка был слишком человеческий рот, маленькие и ровные зубы.

За его спиной были остальные: десять, пятнадцать — не разберешь, так перепутались их

ноги и руки. Зрелище было странным и скорее неприятным. И Эльза даже поняла, почему. Они вели себя, как животные, и были в сущности животными. А внешне — люди. Без шерсти, голые голубоватые тела, длинные спутанные волосы, человеческие лица. Но глаза мертвые, бессмысленные, телячьи глаза.

Женщины прижимали к себе детей, дети постарше выглядывали в ужасе из сплетения рук и ног.

— Господи! — сказала неожиданно для себя Эльза вслух. — Ну до чего же вы себя довели!

В ответ было шуршание, шевеление, детский писк. Мужчина постарался зарычать — получился хрип. Потом кляканье: а-мляк-а-мляк, а-мляк...

Младенец заплакал. Только тогда Эльза сообщила, что некоторые из амляков в крови. А у ребенка, который плачет, грудь и рука в крови. Эльза не знала, что ребенка ранил Пруг. Она решила, что на амляков напали волки.

— И вы тоже воюете? — спросила Эльза с удивлением. — Что же это такое...

Она чуть отвела луч фонаря кверху, чтобы он не слепил амляков, потом сделала еще шаг вперед, подняла руку, как бы останавливая встречное движение самца, и присела на корточки. Развела руками.

— Вот видите, — сказала она тихо и ласково, — вот видите, ничего у меня нет. Я только хочу вам помочь... не вам, глупые, а вот этому ребенку, ведь он у вас умрет, если я не помогу, понимаете, он умрет, и все тут...

Шевеление затихло. Амляки внимательно слушали ее.

Продолжая говорить, Эльза достала пакет первой помощи, вытащила из него пластырь, распылитель коллодия, дезинфектант.

— Главное, чтобы вы мне не мешали, — сказала она.

Она была в десяти шагах от них, и теперь надо было сделать так, чтобы они не испугались, когда она приблизится. Она еще некоторое время говорила, стараясь вложить в тон убежденность в своем праве подойти к ним и помочь. И, не прекращая говорить, она медленно поднялась и пошла.

Это был самый критический момент. Эльза понимала, что ей надо быть наготове, если они бросятся на нее, но в то же время она не могла думать об этом, потому что амляки скорее всего интуитивны и ее опасение сразу передастся им. Надо было думать только о том, как она им поможет.

Мужчина сделал неловкое и осторожное движение в сторону, пропуская Эльзу. Она наклонилась над младенцем. И тут увидела, что мать тоже ранена. Младенец и мать смотрели на нее одинаковыми умоляющими глазами слабых зверенышей.

Может, к лучшему, что мать ранена тоже. Она сначала сможет доказать ей, что может принести пользу. Эльза подняла анестезирующий распылитель, и легкое облачко эмульсии дотронулось холодком до рассеченной щеки женщины. Та отпрянула, заверещали дети. Мужчина угрожающе двинулся к Эльзе. Но тут же эмульсия дала эффект. Женщина замерла, чуть подняла свободную руку, дотронулась до щеки. В ней шел тугой, медленный, но понятный мыслительный процесс. Все же они не совсем превратились в зверей. Женщина вдруг протянула плачущего младенца Эльзе.

...Эльза занималась уже третьим пациентом, когда она услышала в коридоре шаги.

Их слышали и амляки. Испугались, запищали, снова сбиваясь в кучу.

Эльза по шагам узнала Тимофея и даже поняла, насколько он устал и взволнован.

— Тим, — позвала она негромко, зная, что звуки в пещере разносятся далеко. — Не спеши. Ты всех перепугаешь. Подходи медленно, а потом остановись шагах в десяти от меня. Понял?

— Понял, — сказал Браун.

* * *

Нильс Ольсен, узнав, что корабль «Вацкус» приближается к системе, решил разбудить ВараЮ, понимая, каким облегчением будет для него эта весть.

Телефон долго наигрывал мелодию вызова. Ольсен хотел было положить трубку на место, когда наконец подошел кто-то сонный и злой и сказал, что господин начальник стражи пребывает во сне.

— Я очень прошу, в виде исключения, разбудить господина начальника стражи. Сообщите ему, что его осмелился беспокоить консул Галактического центра.

— Я очень сожалею, — последовал ответ, — но господин начальник стражи не велел его будить, даже если будет землетрясение, — ответил сонный голос.

— Тогда передайте ему, как только он проснется, что консул Галактического центра сообщает, что корабль «Вацкус» находится на подходе к системе и что я поддерживаю с ним связь.

Без ответа говоривший положил трубку.

Консул вернулся в комнату связи, где Елена Казимировна вела беседу с радистом корабля, чтобы не упустить частоту. Разумеется, это

лучше сделали бы приборы, но попробуйте сообщить эту истину настоящему радисту — он сочтет себя глубоко уязвленным. Люди, работа которых насыщена автоматикой, любят подчеркивать ненадежность этой автоматики, хотя сами без этой автоматики работать не согласятся.

— Ну и что вы решили, консул? — На связи был капитан «Вадиуса».

— Я пытался связаться с начальником стражи, — ответил Ольсен, — однако он спит. Здесь нельзя будить. Я и так нарушил этикет.

— Этикет! — Пренебрежение к этикету и крайняя деловитость — известное всей Галактике свойство и гордыня кланов. — Поднимайте кого нужно. Речь идет о людях.

— Разумеется, я с вами согласен, — сказал консул. — И все же есть местные правила...

— Куда ушел «Шквал»?

— Вернее всего, к планете нашей же системы Ар-А. Это название должно быть в атласе. Однако это только предположение.

— Нет возможности уточнить?

— Завтра начальник стражи будет допрашивать подозреваемых.

— Значит, связь завтра? Время?

— Полдень по местному времени вас устроит?

— Меня устроит любое время, потому что я спешу на помощь кораблю, попавшему в беду. Даже если я буду спать, можете взять на себя смелость разбудить меня.

— Вашу иронию оценили, — мрачно сказала Елена Казимировна, хотя в присутствии консула радист не должен вмешиваться в разговор. Но Елена Казимировна берегла репутацию доверчивого и порой наивного Ольсена и не терпела, если кто-либо собирался его обидеть.

— До связи, — сказал Ольсен. — Надеюсь, на борту у вас все в порядке?

— Пассажиров мы высадили. Они ждут нас в планетарном катере. Вряд ли там комфортабельно, но наверняка безопасно. До связи.

Выйдя из пункта связи, Нильс сказал жене:

— Кисочка, я съезжу к космонавтам. Они наверняка очень волнуются.

— Ты можешь им позвонить. Сейчас глубокая ночь.

— Но ведь они с радостью проснутся, — сказал Ольсен.

Он был возбужден и одержим жаждой деятельности.

— Не советую, — сказала Елена Казимировна.

— Но тут же совсем рядом, — сказал консул. — Буквально два шага.

— Тогда надень куртку, сейчас дует с гор. Жена премьера говорила мне, что от этого ветра бывают жуткие эпидемии простуды.

— Это сказки, кисочка, — сказал Ольсен.

Но куртку надел, чтобы не волновать Елену Казимировну.

Он вышел на улицу. Космонавтов он разместил в обыкновенном доме, который консульство откупило специально для подобных случаев, чтобы не терзать приезжих престижной, но неудобной жизнью в новой гостинице. Дом стоял в том же квартале, метрах в двухстах от консульства.

Улица была совершенно пуста. Далеко прогрехотала телега. Донесся звон бубенчиков — сторож отпугивал воров от большого магазина на соседней улице.

Ольсен шел, глядя под ноги, чтобы не угодить в лужу или помой, которые порой еще выливали из окон прямо на улицу, хоть за это и полагался большой штраф.

Вот и дом для приезжих. Над входом звездочка — символ Галактического центра. Ольсен запрокинул голову — в одном из треугольных окон

горит свет. Он толкнул дверь. Стражник, нанятый консулом, мирно спал, сидя на полу и прислонившись к стене.

Ольсен поднялся по витой лестнице этажом выше. Из круглого холла шли двери — в комнаты, где спали космонавты.

Ольсен остановился в некоторой растерянности. Потом негромко спросил:

— Кто-нибудь не спит, простите?

Почти сразу открылись две двери, словно обитатели комнат ждали его визита.

— Что? — спросил молодой космонавт, одетый так, будто и не ложился. — Есть новости?

— Корабль «Вадиус» вышел на связь, — сообщил Ольсен в великом облегчении, потому что правильно сделал, что пришел, — его ждали.

— «Вадиус»? Там команда с Крियोны, — сказал Салиандри, вышедший из третьей двери.

— А когда «Вадиус» будет здесь? Нам лучше перейти на него.

— Я ничего еще не знаю, — сказал Ольсен. — Честное слово.

— Так что же мы стоим? — сказал первый инженер. — Заходите к нам.

Ольсен вошел в комнату. Оказалось, что там сидят еще пять человек. Несмотря на усталость и на то, что они весь день возились на космодроме, стараясь привести в порядок станцию, спать экипажу, потерявшему корабль, не хотелось.

— А уже известно, где «Шквал»? — спросил второй помощник.

— Завтра узнаем, — сказал Ольсен. — Завтра ВараЮ начнет с утра допрос задержанных. Он толковый человек, и его полностью поддерживает здешнее правительство.

В этот момент раздался глухой удар, так что дом пошатнулся и стаканы на столе зазвенели.

Такое Ольсен здесь уже пережил — когда было землетрясение. Но он знал, что местные дома отлично приспособлены для таких случаев. В долине на севере ему пришлось побывать в городе после сильного землетрясения. Некоторые дома-тыквы валялись на боку, но ни один дом не разрушился.

Салиандри подошел к окну.

— Это совсем рядом, — сказал он. Он высунулся наружу, стараясь увидеть место, откуда донесся грохот. Потом он обернулся и сказал: — По-моему, там огонь. Пожар. Совсем недалеко. Поглядите.

Ольсен подбежал к окну. Горел его дом. Дом выглядел странно, словно яйцо, из которого вылупился птенец, проклевав верхнюю часть скорлупы. И из широкого отверстия валил дым и вырывались языки пламени.

* * *

Елена Казимировна, к счастью, почти не пострадала. Когда Ольсен ушел, ее охватило беспокойство: как он там, один на ночной улице, при его-то рассеянности. Ей представилось, что Нильс заблудился и на него напали грабители... И Елена Казимировна, накинув плащ, кинулась из дома, выбежала на улицу и направилась к дому для приезжих. Я только спрошу у вахтера внизу, приходил ли он, уговаривала она себя, и тут же вернусь. То, что она сама ночью вышла на улицу, ее не тревожило. За много лет совместной жизни она привыкла к тому, что с ней ничего не случается — все неприятности и неожиданности происходят с Нильсом.

Она была в пятидесяти шагах от дома, когда раздался взрыв.

Ударом воздушной волны Елену Казимировну

бросило на мостовую, и, так как падение было неожиданным и болезненным, Елена Казимировна не поняла, что произошло. Ей показалось, что на нее напали бандиты, как на того несчастного археолога, и ударили по голове. И, упав, она закрыла голову руками, спасаясь от следующего удара.

Ничего не произошло. Грохот утих, и затем она услышала, как сзади, нарастая в силе, слышится треск, будто кто-то быстро ломает маленькие палочки — тысячи палочек.

Елена Казимировна села и обернулась. Горел ее дом.

Верхняя часть дома куда-то исчезла, и из яйца вырывались клубы дыма, в которых чертнятами проскакивали языки пламени.

— Боже мой! — сказала она вслух. — Какое счастье, что Нильс ушел к пилотам!

Она поднялась, потеряла ушибленное колено. Окна в соседних домах открывались, высовывались сонные головы. Дом горел быстро, он был стар, деревянные конструкции тыквы просохли. Куски штукатурки отваливались и падали на мостовую, и казалось, что гигантское яйцо на глазах уменьшается.

Елена Казимировна не пошла к дому, а поспешила дальше, к пилотам — что ей было делать одной у пожарщика? И через несколько шагов она встретила мужа и пилотов, которые бежали навстречу.

— Лена! — закричал издали Ольсен. — Ты успела! Спасибо...

Он плакал и обнимал ее, а пилоты побежали дальше, они хотели тушить пожар, но это было немыслимо, и даже пожарные, колесница которых приехала довольно быстро, ничего поделать не могли. Пожарники ждали, пока дом догорит,

чтобы залить груды тлеющих бревен и штукатурки.

Вскоре приехали и различные городские чины. Событие было настолько необычным, что пришлось нарушить этикет. Его Могущество командующий войсками показался в сопровождении группы офицеров. Командующий был встревожен и даже зол. В последние дни он потерял лицо, потому что похищение корабля было совершено с помощью его боевой машины и он до сих пор не мог разыскать экипаж машины, который исчез, как в воду канул. Он приказал арестовать все начальство парка боевых машин, но это, разумеется, не помогло, хотя под пытками, а пытки пока что обычный метод допроса на Пэ-У, они готовы были сознаться в чем угодно.

ВараЮ, несмотря на ранний час и срочность, с которой он приехал, был одет в полиую форму — видно, он понимал, что на пожаре окажутся высокие чины. Следом за ним явились охранники, человек пятьдесят, и ВараЮ приказал им оцепить квартал и никого не допускать к сгоревшему дому. Его эксперты тут же начали растаскивать еще тлеющие бревна, потому что ВараЮ был убежден, что взрыв и пожар — не случайность, сделано это теми сообщниками Пруга Брендийского, которые не хотели, чтобы работала рация и поддерживалась связь с «Вациусом». Он принес свои извинения за то, что не откликнулся на первый звонок Ольсена, и сказал, что накажет своего секретаря. Но это ничего не меняло, и Ольсен сказал ему об этом.

От дома ничего не осталось, и Ольсену было очень жалко этнографических коллекций, которые он собирал здесь много лет, а также своих рукописей. Этого он уже никогда не восстановит. И в гибели того, что он делал, было глубокое оскорбление разуму, потому что те, кто устроил

взрыв, менее всего думали о таких абстрактных мелочах, как разум или дело рукописи консула Ольсена.

Елена Казимировна вела себя как королева, и по ее лицу можно было предположить, что речь идет о сущей безделице — потерянной булавке. Ей пришлось дважды отвечать на вопросы. Сначала ее долго расспрашивал ВараЮ, которого интересовало, не проникал ли кто-нибудь в дом, ведь заряд надо пронести, установить и спрятать. Потом те же вопросы задавал пышно одетый генерал из свиты Его Могущества. Отношения между Его Могуществом и начальником стражи оставляли желать лучшего, и это было понятно — второй серьезный инцидент за три дня, даже третий, если приплюсовать исчезновение археолога. И преступники чувствуют себя в городе совершенно спокойно, словно пользуются покровительством в очень высоких сферах. Соответственно Его Могущество предполагал, что у горцев есть свои люди в страже, что снимало с него ответственность за события, а ВараЮ винил армию.

В общем, пришли к выводу, что бомба была подложена или под дно дома, или на нижнем этаже, куда мог проникнуть любой; консул и Елена Казимировна ночью оставались одни, и никто не охранял дом. А уходя из дома, консул мог и не запереть двери — он был рассеян. Между его уходом и уходом Елены Казимировны прошло минут пятнадцать — достаточный срок для поджога.

— Меня беспокоит другое, — сказал ВараЮ, наклонив к консулу свой острый нос и глядя ему на грудь, по законам этикета. — Уж очень точно они выбрали время. Как раз после того, как вы связались с кораблем. Кому вы говорили об этом, кроме моего секретаря?

— Никому.

— Секретаря я задержал, и сейчас его допрашивают. Но вы ведь сказали пилотам?

— Нет, исключено, — ответил Ольсен. — Между моментом, когда я сказал им, и началом пожара прошло минут пять, не больше.

— Остается телефонная станция, — сказал ВараЮ задумчиво. — Я буду вынужден вас покинуть...

Он повернулся и, не попрощавшись с Его Могуществом, поспешил к своей машине.

Начинался рассвет. Поднятые ретивыми охранниками черные хлопья сажки лениво кружились в воздухе. Полуодетые напуганные соседи, что стояли, тихо переговариваясь, за линией ограждения, начали расходиться по домам. Пожарные колесницы, разукрашенные желтыми драконами, разводили котлы, чтобы покинуть пожарище. Его Могущество еще раз выразил Ольсену и его супруге сочувствие в горе, постигшем их, и сообщил, что сегодня же премьер узнает о событии и обязательно компенсирует расходы господина консула. Консул вежливо поблагодарил за внимание. Его расходы уже никто не компенсирует.

* * *

Старый воин КрайЮ, оставшийся по приказанию Пруга, провел неудобную, холодную и мрачную ночь. Он устроился на втором этаже здания, от которого остался угол, десятиметровым зубом возвышавшийся над площадкой. Оттуда черным пятном был виден вход в подземелье. До него было далеко, тысяча шагов, но ближе надежного укрытия не нашлось.

Ему было холодно, к тому же внизу несколько раз проходила стая волков. Это были крупные

сильные звери. КрайЮ не хотел, чтобы они его заметили.

Когда утром он увидал, что археологи выбрались из подземелья, он сразу сообщил об этом на корабль. ДрокУ ответил, что войны уже выехали.

* * *

Ночь археологи провели в компании амляков.

С рассветом новые знакомые покинули туннель.

— Человечество не одиноко, — сказал Львин, глядя, как амляки, осторожно озираясь, вылезают из туннеля и бредут к развалинам. — Мы обрастаем родственниками.

Фотий ван Кун взглянул на небо в надежде увидеть звездочку корабля, но ничего не увидел. Он поглядел на младенца с забинтованной и заклеенной пластырем ручкой и даже протянул к нему руку, помахал пальцами, сказал «гу-гу!», полагая, что все младенцы любят, когда Фотий ван Кун делает им гу-гу. Младенец заверещал, его мать возмущенно забормотала.

Они вышли на открытое место, и здесь амляки начали настойчиво объяснять Брауну, которого считали за вождя племени, что им пора идти по каким-то своим делам.

— Осторожно с ним, — сказала Эльза матери младенца. — Хорошо бы ты завтра принесла его ко мне.

Эльза стала показывать знаками, что младенца надо приносить на перевязки, мать ничего, конечно, не поняла и потащила обоих своих детей к купе деревьев, разросшихся на холме посреди города. Остальные, не оглядываясь, побежали за ней.

— Мы должны взять на себя заботу о них, — сказал Фотий. — Это наш долг.

— Фотий, давай отложим благотворительность на лучшие времена, — сказал Тимофей серьезно. — Неси ящики с патронами.

Они грузили в вездеход оружие, найденное и опробованное ночью в подземелье. Оружие на редкость хорошо сохранилось, потому что те, кто скрывался в подземелье, имели обыкновение очень бережно обращаться с ним.

Это не означает, что археологи намеревались убивать воинов Пруга. У них был другой план — успеть к «Шквалу», прежде чем бандиты отправятся на поиски арсенала, и устроить такой шум, чтобы те не смогли выйти из корабля.

Надолго ли они планировали эту осаду, они не могли бы сказать и сами, но рассчитывали задержать врагов до тех пор, пока не появится помощь. В любом случае это должно быть делом часов, в крайнем случае дней.

Они погрузились в вездеход как раз тогда, когда вездеход ВосеньУ уже отправился к подземелью. И если бы они задержались еще на десять минут, то наверняка события приняли бы совсем иной оборот.

Если кто-нибудь мог бы поглядеть на город с птичьего полета, он увидел бы, как один из вездеходов медленно пробирается прочь от подземелья, в то время как другой приближается к нему.

* * *

Пока на Ар-А длилось это утро, в столице Пэ-У оно уже превратилось в день.

Бесконечно усталый Ольсен поехал с пилотами в Школу Знаний. В Школе Знаний, на отделении электроники, им обещали передать

приборы, которые можно использовать для восстановления связи.

— Ну ладно, — говорил Ольсен, споря с самим собой. — Допустим, они знали, что у меня в консульстве есть станция. И Пруг, предусмотрительный донельзя, приказал подложить заряд... Возможно?

— Возможно, — ответил Салиандри. — Но почему тогда они не взорвали вас с самого начала? Откуда им знать, в какой момент ваша станция выйдет на связь с космосом? Нет, ваш ВараЮ прав — искать надо на телефонной станции. Времени у них было мало, но достаточно. Город небольшой.

Школа Знаний была тыквой вдвое больше прочих. От нее тянулись низкие бетонные корпуса лабораторий.

Профессора Школы Знаний в синих тогах с зубчатым знаком Высокого Знания уже ждали их под боком тыквы. Профессорам при этой церемонии делать было нечего, но сам факт обращения Космофлота к Школе Знаний за помощью был символическим актом. Школа Знаний была одним из наиболее твердых союзников Галактического центра. Не будучи кланом, она ощущала себя кланом нового типа — кланом без родственных связей, и для Школы Знаний исчезновение археолога, который был ее гостем, было глубоким оскорблением.

— Что это? — спросил один из пилотов. — У нас нет времени для торжественных собраний.

— Нет, — сказал Ольсен, который лучше всех понимал, что происходит. — Но если мы будем терпеливы, то получим все, что нам надо.

Повелитель Школы Знаний, седые завитые усы которого, к вящему изумлению пилотов, лишь чуть не доставали до пола, старый друг Ольсена, встретил его с распростертыми объ-

ятими. Он рыдал и не скрывал слез. Он был настоящим мужчиной — лишь женщины скрывают слезы. Ольсен тут же прослезился. Как он потом объяснил пилотам, сделал он это лишь для соблюдения этикета, но на самом деле это было большим облегчением — что можно поплакать на плече человека, который понимает глубину твоего горя и разделяет это горе.

Затем всей процессней, очень напоминавшей похороны, только без покойника, они проследовали в лаборатории.

Пилоты немало удивились, увидя богатства, что хранились без действия, в расчете на будущие открытия и будущих местных Ньютонов. Даже Ольсен не знал, что удалось накопить ученым мужам на складах. И пока Ольсен в окружении стенающих профессоров рассказывал о масштабах бедствия для него лично и местной филологии и этнографии, пилоты, как мальчишки в магазине игрушек, отчаянно и со всевозрастающим оптимизмом копошились в гостеприимно открытых складах.

Когда часа через три перегруженная машина Ольсена, сопровождаемая школьной колымагой, плелась к космодрому, торжествующий Писаренко, второй помощник, сообщил консулу:

— Починим ли? Да мы из этого добра соорудим три рации.

* * *

Капитан «Вадиуса» Йивуке высох еще более за последние часы. Связь с Пэ-У прервалась, и все попытки вызвать планету ни к чему не приводили. Он собрал на мостике своих помощников и штурманов корабля.

— У консула Галактического центра, с которым я успел поговорить, есть подозрение, что

корабль «Шквал» уведен похитителями к планете Ар-А в той же системе. Окончательной уверенности у него нет. После этого сообщения связь прервалась по неизвестной причине.

Помощники капитана и штурманы сидели неподвижно, вытянувшись на низких стульях. Несмотря на то что крионцы любят повторять, что они презируют условности и чужды этикету, в обыденной жизни ими руководят строжайшие правила поведения, которых они попросту не замечают и даже отрицают их существование. Поэтому ни один из штурманов (за исключением второго) и помощников никогда не откроет рта, пока капитан корабля не разрешит ему это сделать.

Они сидели неподвижно как статуи в своих одинаковых серых мундирах со знаками Космофлота, вышитыми их женами, они сидели под портретами великих капитанов планеты, одинаково худых, серьезных и даже мрачных.

— У нас есть два пути: изменить курс и следовать к планете Ар-А либо продолжать движение к планете Пэ-У. Я полагаю, что нам следует в этих обстоятельствах продолжать движение к планете Пэ-У, стараясь вновь добиться с ней связи. Увод корабля к планете Ар-А является на настоящий момент лишь допущением, причем неподтвержденным. Выход же из строя второй рации за столь короткое время говорит о злом умысле на самой планете Пэ-У. Следовательно, там существует угроза жизни нашим товарищам. Так что я предлагаю пока держать курс к планете Пэ-У. Надеюсь, я высказался кратко и просто, но если у кого-нибудь есть возражения, а я надеюсь на возражения и споры, то попрошу их высказать со всей резкостью, свойственной нам. Решение тем более се-

рьезно, потому что, возможно, нам, гражданскому кораблю, придется... воевать.

Капитан замолчал и молчал ровно три минуты. Все остальные также молчали три минуты, потому что, разумеется, никому не пришло в голову возражать капитану. Все они были истинными демократами и презирали этикет и условности, и потому без условностей и экивоков они были согласны со своим капитаном. В ином случае им пришлось бы немедленно его разжаловать.

Через три минуты собравшиеся одновременно поднялись, поклонились капитану, поклонились портретам великих капитанов и покинули капитанский мостик.

* * *

Андрей проснулся, вскочил, умылся, напился воды из маленького крана, что был в каюте. Есть хотелось страшно.

Он бы сейчас с наслаждением поднял страшный скандал на весь корабль, но отлично понимал, что никто этого скандала не услышит.

И вообще помимо прочего эта история ему порядком надоела.

Она могла бы показаться детской игрой, если бы от этого не умирали. А ведь Пругу все это кажется совершенно справедливой игрой — он не ощущает себя преступником или убийцей. Когда мы говорим о детстве цивилизаций, то оно видно не только в экономических и социальных законах, но и в психологии каждого отдельного человека. Каждый человек каменного века остается ребенком, сколько бы лет ему ни было. И реакции у него детские. Это же надо — посвятить жизнь желанию стать царем! А потом?

Помереть на престоле? Разве это удобнее, чем в кресле без короны?

А ведь так, сказал он себе, нетрудно оправдать любого первобытного злодея. Нет, сказал он себе, — объяснить. Оправдывать или нет — не наша задача. Наше дело объяснить, а объяснив, ликвидировать опасность. Хотя, пожалуй, за исключением одного прискорбного случая, который стоил Андрею изгнания из летного состава, ему еще не приходилось попадать в ситуации, в которых он был бы столь бессилен.

И вот именно в этот печальный момент рассуждений голодного Андрея замок щелкнул и вошел ДрокУ. Как к себе в каюту. Спокойно и уверенно.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он на космо-лингве.

— Откуда вы знаете галактический язык? — спросил Андрей.

— Я выучил, — сказал ДрокУ.

— Вы бывали в Галактическом центре?

— На стажировке, на курсах административного управления, — сказал ДрокУ, — но, честно говоря, очень давно не приходилось говорить. Четыре года я провел в горах и последний год рядом с Пругом в столице. Практически одичал.

— Вы странный человек. Кто вы?

— Вы должны мне поверить. Мне ведь тоже пришлось скрываться, пока я не убедился, что с вами можно иметь дело. Мое положение куда более опасно, чем ваше. Если узнают, что я здесь говорю с вами, Пруг убьет меня немедленно. Это я вам гарантирую.

— Так кто же вы?

— Я заместитель уважаемого ВараЮ, начальника городской столичной стражи. Мое имя вам ничего не скажет, так что можете продолжать звать меня ДрокУ.

— Что вы делали у Пруга?

— Вот видите, как соблазнительно допрашивать, — улыбнулся ДрокУ. В его движениях, в облике присутствовала некая лень, но происходило это от избытка силы, от умения быстро собраться и превратиться в моток мышц. — Не прошло и трех минут, как вы стали следователем. Отвечаю на ваш вопрос: Пруг давно смущал нас. Он наиболее яркая и энергичная фигура в горах. Мы решили внедрить нашего человека, чтобы он всегда был рядом с Пругом. Мне и пришлось стать таким человеком.

— И вы хотите сказать, что не заметили, как он планирует захват корабля?

— Мы не всеильны. Он оказался хитрее. На этот раз. Но его торжество недолго. Вы это знаете лучше меня.

— Мне трудно поверить, — сказал Андрей.

ДрокУ поднялся.

— Я не могу быть вам всегда полезен. Мне тоже хочется жить. Но, пожалуй, завтра мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы они не успели забраться в арсенал. Как вы думаете, скоро придет корабль нам на помощь?

— Спросите что-нибудь полегче, — сказал Андрей.

— Спокойной ночи. Думаю, что Пругу я скоро понадоблюсь.

— Минутку, — сказал Андрей. — Если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, почему вы не обезвредите Пруга?

— Я не могу его убить, мне это запрещено.

— Я не говорю об убийстве. Очевидно, есть другие пути.

— Что вы теперь намерены делать?

— Пользоваться вашими советами. И не спешить. Я полагаю, что главное сейчас — не допустить, чтобы он убил кого-нибудь из архе-

ологов. А что касается арсенала — пускай забирает, что хочет. Он не успеет ничем воспользоваться.

ДрокУ улыбнулся. Зубы у него были подплены, как положено горцу.

— Ваших археологов выследили. Они дали себя провести, как цыплята. Пруг оставил в городе охотника, и археологи привели его к арсеналу. Сейчас ВосеньУ умчался туда зарабатывать себе славу и жизнь.

— И жизнь?

— Разумеется. Он нужен Пругу только по Пэ-У, а потом... потом его нечаянно утопят. Он чужой. И может проговориться, чтобы спасти свою шкуру.

Мне его не жалко, подумал Андрей. Я должен быть гуманистом, мне положено всех любить — в этом великая мудрость Галактики — ценность и святость человеческой жизни. Но мне хочется, чтобы ВосеньУ умер.

— Вам его не жалко, — утвердительно сказал ДрокУ. — Вы думаете, что он убил вашу женщину.

— А разве это не так?

— Я не был при этом. Может, это сделал кто-либо еще из людей Пруга. Я пошел, коллега, Пруг проснулся. Он плох. Он накурился. Нервы шалят. Я запру дверь, потому что кто-нибудь мог видеть, как я сюда заходил.

ДрокУ легко поднялся.

— Погодите, — сказал Андрей. — Я не знаю, какой вид смерти легче, но я должен сказать, что все ваши пленники находятся в грустном состоянии. Сужу по себе.

— А что случилось?

— Нас за вчерашний день никто не догадался покормить. И сегодня вроде бы не собирается тоже.

— С ума сойти! — воскликнул ДрокУ. Он был искренне удивлен. Он тоже забыл о том, что людям надо время от времени есть.

— Пошли, — сказал он. — Идите вперед.

Они вышли в коридор, и ДрокУ быстро повел Андрея к камбузу.

В камбузе было пусто.

— Берите, что вам нужно, — сказал ДрокУ, — немедленно к себе в кабину. Если вас поймают, отвечать придется мне. А я не могу больше задерживаться.

И он быстро ушел.

Андрей подождал, пока шаги неожиданного союзника утихнут. Потом осторожно положил всю свою добычу на место. От голода он не умрет.

Теперь ему нужно было незаметно попасть в библиотеку. Он надеялся, что это помещение корабля не представляет жгучего интереса для представителей клана Брендийского.

Вход в библиотеку из коридора, но там есть вторая дверь, соединяющая ее с кают-компанией. Дверью той ни разу не пользовались, и она, как заметил Андрей, была заставлена диваном, который отодвинули, чтобы освободить место для кресла Пруга.

Путешествие до библиотеки прошло благополучно. Андрей на цыпочках пересек комнату и прижал ухо к двери.

Появление союзника показалось ему слишком неожиданным, и ему очень хотелось узнать, о чем ДрокУ будет говорить с Пругом. Хотелось доверять ДрокУ — всегда хочется быть доверчивым, если у тебя не хватает союзников. Но доверчивость могла дорого обойтись.

Андрей успел в библиотеку вовремя. ДрокУ разговаривал с наследником Брендийским. И разговор был неожиданным.

Выгружая аппаратуру из машины и перетаскивая ее к диспетчерской, пилоты галдели, как мальчишки, и Ольсен подумал, что они в самом деле страшно молоды, вдвое моложе его. Им бы в футбол сейчас погонять в перерыве между рейсами. Они были уверены, что запустят станцию в ближайшие часы, и эта задача заслонила от них все прочие проблемы, от которых сам Ольсен отвернуться не мог.

На колымаге из Школы Знаний приехали и местные техники, так что Ольсену приходилось непрерывно разговаривать, так как пилотам требовалась помощь техников, и он все время переводил.

Пилоты использовали поврежденный корпус разбитой радиации и некоторые сохранившиеся детали и начали монтаж новой установки. Они утверждали, что радиация будет работать не хуже, чем погибшая радиация консула.

На космодроме время от времени появлялись гости.

Сначала приехал Премудрейший глава Школы Знаний. Он хотел убедиться в том, что работа идет нормально и его техники приносят пользу, к тому же ему хотелось еще раз выразить свое сочувствие Ольсену. Не успел он уехать, как появилась полевая кухня, самая настоящая полевая армейская кухня, похожая на старинный катафалк, только разукрашенный цветами. Ритуал принятия пищи в местной армии был весьма сложным, и присутствие походной кухни в виде катафалка в цветочках было обязательной частью ритуала. Повара, приехавшие на катафалке, были весьма огорчены тем, что пилоты проглотили все изысканные офицерские блюда, не соблюдая ритуалов. Ольсен старался за всех, но, конечно,

он не мог спасти положения, и в памяти армейских поваров пилоты Космофлота остались людьми крайне невоспитанными.

Затем пожаловал и сам Его Могущество. Он приехал в бронированной машине, коротко поклонился и обошел полуразрушенную башню диспетчерской. Затем так же неожиданно уехал, оставив пятерых солдат, вооруженных винтовками. Солдаты встали по периметру площадки, где шел монтаж, и замерли. Ольсен поглядывал на них с некоторой опаской, и его опасения лишь усугубил ВараЮ, который приехал последним.

— Зачем это? — спросил он Ольсена. — Мне это не нравится. Сказать, почему?

Он был похож на большую клювастую птицу, которая увидела лису, крадущуюся к гнезду, и очень удручена ее низким поведением.

— Почему? — спросил Ольсен.

— Потому что у Пруга была боевая машина. А все боевые машины принадлежат армии. Я бы хотел поймать и допросить того, кто дал Пругу боевую машину.

— Что нового? Узнали что-нибудь на телефонном узле?

— Я их арестовал. Всю ночную смену, — просто ответил ВараЮ. — Мои люди сейчас с ними разговаривают. Я думаю, что скоро все будет известно.

— А как другие подозреваемые? Мы можем точно сказать, куда улетел корабль?

— Вернее всего, это Ар-А, — сказал задумчиво ВараЮ. — Вернее всего. Хотя я не исключаю и другие варианты.

— Они есть?

ВараЮ пожал плечами.

— Есть какая-нибудь надежда починить станцию? — спросил ВараЮ, глядя на пилотов. Их

фигуры мелькали в развалинах второго этажа диспетчерской.

— Они обещают это сделать скоро, — сказал Ольсен. — Нам дали очень важные детали в Школе Знаний.

— У них они были?

— Они собирались строить собственный центр галактической связи. Но не афишировали своих намерений.

— А я ничего не знал, — сказал ВараЮ и развел руками. — Значит, я плохо работаю. Меня пора гнать.

— Вы должны радоваться, — сказал Ольсен. — Вы же всегда были сторонником нового.

— Но за новым надо следить. Больше, чем за старым.

— Сейчас у нас неприятности из-за старого.

— Завтра будут из-за нового, — сказал ВараЮ убежденно. — Новое у нас появляется слишком быстро. Вы поглядите на них. — ВараЮ показал на неподвижно стоявших солдат. — У них новое оружие. Наши Могущества очень спешат использовать оружие, которое изобретено не здесь. А что они будут делать с этим оружием завтра? А может, они уже сейчас его используют не так, как надо. Почему боевая машина была у корабля? Кому нужнее всего арсеналы? Его Могуществу. Каждая организация — это живое тело, каждое хочет занять как можно больше места.

— Разве у армии есть соперники?

— Хотя бы я, — сказал ВараЮ. — Я беспокоюсь о безопасности государства. И если опасность исходит от армии, я буду спорить с армией.

— Значит, вам тоже нужно новое оружие?

— Мне хватит того, что есть, — ответил

ВараЮ. — Давайте посмотрим, как дела у ваших пилотов.

Они поднялись к пилотам. Те встретили их весело.

— Смотрите, — сказал Салиандри, — должно же когда-то повезти.

Станция приобретала деловой вид. Она казалась запутанной и даже неопрятной. Удивительно, как пилоты могли распутаться в этом лабиринте.

— И будет работать? — спросил ВараЮ недоверчиво.

— Приезжайте через два часа, — ответил Салиандри уверенно.

* * *

Каждый мальчик из благородной семьи в возрасте пятнадцати лет проходит церемонию инициации. Он не может считаться истинно благородным мужчиной, если не знает наизусть священных текстов, тех текстов, которые в незапамятные времена принесли с собой титаны с Ар-А и оставили предкам людей с Пэ-У. Если на Земле воспоминания о пришельцах так и остались в области мифологии и ничем не доказаны, а вернее всего, они лишь проявление мечты о существовании во Вселенной братьев по разуму или даже Высшей силы, то для жителя Пэ-У это часть истории. И знание их языка, перешедшее со временем в сферу магических ритуалов, не пустой звук. Именно в этих текстах, над которыми теперь корпят умные головы в Школе Знаний и которым посвятил большую, к сожалению, погибшую при пожаре в консульстве статью Нильс Ольсен, сохранились в зашифрованном виде многие знания, которые затем легли в основу здешней цивилизации.

Разумеется, горцы проходили другую церемо-

нию инициации, нежели благородные жители долин. И не читали ни на каком языке. Но ВосеньУ знал язык гигантов. И его не удивило то, что надписи в подземелье ему понятны. Его скорее удивило то, что далеко не все он может прочесть.

ВосеньУ уверенно шел к складам, зная, что у него две задачи. Задача первая — найти Бомбу. То великое оружие, о котором знали предки и которое могло погубить целый город. И найти ручное оружие, для себя. И еще неизвестно, что было нужнее. А может, одежду из легкого и не пробиваемого пулями металла — об этом тоже говорится в легендах.

ВосеньУ спешил, он шел на несколько шагов впереди, и луч его фонаря метался по стенам, замирая на белых и желтых надписях, разыскивая двери и повороты, заглядывая в комнаты и быстро шаря по ним. Воинам, шедшим следом, казалось, что слуга небесного господина отплясывает колдовской танец, призывая духов, живущих под землей. Им хотелось бы уйти оттуда, но это было бы большимслушанием, так как они должны были забрать в темнице великое оружие и великую власть.

«Особая секретность» — было написано над дверью, замыкавшей коридор. Но дверь была приоткрыта. Прямо за ней, как будто хотел выйти, но не дотянулся до выхода, лежал скелет человека в остатках одежды. Скелет рассыпался от дуновения воздуха, когда ВосеньУ рванул на себя дверь. Воины отпрянули — в неверном и путаном свете фонарей им показалось, что скелет пытается убежать от них.

В этом святая святых арсенала хранились бомбы.

Андрей слушал разговор ДрокУ с Пругом Брендийским. Разговор не соответствовал табели о рангах.

Пруг сидел, нахохлившись, в своем троне, как сонная жаба. Казалось, что ему плевать на все, что происходит вокруг.

ДрокУ мерно ходил по кают-компании, совершая сложные, но повторяющиеся движения — вокруг шахматного столика, к роялю, вокруг рояля, вдоль кресел, сзади трона, вокруг трона... И, не останавливаясь, говорил:

— Ты забываешь, что не сделал бы ничего, если бы не наша помощь. Ты бы остался жалким претендентом. И наверное, тебя давно бы уже нашли убийцы. Ты существуешь только потому, что ты нам нужен. И это тебе выгодно. В первую очередь тебе. Не забывай об этом.

— Без меня вы бы тоже ничего не сделали.

— Это еще неизвестно. В худшем случае мы бы нашли другого. Жадного до власти и славы вождя.

— Другого такого нет.

— Думай как знаешь.

— А что нужно вам? Та же власть и та же слава.

— Нет. Нам нужна другая власть и другая слава. Настоящая, без барабанов. Барабаны, троны и шумиху мы оставляем тебе. Пользуйся. Пускай дикие певцы исполняют в честь тебя brave песни. Хватит разговоров. Я буду говорить с господином ВараЮ. Я скажу ему, что арсенал найден. Времени в обрез. Ты должен быть всегда трезвым, всегда сильным и готовым к бою. Не думай, что все так просто.

ВараЮ, повторил про себя Андрей, влиятельный человек, начальник государственной охраны.

Как интересно бывает в истории — всегда находится фигура для первого плана. И она шумит и машет оружием. А за ее спиной стоят те, кто не любит вылезать наружу...

ДрокУ вышел из кают-компаний. Пруг Брендийский последовал было за ним, но остановился и задумался, постукивая сильными пальцами по крышке рояля.

* * *

Желая выбраться из города коротким путем, Браун ошибся улицей и попал в тупик. Минут десять он упрямо вел машину по развалинам, но был вынужден повернуть обратно. А тут как назло амляк.

Амляк стоял на пути вездехода. Упрямо, как самоубийца.

Тимофей затормозил. Высунулся из люка.

— Отойди, — сказал он.

Амляк нудно и монотонно заговорил, повторяя одинаковые сочетания звуков: а-ля-мля-мля...

Эльза подбежала к нему. Она не понимала, что амляку хотелось довести до сведения этой богини, что пришли другие люди, которые вошли внутрь подземного дома. И эти люди пугают амляков своим запахом, своим разговором, своими угрожающими злыми мыслями. И амлякам страшно.

Амляк хотел, чтобы богиня вернулась в подземный дом и выгнала тех людей. Для этого он совершал странные движения, пританцовывал, отбегал, возвращался вновь.

— Он куда-то зовет? — спросил Браун.

Фотий подошел поближе, но остановился, потому что Эльза предупредительно подняла руку.

— Они чувствуют, — сказала она. — Они чувствуют эмоции.

Амляк отпрянул от Фотия. Постоянное беспокойство Фотия его испугало. Он старался как-то донести до Эльзы, что за люди пришли в подземный дом, но у него не было слов и было слишком мало мыслей. Он и так совершил подвиг разумности — пришел к этим людям.

Амляк понял, что они не хотят идти за ним. И тогда он сообразил, что надо сделать. Там, в развалинах, совсем рядом сидел один из тех, тревожных людей. Он прятался там давно, и амляки знали, что он не имеет отношения к их богине и ее людям. И амляк сообразил, что надо показать того человека, который давно сидит в развалинах и смотрит на богиню, и тогда люди поймут и пойдут в подземный дом. И он, не переставая верещать, быстро побежал к руинам дома, где на остатках площадки второго этажа сидел КрайЮ. Он бежал быстро, забыв об осторожности, потому что только хотел показать и не желал ничего дурного. Он почти добежал до развалин, когда вдруг до него докатилась волна страха, ненависти.

КрайЮ увидел амляка, голого, худого, маленького, и понял, что этот маленький его выследил и сейчас выдаст его врагам. Он был не из тех, кто отступает и бежит. Ему приходилось рубиться в десятках сражений и стычек, из всей его семьи остался в живых лишь один младший брат, который прилетел сюда вместе с ним. И, мысленно пересчитав врагов, он поднялся во весь рост, и от машины его было хорошо видно. Он держал в руке боевой топор, в другой — духовую трубку. Он готов был к последнему бою и мысленно попрощался с младшим братом, призвав того к мести.

Амляк остановился, натолкнувшись на гнев и бешенство, как на стену. Он стоял, запрокинув голову, длинные редкие волосы дергал подтягивая

пийся ветер. Он был как бы загнипнотизирован, потому что знал о желании существа убить его, но не понимал, почему двуногое существо должно его убивать. Только что он убедился в том, что двуногие не убивают.

КрайЮ издал боевой клич клана; это был очень громкий и особенный клич — его сразу отличишь от кликов других кланов. Клич пронесся над жужжащим воздухом города и долетел до выхода из подземелья, где воины осторожно грузили в вездеход бомбы и оружие. Он был слабым, этот крик, но младший брат КрайЮ узнал голос. Он схватил нож и кинулся было на помощь брату. Но ВосеньУ сказал ему:

— Стой.

— Я должен идти, — сказал младший брат. — Там бой.

— У твоего брата свое дело, у тебя свое дело.

— Я не буду слушаться тебя, слуга, — сказал младший брат.

— погоди. — ВосеньУ был очень осторожен, и он хотел жить. Он включил браслет связи — на маленьком экранчике появилось лицо Пруга. Пруг был насторожен.

— Что случилось? — Голос его из динамика звучал тихо и тонко.

— Господин Пруг, — сказал ВосеньУ, — мы нашли оружие. Надо срочно грузить его и везти, но младший КрайЮ слышит, как его старший брат, оставленный сторожить археологов, зовет на бой. И он бросает все и хочет бежать к брату.

— Если он посмеет сделать это, — сказал Пруг медленно и зло, — ты убьешь его сам. Есть большое дело, и есть долг. Ни один из воинов моего клана не посмеет нарушить долг.

— Ты слышал? — спросил ВосеньУ смиренно. — Так сказал твой вождь.

Боевой клич КрайЮ донесся снова. Издалека.

— Стреляй в него, — приказал ВосеньУ ближайшему воину. Тот сделал вид, что не слышит.

— Ну что вы? — пищал слабенький голосок Пруга из браслета.

ВосеньУ поднял пистолет, найденный в подземелье. Его как раз можно было испытать.

Младший брат побежал к развалинам. Он уже ничего не слышал, кроме призыва брата.

И ВосеньУ выстрелил ему в спину.

Новый пистолет действовал отменно. Словно не прошло столетий. Он был отлично смазан и отлично сохранился. Смерть могла поджидать свою жертву семьсот лет и догнать ее.

От удара пули младший брат КрайЮ полетел вперед, будто его сильно и резко ударили по спине. Он упал и лежал неподвижно, и по развороченной выстрелом спине разливалось кровавое пятно.

— Я исполнил твой приказ, господин, — смиренно сказал ВосеньУ.

— Тогда скорее, скорее! — крикнул Пруг. — Каждая минута дорога.

— Скорее! — сказал воинам ВосеньУ, и они побежали внутрь, в хранилище, чтобы притащить еще одну бомбу.

А у вездехода археологов все происходило, как в замедленном фильме.

КрайЮ поднес к губам духовую трубку.

— Это смерти! — закричал Фотий ван Кун. — Я знаю. Браун, стреляй!

Пистолет был у Брауна, и Браун не выстрелил. Он не был готов к тому, чтобы выстрелить в человека. И Фотий ван Кун, поняв это, бросился к Брауну, чтобы отнять у него пистолет, но в этот момент КрайЮ выстрелил из духовой трубки, и амляк сложился, медленно опускаясь на землю, — яд действовал быстро.

Фотий вырвал у Брауна пистолет и начал

стрелять по горцу, но до КрайЮ было больше ста метров, а Фотий никогда раньше не стрелял и потому промахнулся.

КрайЮ понял, что он убил врага. Теперь он может отступить, потому что в него стреляют, а отступление в бою — это не бегство. Воинский этикет горцев был строгим, но гибким.

Пригнувшись, КрайЮ отпрянул назад, скрылся с глаз археологов и спрыгнул вниз. Он не знал, гонятся ли они за ним, но побежал прочь, подальше от них, виляя между грудками камней, и потом, увидев кучу деревьев, за которой начинался пологий спуск в овраг, он нырнул туда.

Кусты хлестали его по лицу, но КрайЮ был доволен. Он расскажет брату о том, как сразил голого дикаря и как в него стреляли люди неба. Надо лишь немного переждать, затаиться, пока не уляжется погоня.

И КрайЮ присел среди камней за кустами и стал слушать.

Браун отнял пистолет у Фотия ван Куна.

— Успокойся, Фотий, — сказал он. — Мы не можем убивать.

— Каждое живое существо может убивать зверя, если он нападает на человека.

Амляк, чуть вздрагивая, лежал в пыли, лицом вниз, скорчившись, как заснувший ребенок. Браун смотрел на него и молчал.

В двух километрах к западу, у входа в подземелье, где воины торопливо грузили вездеход, лежал младший брат КрайЮ. Он тоже лежал лицом вниз, но вытянувшись.

Перед отъездом остальные воины подошли к телу КрайЮ, и каждый высыпал ему на спину пригоршню земли. Большого они сделать для него не могли. ВосеньУ тоже высыпал на него пригоршню земли, так как он не был убийцей,

а выполнял приказ повелителя. Но, когда он протянул руки с землей, все воины отвернулись от него и отошли.

Возвращаясь к вездеходу, ВосеньУ старался идти так, чтобы не оставлять воинов за спиной. Он не доверял горцам.

Один из них взял духовую трубку и топорик КрайЮ младшего, чтобы отдать его брату.

ВосеньУ сел за руль вездехода и повел машину из города к кораблю. Он чувствовал враждебные взгляды горцев. Но знал, что сейчас никто из них не посмеет его тронуть.

* * *

— Но как же это могло быть? Я еще понимаю, что в авантюры влезает горный князь. Дикий человек. Но этот ВараЮ — он же ответственное лицо, у него все есть, — удивился доктор, к которому Андрей пришел из библиотеки.

— В табели о рангах он далеко не первая фигура, — сказал Андрей. — И по происхождению семей сто в нашем городе куда знатнее его. Он выскочка, он добился поста с помощью своих способностей. Еще лет пятьдесят назад он и не мог бы мечтать о такой власти. Но власть его не очевидна, и ему часто указывают на место. В то же время он проникает в святая святых общества. Он сам по себе порождение новой эры, раньше в таком не было нужды. И он понял, что его власть далеко не предел. И неплохо придумал — сделать все руками горного князя. Гордого, но беспомощного.

— Но на что он рассчитывает?

— Точно сказать нельзя. Но можно предположить. Появляется корабль. Наш корабль. Вооруженный достаточно, чтобы уничтожить столицу. Я уже давно понял, что в планы Пруга входит

не только его горное княжество, которое и на карте не отыщешь. И для второго действия драмы обязательно нужен человек в столице, который мог бы воспользоваться паникой. В ином случае, даже запугав правительство, Пруг все равно теряет все преимущества своего положения, как только опускается. Его уже будут ждать. Не будет же он таскать с собой бомбу. В лучшем случае он подорвется на ней. А вот если с ним есть человек или организация, способная захватить власть, пользуясь суматохой и паникой... и не исключено, что ВараЮ до конца будет выказывать себя убежденным противником анархии и попытается взять власть не как союзник Пруга, а как единственная сила, способная ему противостоять. Может, я и неправ. К тому же мы не знаем, насколько Пруг послушен ВараЮ.

* * *

ДрокУ вошел в узел связи. Он был не новичком в узле связи и знал, что делать. Он запер за собой дверь, подошел к креслам связистов, кинул в соседнее топорик, с которым не расставался, как и положено горцу, включил аппаратуру, проверил ее. Задал программу. Пока станция настраивалась, он включил приемник. И почти сразу пошел вызов с «Вадиуса». Вызов был автоматическим — сухо звучал код «Шквала». ДрокУ не стал выключать вызов, когда откликнулась Пэ-У.

— Начинаю сеанс, — сказал ДрокУ. — Это ты, ВараЮ?

— Ты опоздал на три минуты, — сказал ВараЮ. — Что случилось?

— Хорошие новости, — сказал ДрокУ. — Нашли.

— Когда сможете стартовать?

— Как только они будут здесь.

— Поторопитесь.

— У вас что-то изменилось?

— Они восстанавливают станцию связи. На подходе корабль Космофлота «Вадиус». Пока они не знают, где вы. Но армия уже знает. Если восстановят связь, вас перехватят. Армия прислала солдат охранять космодром.

— Они подозревают?

— Они всегда меня подозревают. Они выследили моего человека, который организовал угон боевой машины. И он, конечно, сознается.

— Его нельзя убить?

— Они его охраняют. Но я попытаюсь.

— Мы стартуем, как только они будут на борту. Ты должен сделать так, чтобы Космофлот не успел нас перехватить. Иначе все зря.

— Знаю лучше тебя, — сказал ВараЮ.

— Он вооружен?

— Это Космофлот. Они не вооружены. Может, лишь пистолеты у команды.

— В крайнем случае будем сражаться, — сказал ДрокУ. — Может, тебе тоже пора действовать?

— Если ты уверен, что вы вылетаете сразу, я рискну. Ты знаешь, как это опасно. Все зависит от тебя, ДрокУ.

— И от Пруга.

— Поэтому я послал тебя. Остальные в порядке?

— Я им сказал, что я твой агент и их друг.

— Поверили?

— Почему не верить тем, кто цепляется за любую возможность выжить? Они боятся умереть.

— Многие умерли?

— Некоторые умерли.

— Я жду тебя, ДрокУ.

— Я буду спешить.

* * *

Капитан корабля «Вацкус» был в радиорубке.

Пришла пора принимать решение — идти дальше к Пэ-У или менять курс.

Капитан был фаталистом и верил, что ему должно повезти. Он был убежден, что в космосе никто по доброй воле не останется без связи. И если было решено похитить космический корабль, то люди, которые пошли на такой шаг, должны были предусмотреть связь. И рано или поздно воспользоваться ею.

Время шло. «Вацкус» продолжал идти к Пэ-У, с каждой секундой удаляясь от Ар-А.

Но капитан Йнвуке упрямо ждал.

И когда заработала станция «Шквала», разговор ДрокУ был запелентован.

— Первая станция на планете Пэ-У, — сказал связист капитану.

— Где находится «Шквал»? — спросил капитан.

После минутного размышления компьютер дал координаты Ар-А.

Капитан вызвал подвахтенных штурманов. И сообщил по интеркому, что «Вацкус» меняет курс.

Капитан был фаталистом и даже несколько гордился этим. Но он был доволен тем, что его не подвела логика.

К сожалению, компьютер на «Вацкусе» не имел лингвистической приставки, и содержание разговора осталось в тайне. И капитан жалел об этом, ибо полагал, что связь означала то, что противник принял решение.

* * *

Экипаж «Шквала», пообедав на скорую руку, вернулся к монтажу станции.

В городе пошла вторая половина дня, было

жарко и пыльно. Солдаты, которые охраняли поле, казались рыжими столбиками.

Ольсен сидел у полевого телефона. Два раза звонили от Его Могущества, потом звонил Мудрейший из Школы Знаний. Три раза звонил ВараЮ. Всех интересовало одно — когда будет связь.

События на космодроме уже стали достоянием самых отдаленных городов планеты и вызвали различную реакцию. Были те, кто опасался мести Галактического центра и того, что люди из Центра уйдут. Были такие, кто гордился подвигом Пруга Брендийского. Хоть официального сообщения и не было, царила убежденность в том, что Пруга отправился именно на Ар-А, к великим гигантам. Куда еще мог полететь столь знатный вождь?

Ольсен каждому звонившему терпеливо объяснял, что работы завершаются, потом поднимался на второй этаж. Разбитые окна были затянуты листами пластика, там было душно, но открыть листы было нельзя, потому что тут же ветер намет бы тучи пыли.

Пилоты устали — они не спали ночью и работали отчаянно. Но они понимали, что Ольсену хуже, чем другим, и они успокаивали его и говорили, что осталось совсем немного.

* * *

Офицер, который еще три дня назад командовал отрядом боевых машин и исчез сразу после захвата «Шквала», был задержан в долине за озером ночью. Он молчал все утро. Днем с ним стал говорить сам Его Могущество. Он обещал ему жизнь. И жизнь его клану. В противном случае погибнет весь клан. И Его Могущество не шутил.

Офицер попросил воды. Он устал и хотел спать. Он сказал, что все скажет. Он сделал это от страха за жизнь клана.

Его Могущество покинул помещение, велел своим помощникам продолжать. Ему было достаточно одного имени, которое сказал офицер, — ВараЮ.

Теперь требовались доказательства. Офицера надо, как он расскажет о заговоре, отвезти во дворец правительства.

Солдат принес воды и поставил стакан на стол. Офицер жадно отхлебнул из стакана и почти мгновенно умер. Генерал еще не успел покинуть помещение казармы, где проходил допрос. Тут же был схвачен солдат, который принес воду. Он сказал, что воду ему дал дежурный в коридоре. Дежурный был мертв. Зная, чем все это кончится, он высыпал остатки яда в другой стакан и выпил сам.

* * *

Ольсен еще сидел у телефона. Не желая того, он задремал, сидя на низком стуле. И ему начал сниться приятный сон — мозг хотел утешить себя хотя бы во сне. Ему приснилось, что пожарные разгребают пепелище и там находят его рукописи, целые и даже не смятые.

— Ольсен! — позвал его, откинув угол пластиковой шторы, помощник Салиандри. — Можете подниматься к нам. Через несколько минут мы будем испытывать нашего моистра.

— Бегу, — вскочил Ольсен.

И в этот момент снова зазвонил телефон.

— Это ВараЮ. Что нового?

— Я должен вас обрадовать, — сказал консул. — Связь есть. В это трудно поверить, я

сам боялся поверить, но они обещают, что через несколько минут связь будет налажена.

— Поздравляю, — сказал ВараЮ. — Я, к сожалению, не смогу к вам приехать, очень занят, тут обнаружились новые данные... но надеюсь, что вы справитесь без меня?

— Разумеется. Счастливо. Мы все сделаем.

ВараЮ говорил не из города. Его машина с телефоном стояла в сухом лесу в двух километрах от космодрома. Деревья стучали длинными сухими иголками под ветром, казалось, что множество маленьких барабанчиков возвещают начало боя.

ВараЮ позволил себе еще минуту расслабиться. Он думал. Расчет времени должен быть совершенно точен. Чем позже он начнет отчаянную акцию, тем меньше останется времени до возвращения «Шквала». А ему обязательно надо было продержаться до возвращения «Шквала».

ВараЮ очень хотел жить. И очень хотел победить. Он был игроком. Игроком с холодной головой и хорошими нервами. Он побеждал во всех играх и во всех спорах, еще со школы. Его никогда не любили — тоже со школы, так как никто не любит людей, которые побеждают в любом споре и уклоняются от драки на кулаках, предпочитая, чтобы кто-нибудь дрался за него. Его не любили и в службе охраны, которая как раз переживала решительную перестройку в тот год, когда молодой, незнатный ВараЮ пришел туда рядовым охранником.

Стража, которая должна была противостоять отрядам кланов, ненадежным и буйным, и заменить собой городских охранников, которых содержали торговцы, перестраивалась солидно. И нуждалась в специалистах. ВараЮ был очень способным молодым человеком и имел склонность к систематическому мышлению. И поэтому

неудивительно, что когда в Галактический центр на стажировку посылали стажеров из различных ведомств, то от стражи помимо четырех знатных офицеров попал и один незнатный — ВараЮ.

Когда он вернулся через три года, изменившийся, серьезный, даже солидный, его назначили заместителем к одному из его коллег по звездной поездке. Тот был родственником самого премьера. Начальник не любил ВараЮ, но вынужден был признать его способности. Постепенно в отряде стражи, которым фактически руководил ВараЮ, привыкли обращаться по всем вопросам к заместителю. Начальник же отряда купил большой дом и задавал вечера. А когда он вскоре перешел на более почетную службу, то как-то получилось, что в борьбе за место начальника другие кандидаты так перегрызлись, что ничего не оставалось, как назначить незнатного ВараЮ.

Он медленно продвигался вверх. Его карьеру тормозило происхождение и тот прискорбный факт, что ВараЮ недолюбливали начальники и не любили подчиненные. Но той же карьере способствовали досье, которые ВараЮ, изучивший историю секретных служб, завел на власть имущих города и всей страны.

К сорока годам он стал начальником столичной стражи, и это было пределом его возможностей, даже учитывая деловые качества и досье. Предков можно было бы купить, но все равно люди, от которых зависела его судьба, отлично знали о его происхождении. И кроме того, его не любили. Хотя ВараЮ никогда и не стремился к тому, чтобы его любили.

У нас любят тебя, только если ты мертв и никому не страшен, говорил ВараЮ, который порой придумывал афоризмы и записывал их в секретную тетрадь, которую не показывал даже

самым близким людям, потому что близкие люди тоже его не любили.

Дальнейшая карьера ВараЮ зависела только от его собственной энергии. Никакое его трудолюбие не помогло бы ему войти в узкий круг благородных, которые правили планетой. Прут слишком высоко ценил свою исключительность. Значит, следовало свергнуть круг, разорвать его. Для этого был лишь один путь — путь насилия.

Поднять войну ВараЮ был не в силах. Армия бы его не поддержала. Горные кланы, хоть и недовольные городским правительством, тоже. Путь к власти открыла идея, которую подсказал ДрокУ — единственный по-настоящему близкий человек к ВараЮ. Их связывало чувство взаимного уважения. И взаимного страха. Они познакомились в Галактическом центре молодыми честолюбивыми провинциалами.

Именно ДрокУ обратил внимание ВараЮ на то, что на Ар-А прилетела археологическая экспедиция. Казалось бы, ничего не было более далекого от дел и вождедений двух офицеров стражи. Археологическая экспедиция на соседней планете!

Но ведь для всех жителей их планеты Ар-А была не просто космическим телом, луной в небе. Ее жизнь определила зарю жизни на Пэ-У, а смерть ее цивилизации была столь недавней, а костры пожаров и взрывов на ее лице были ярки и очевидны. Мощь и мудрость гигантов были реальностью. Но нужно было иметь трезвую и в то же время авантюрную голову ДрокУ, чтобы связать эти события к своей выгоде.

В то время ДрокУ был при дворе Прута Брендийского, наследника престола. Он нанялся к нему на службу, пользуясь отдаленными родственными связями, потому что надеялся исполь-

зовать этого человека в качестве амбициозного союзника.

Но захват престола не удался. Пришлось Пругу бежать в столицу. Пруг отошел в резерв, но формально ДрокУ не оставил службы у горного князя.

Два фактора — существование амбициозного, готового на все и легкого на подъем князя и археологические работы на Ар-А — соединились в уме ДрокУ еще до прилета Фотия ван Куна, так как первые известия об успехах археологов достигли Пэ-У за несколько недель до прилета ван Куна. Именно ДрокУ принадлежала инициатива двух следующих шагов. Первый заключался в том, чтобы внедрить в голову Пруга Брендийского идею о том, что следовало бы отправиться на Ар-А и завладеть сокровищами, которые иначе попадут в лапы Галактического центра, который имеет на них меньше прав, чем законный наследник. Второй шаг заключался в том, что ДрокУ стал искать знакомства с не удовлетворенным жизнью ВосеньУ.

Прилет Фотия ван Куна ускорил события. С ним были карты раскопок, он сам был источником точной информации. Сам по себе он еще ничего не решал. Нужен был корабль. Кораблем оказался «Шквал». Дальнейшее было просто.

Ван Куна выследили и похитили люди Пруга. Затем включился в игру ВараЮ. Ему надо было обезвредить Андрея Брюса и капитана корабля, убедить всех, что археолога утопили в озере грабители.

Стрелял в Андрея агент ВараЮ. Только у агентов ВараЮ были стрелки со стертým клеймом. Стража нового времени не нуждается в старинных правилах чести...

За минуту, проведенную во внешнем бездействии, ВараЮ мысленно пробежал по всей цепоч-

ке событий. И попытался заглянуть в будущее. Если «Шквал» стартует сейчас с Ар-А, завтра он будет здесь.

Хоть офицер, который мог дать на него показания военным, ликвидирован, все равно в ближайшие часы или минуты армия вмешается в события. Следует оттянуть выступление армии до завтрашнего утра, а если не удастся это сделать, то хотя бы сохранить силы. А корабль «Вациус» не должен знать, где «Шквал». Пускай он идет сюда. Все вычислено. У ВараЮ тоже есть помощники, которые умеют считать. «Вациус» достигнет космодрома завтра в полдень. Он опоздает. Но если он пойдет к Ар-А, то окажется там уже к утру — так судьба расположила планеты на орбитах в тот день. Удачно расположила для того, кто выигрывает. Плохо — для проигравшего. И все же — риском.

— Рискнем, — сказал ВараЮ и нажал на кнопку на пульте машины. — Готовы? — спросил он.

— Готовы, — ответили ему.

— Вперед, — сказал ВараЮ и велел водителю вести машину наверх, на холм Бесподобного Чуда, откуда был виден космодром.

* * *

— Он сейчас придет сюда, — сказал доктор.

— Я тоже так думаю, — согласился Андрей. — Он волнуется, он ждет возвращения вездехода. Он не знает, чем все кончится. Если провал, ему лучше, чтобы мы ни о чем не подозревали. Если трудно, лучше знать, что мы замысливаем. Или даже...

— Что?

Андрей улыбнулся:

— Или даже помочь нам, толкнуть нас на отважные действия. Как друг и союзник.

— Не понял.

— Чего мы от него ждем?

— Подлости.

— Вы не правы, мой любезный доктор. Мы ждем от него помощи. Мы не подозреваем, кто он на самом деле и какова его роль в этой истории. Значит, мы сейчас с вами мечемся в неизвестности и нетерпении. Терзаемся, к чему бы приложить руки, как бы вернуть Космофлоту похищенный корабль, как бы остаться живыми.

— Но сейчас его постигнет горькое разочарование, — сказал доктор, предвкушая разоблачение предателя. — Если позволите, я сам ему все выскажу.

— Не позволю, — мягко возразил Андрей.

— Вы не скажете ему?

— Знание — самое ценное добро во Вселенной. Знание тайное — одна из основных ценностей войны, мой дорогой доктор. Чем меньше он знает, чем больше мы с вами знаем, тем выгоднее наша позиция.

— Я не согласен с вами, — сказал доктор возмущенно. — И я полагаю, что ниже нашего достоинства играть в прятки с этими существами. С убийцами. Наше человеческое достоинство мы можем поддержать, лишь будучи совершенно искренними. В ином случае мы опускаемся на их уровень. И перестаем быть самими собой.

— Я, простите, на службе, — ответил Андрей. — Мне нужно сохранить имущество Космофлота и жизнь людей. Если мне для этого придется пойти на временный союз с чертом, я, к сожалению, пойду на него. Ведь я в отличие от вас не герой.

Доктору в словах Андрея почудилась насмеш-

ка. Никто не любит, чтобы над ним подсмеивались.

— Я не люблю цинизма, — сказал доктор.

— Я не могу вам приказать, — сказал Андрей. — Но я обращаюсь к вашему разуму. Может быть, мой, позорный в ваших глазах, союз с ДрокУ поможет нам обрести некоторую свободу передвижений по кораблю. Мне это очень важно. Мне бы очень не хотелось сидеть взаперти в каюте, как принципиальный индюк, обреченный быть украшением на чужом обеде...

И, увидев, что доктор покраснел от обиды, Андрей быстро добавил:

— Не обижайтесь. Я не имел вас в виду. Я хочу добавить для вашего сведения, что намеревался жениться на девушке по имени ПетриА. Она уроженка Пэ-У. В день нашего вынужденного отлета ее убили. Вот эти люди.

— Кто? — спросил доктор.

— А я взял на себя смертную месть. От имени ее семьи. Есть такой дикий и первобытный обычай...

— Кто ее убил? Пруг?

— Нет, Пруг был у себя... и это сейчас неважно.

ДрокУ вошел, мальчишески улыбаясь.

— Друзья, — сказал он, осторожно прикрывая дверь за собой и начиная играть роль тайного друга, — обстановка тревожная, но не безнадежная.

* * *

Бродяги лежали по краям поля, лежали уже давно, подползали все новые, и, когда они поднялись и побежали, казалось, что из желтой стены пыли поднимаются сонмы оборванных, грязных, дико ревущих фигур.

В этой толпе большинство было и в самом деле бродягами, могильщиками, ворами, нищими, которых купили даровой выпивкой, несколькими монетами. Но организовывали толпу, вели ее и несли взрывчатку агенты стражи. Но одеты все были по-настоящему — в рубища, обшитые ракушками у бродяг, косточками у помойщиков, камешками у могильщиков, осколками стекол у воров и обломками лезвий кинжалов у грабителей.

Солдаты, утомленные бесконечным стоянием на солнце, обалдевшие от зноя, растерялись и опоздали открыть огонь. Один из них упал, застреленный из толпы, остальные побежали к зданию диспетчерской.

С холма ВараЮ было плохо видно, что происходит. Дул ветер, поднятая ветром и сотнями босых ног пыль кружилась над полем.

Ольсену все было видно куда лучше. Он после ночного пожара был почти убежден, что кто-то постарается обязательно уничтожить и эту радиостанцию. Более того, он был уверен, что этот человек — один из тех, кто звонил и сочувственно интересовался, как идет ремонт связи.

Ветер оторвал пластиковый занавес, и сверху были видны быстро приближающиеся фигурки. Солдаты, отстреливаясь, уже подбегали к диспетчерской.

— Врубай аппаратуру! — крикнул Салиандри связисту, который еще что-то поднаивал в схеме.

— Две минуты! — крикнул тот. — Жан, помоги.

Штурман бросился к нему.

Выглянув, Ольсен увидел, как двое солдат встали на колени перед входом в диспетчерскую и прицелились в толпу. Может, кто-то и упал от их выстрелов, глухо прозвучавших над полем и утонувших в воплях бродяг, но это не замедлило общего бега толпы.

Один из пилотов приоткрыл пластик с другой стороны.

— Они уже близко! — крикнул он.

— Наверх! — закричал сверху Ольсен солдатам. — Идите сюда.

Солдаты слышали. Они поняли, что Ольсен прав. Они поднялись и побежали к лестнице. Один из них упал. Потом он приподнялся и пополз к входу. Ольсен метнулся было ниже, чтобы помочь ему, но его удержал Салиандри:

— Не успеете.

Салиандри был прав — толпа уже настигла и поглотила солдата. Остальные солдаты бежали вверх по лестнице.

Салиандри крикнул Жану, который все еще не включил рацию:

— Передашь связь консулу! Я буду на лестнице.

За Салиандри побежали еще трое пилотов. Четвертый остался с Жаном, помогая начать связь.

Рев толпы приблизился и стал так громок, что трудно было говорить. Ольсен еще раз выглянул в окно и не успел увернуться — у самого уха просвистела пуля; стрелял кто-то из задних рядов. Камень, брошенный рыжим вором в серой рубаше, увешанной остриями кинжалов, попал Ольсену в висок, и тот, схватившись руками за голову, начал оседать на пол. Но никто не заметил этого.

В общем грохоте и суматохе каждый старался заниматься своим делом, если можно было считать делом то, что Салиандри подхватил ружье у упавшего на лестнице солдата и стрелял вместе с оставшимися в живых, целясь по ногам. Солдаты не раздумывали о том, куда целиться, — они были напуганы, но понимали, что, если они сдадутся, их тут же растерзают.

Гул возрастал — нападающие поддерживали пыл, распаляя себя проклятиями в адрес трусливых крыс, но движение застопорилось, тем более что солдаты припили в себя и их выстрелы стали куда точнее. Да и на узкой лестнице превосходство в числе пропало.

С холма ВараЮ видел, как кольцо людей стягивалось к диспетчерской. Вот оно слилось с башней и начало втягиваться внутрь. Он успокоился. Все шло по плану. Главное — не только разрушить связь, но и убедить всех, что нападение — дело городских преступных кланов. Пускай кое-кто и заподозрит, что именно он стоял за этим нападением, но нужны более веские обвинения, чем подозрения в связях с преступниками.

ВараЮ ждал взрыва. Он не спешил. Если не удастся со взрывом, бродяги должны разнести в щепки аппаратуру. Земных пилотов он не приказывал убивать. Но и не приказывал падать их. Ему было все равно.

— Есть связи! — закричал Жан, отрываясь от передатчика. Ему хотелось, чтобы Ольсен скорее связался с «Вацнусом», потому что он опоздал к первому бою и боялся пропустить второй.

И тут Жан увидел, что толстенный пожилой консул, у которого ночью сгорел дом, лежит на полу, скорчившись, прижав к голове руки, а сквозь пальцы льется кровь.

— Держи связи! — крикнул Жан своему помощнику и бросился к консулу.

Он постарался оторвать его пальцы от головы, но тот сопротивлялся.

— Вы живы? Да отвечайте же, вы живы?

— Скажи ему... — Ольсену казалось, что он кричит, а он говорил чуть слышно. — Скажи ему: планета Ар-А. «Шквал» на Ар-А. Он поймет...

Жан понял, чего хочет консул. Он метнулся обратно к радию.

— Работает! — крикнул ему напарник.

Жан схватил микрофон.

— «Вадиус», вы меня слышите? Дайте подтверждение связи!

Он услышал шум схватки у самой двери — головы отступавших пилотов показались на лестнице. Ему некогда было ждать подтверждения связи. Он закричал в микрофон, как будто от силы голоса зависело, поймут ли его:

— «Шквал» на планете Ар-А! «Шквал» на планете Ар-А!

И он повторял эту фразу до тех пор, пока его не сразил выстрел из духовой трубки.

* * *

Капитан «Вадиуса» получил от радиста короткую радиограмму, пришедшую с Пэ-У. Он прочел ее и спросил:

— Связь оборвалась на этой фразе?

— Больше они ничего не передали.

— Спасибо. Мы идем правильно. Вызовите ко мне инженеров, я хочу увеличить скорость.

Скорость было нельзя увеличить — корабль шел на пределе. Дальнейший разгон не предусматривался строгими инструкциями Космофлота. Через час скорость была увеличена еще на тысячу километров в секунду.

* * *

— У меня мало времени, — сказал ДрокУ. — Вернулся вездеход с оружием. Но я могу помочь в одном, хоть это может стоить мне головы, — я могу помочь всем вам бежать с корабля.

— Зачем? — спросил Андрей, улыбаясь не

менее дружелюбно, чем ДрокУ, к великому возмущению доктора, который, чтобы не выдать себя, ушел во внутренний отсек проверить приборы анабиотической ванны, в которой лежал Витас Якубаускас.

— По очень простой причине. Я убежден, что Пруг вас всех убьет. До того, как корабль поднимется вверх.

— Почему вы так решили?

— Я его лучше знаю. — ДрокУ стал серьезен. — На его совести немало смертей, и если мы его не остановим, то трагедия может принять громадные размеры.

— Как мы его остановим? Уйдя с корабля?

— Ни мне, ни вам это не под силу. Мы ничего не сделаем против двух десятков преданных ему охотников. У нас нет шансов. Пруга ждут на Пэ-У. Туда сейчас подходит корабль «Вацис». Охрана и армия мобилизованы. Он будет обезврежен на подлете к планете.

— Откуда у вас такая информация?

— Я слышал переговоры кораблей с Пэ-У.

Это было неправдой, и ДрокУ настороженно взглянул на Андрея, проверяя, пройдет ли ложь. Андрей сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Вряд ли Пруг захочет терять ценных заложников. Но ДрокУ не хочет оставлять на корабле свидетелей, но и не смеет их убить. Уведя с корабля пленников, ДрокУ подстраховывается на случай провала. Он только спасал. Он никого не убивал.

— Глупости, — сказал доктор из-за перегородки. — Брюс может уходить. Я член экипажа. У меня на руках больной.

Он показал на внутреннюю дверь.

— Когда вас убьют, — сказал ДрокУ, — больному будет все равно. Его тоже вряд ли оставят в живых.

— Я все сказал, — отрезал доктор и быстро ушел в госпиталь.

ДрокУ развел руками.

— Я сделал все что мог, — сказал он с искренней печалью в голосе. — Вы тоже остаётесь?

— У каждого свое понимание долга, — ответил Андрей. — Я пойду к себе в каюту.

Они вышли вместе.

ДрокУ был так занят своими мыслями, что даже не обернулся, чтобы проверить, куда идет Андрей.

У двери своей каюты Андрей задержался. Он подождал, пока ДрокУ отойдет подальше, а потом пошел следом. Он поддался непростительному, но непреодолимому любопытству. Ему хотелось поглядеть на добычу Пруга.

* * *

ВараЮ первым увидел пылевую тучу — к космодрому шли боевые машины. Он лишь кинул взгляд в ту сторону. Большая часть его наемного войска уже скрылась в диспетчерской башне, и, значит, бой там кончается. Боевым машинам не успеть. В любом случае бродяги с удовольствием выполнят главную задачу — разнесут вдребезги эту проклятую станцию.

Больше ему здесь нечего делать. И чем дальше он окажется от космодрома, когда им овладеют солдаты, тем спокойнее. Тем более что формально в данный момент ВараЮ играет в мяч в доме высокопоставленного торговца, человека вне подозрений. Двойник ВараЮ, замещавший его на время отсутствия, был подобран достаточно точно, чтобы обмануть случайного наблюдателя.

ВараЮ приказал водителю ехать к городу. Но

машина еще не успела тронуться, как ВараЮ, оглянувшись, замер. Этого он не ожидал. Три вертолета подлетали на бреющем полете к диспетчерской. Это были армейские машины. Впервые, ВараЮ не ожидал, что их перегонят с армейской базы в трехстах километрах от столицы. И если Его Могущество приказал поднять машины еще утром, значит, он догадывался или даже знал о нападении на диспетчерскую.

Машина уже съехала с холма, отделившего ее от космодрома, и ВараЮ не видел, как десантники спрыгивали на крышу диспетчерской и перекрывали выходы из нее.

ВараЮ велел гнать к своему убежищу. Алиби с мячом в этой ситуации могло оказаться наивным.

* * *

Десантники успели ворваться в диспетчерскую как раз в тот момент, когда толпа бродяг одолевала последних защитников и бросилась с буйным возбуждением громить станцию. Это, возможно, и спасло пилотов и солдат, по крайней мере отсрочило их гибель настолько, что десантники смогли достичь диспетчерской и отвлечь бродяг и агентов ВараЮ.

Ольсен, сжавшийся в углу и пытавшийся стереть с глаз кровь, лившуюся из разрезанного лба, воспринял это как продолжение кошмара. Десантники были одеты в ярко-оранжевые камзолы, синие короткие юбки и высокие белые сапоги. Поверх камзолов были натянуты золотые кирасы, а остроконечные каски имели небольшие забрала, закрывающие лишь лоб и глаза. И когда они чертями, рыцарями, шутами полезли одновременно со всех сторон, Ольсен, забыв о том,

что к груди его буквально приставлен нож грабителя, закричал:

— «Слава клану РасеньЮ, приходящему на помощь тем, кто терпит притеснение!» — что было точной цитатой из старинного сказания «РасеньЮ и демоны жадности».

Понятие плена еще не привилось на планете Пэ-У. Об этом отлично знали и бродяги, которые значительно превосходили числом десантников. И отчаянно дрались, хотя и понимали свою обреченность. Более сообразительными были агенты ВараЮ, которые в суматохе постарались скрыться, но в большинстве скрыться не смогли, потому что, выбегая из диспетчерской, они попадали под огонь боевых машин.

Станция была вновь разрушена. Двое пилотов ранены, причем Салиандри тяжело. Рана Ольсена оказалась легкой. И Елена Казимировна сама, не доверяя местным врачам, ее промыла и обработала.

Андрей остановился в воротах грузового отсека, где разгружали большой вездеход. Он почти не тайлся — было не до него. Наступил миг свершения. Оружие гигантов, с помощью которого можно достичь славы и власти, было не только найдено, но и захвачено.

Пруг пришел туда как раз перед Андреем. Он подошел к самой машине, к распахнутому грузовому люку. Воины вытащили оттуда первую бомбу. Из черного металла короткий кургузый цилиндр на низкой тележке. Воины вытаскивали сокровища осторожно, причем Андрей внутренне улыбнулся, обратив внимание на то, как произошло естественное деление на причастных и случайных. Те, что остались на

корабле и не участвовали в походе к арсеналу, как бы отступили на второй план. Им даже не дали помочь в выгрузке, словно новое тайнственное Знание принадлежало лишь участникам похода. Даже ВосеньУ, который никогда прежде не отличался смелостью в присутствии Пруга, на этот раз громче обычного распоряжался, подгоняя воинов, и был похож на торговца, который прибыл из дальних краев.

Андрей и сам, не отрываясь, глядел, как на пол перед вездеходом выкладываются трофеи. Там было две бомбы. Три пулемета либо схожих с пулеметами предметов. Большая труба, возможно, миномет. Несколько ящиков с патронами. Пистолеты, ружья. Две кассеты со снарядами, но неизвестно, каким образом эти снаряды пускать в действие. И еще множество вещей, явно военного, но непонятного назначения.

Победители стояли широким полукругом, обзревая сокровище, которое даст им власть над планетой. Горцы показались вдруг похожими на стаю обезьян, ограбивших библиотеку.

Андрей незаметно ушел. И, пока готовились к отлету, сломал замок своей каюты. Он надеялся, что в суматохе отлета никто не вспомнит о нем. Но не хотел рисковать.

* * *

Археологи потеряли много времени, потому что амляк был жив, но тяжело ранен. Эльза отказалась оставить его на верную смерть, а мужчины не могли бросить ее без охраны, раз рядом таился убийца.

Пока Эльза с помощью Фотия пыталась спасти амляка, Браун и Львин поднялись на развалины, но никаких следов убийцы не нашли.

Потом из развалин вылезли другие амляки.

Они сели в кружок и тихо скулили. Они знали, что их сородич умрет.

Амляк умер. Эльза ничем не смогла ему помочь.

Именно поэтому, когда археологи подъезжали к кораблю, он вдруг начал медленно расти, как гриб, поднимающийся из земли. Движение его ускорилося. Он взлетал.

— Что же теперь делать? — спросил Фотий ван Кун. — Мы же хотели их задержать.

— Сначала надо будет привести в порядок нашу станцию. А это нелегко сделать, — сказал рассудительный Львин.

— А потом, — добавил Тимофей, — мы будем работать, как обычно, и ждать вестей.

Они стояли, глядя в небо. Корабль был красив, он был воплощением человеческого умения и таланта. Но летел он для того, чтобы убивать.

Где-то далеко завывли волки. Они вышли на вечернюю охоту.

* * *

КрайЮ вылез из кустов, когда убедился, что археологи ушли. Он был уверен, что его младший брат обязательно придет за ним, чтобы позвать обратно на корабль, но, когда надвинулся вечер, у него появилось подозрение, что о нем забыли. Он всей шкурой ощущал, что его забыли. Он несколько раз вызывал корабль, но ему не отвечали.

Предвечерний город был настороженно тих. КрайЮ хорошо ориентировался и представлял себе, в какой стороне корабль. И он пошел туда быстрыми, мерными шагами охотника. Он шел так, чтобы оставить в стороне станцию археологов, и из-за этого ему пришлось переплыть реку и потом углубиться в лес. Там его и

почуяли волки, которые проснулись и собирались в стаю для ночной охоты.

КрайЮ заметил их, когда пробирался сквозь лес. Он побежал. На поляне он оглянулся и понял, что если он не успеет добежать до корабля, то они его растерзают. Это были сильные звери, таких не было на Пэ-У.

Волки настигли его у опушки леса, и КрайЮ убил одного из них кинжалом. Пока волки терзали мертвого собрата, он снова оторвался от них. Они настигли его снова в полукилометре от корабля. Когда он истратил последнюю стрелку, он увидел, как корабль поднимается в небо. И он понял, что остался совершенно один и ему придется скоро умереть. Но он еще сражался. Он был живуч и крепок.

Он повернулся к станции археологов, надеясь укрыться там.

Он бежал, проклиная корабль, Пруга, ВосеньУ — всех, кто оставил его. Он проклинал даже своего любимого брата, который не вернулся за ним, совершив тем страшное преступление против кровного единства. Он не знал, что его младший брат мертв.

Волки настигли его вновь, и он убил еще одного. Но был ранен и стал слабеть.

Наконец волки накинулись на него всей стаей. КрайЮ дрался с ними руками, зубами — он сражался, даже когда любой другой человек упал бы от ран и умер. И он закричал только перед самой смертью, когда они повалили его на землю.

* * *

Подъем совершался на пределе возможностей «Шквала» — по максимальной программе. В какой-то момент Андрей даже подумал, как

глупо будет погибнуть из-за того, что ВосеньУ плохо учился.

Андрей выбрался в коридор и достиг узла связи именно в тот момент, когда силы окончательно оставили его. Он чуть не рассчитал и вышел слишком рано.

Добравшись до кресла, он опустился в него и стал считать до ста, чтобы восстановить способность думать. Он надеялся, что никто еще не пришел в себя настолько, чтобы ему помешать. Медленное движение руки, чтобы включить передатчик. Второе — приемник. Стало куда легче. Первая стадия разгона завершена. «Шквал» корректирует орбиту. ДрокУ занят на мостике. Прут еще недееспособен. ВосеньУ нечего делать в узле связи... Андрей утешал себя. От успеха его начинания сейчас могло очень многое зависеть.

Включилась автоматика вызова.

— «Шквал», — твердил «Вадиус», — «Шквал», вас вызывает «Вадиус»...

Автомат повторял эти слова уже третий день.

Теперь настройка. Он не помнил позывных «Вадиуса». Когда-то он знал наизусть все частоты грависвязи, все позывные кораблей Космофлота. Позывные меняли редко... Пальцы его сами выбрали код. Включили передатчик. Теперь приемник. Нет, он настроен на чужую станцию — только статика. Может, это станция ВараЮ, но сейчас он нас не интересуется.

Первым ожил приемник. Механическим голосом автоматического вызова: «Корабль Космофлота «Шквал». Вас вызывает «Вадиус». Корабль Космофлота...»

Затем с запозданием на полторы секунды загорелся индикатор передатчика.

Мгновенность распространения гравитационных волн во Вселенной не безусловна. Запоздания в распространении связаны с кривизной

пространства, и на значительных расстояниях эта связь может стать ненадежной. Но «Вацнус» был очень близко, даже не в галактических масштабах.

— «Вацнус», — заговорил Андрей, склонившись к сетке микрофона, — вызывает «Шквал». Вы меня слышите?

— Я вас отлично слышу! — раздался голос, и в тот же момент спиной Андрей почувствовал движение воздуха — кто-то входил в рубку.

— Запомните! — Андрей почти крикнул, потому что всей спиной, всем телом напрягся в ожидании удара кинжалом. — Не высаживайтесь на «Шквал»!

Крепкая, вся в кольцах рука ДрокУ нажала на клавишу, прервав связь.

ДрокУ был бледен — видно, перегрузки ему тоже обошлись нелегко. Он рванул на себя кресло, и то повернулось так, что Андрей оказался спиной к пульта и лицом к ДрокУ.

— Почему вы оборвали связь? — Андрей постарался подняться, но у ДрокУ было преимущество — он стоял. Коротким ударом по плечу он заставил Андрея остаться в кресле.

— Мы же договорились, — сказал он, — что согласовываем наши действия. Вы можете все погубить.

— Я не уверен, что мы с вами союзники.

— Если бы я был врагом, я бы убил вас минуту назад. Никто бы вас не пожалел. Достаточно мне сказать Пругу, что вы старались связаться с «Вацнусом», и вас не существует.

Хорошо, подумал Андрей, мы не хотим разоблачения, хоть и подозреваем неладное.

— Тогда объясните.

— Вы вышли из каюты без разрешения, пользуясь моим покровительством, — сказал ДрокУ. — И решили поставить под угрозу все предприятие.

Я же говорил вам: на Пэ-У нас ждут. Ничего не выйдет у Пруга. Ничего. Ваше дело — сидеть и молчать. А не вызывать смерть на себя. Ваше счастье, что появился я, а не Пруг.

Андрей чуть отклонился назад, чтобы прыгнуть. Но в последний момент его взгляд упал на приоткрытую дверь — в ней стоял воин, недвусмысленно направив на Андрея духовую трубку. Воин не понимал разговора, но знал свое дело.

— Что вы успели сказать «Вациусу»? — спросил ДрокУ.

— Вы же слышали — ничего. Вы не дали...

— Когда я вошел, вы были на связи и успели сказать несколько слов на непонятном языке.

— На их языке, — сказал Андрей. — Я сказал, что выхожу на связь, — жест вежливости. Я стажировался на их корабле.

— Хорошо, — сказал ДрокУ. Он явно спешил. — Постараюсь поверить, что вы не успели ничего напортить. И прошу в будущем не мешать. Это наша задача — обезвредить преступников. Ясно? Если я увижу вас еще за тайными интригами, я вас не пожалею. И клянусь, что всегда смогу объяснить вашу смерть случайными причинами.

Андрей ушел без спора. И настолько быстро пошел по коридору, хоть перегрузки еще были двойными, что воин не смог за ним поспеть и прикрикнул, чтобы он не убегал.

Андрей спокойно открыл дверь в медпункт и вошел туда так, словно он там и живет. Его расчет был правильным — войны уже запутались, куда надо загонять этих беспокойных пленников.

Доктор уже поднялся с кресла и возился в заднем помещении, проверял, все ли в порядке у Витаса.

— Что нового? — спросил доктор. — Вы были у Пруга?

— Я пытался связаться с «Вациусом», — сказал Андрей, включая интерком. ДрокУ сидел в кресле, вызывая Пэ-У, но ему не отвечали.

— Зачем? — спросил доктор.

— Чтобы предупредить их. Чтобы они не сближались с нами.

— Мне ваше поведение иногда кажется буквально загадочным, — сказал доктор.

— Вы забыли о том, что отлично знаете. «Вациус» — невооруженный гражданский лайнер. Команда его — совершенно штатский народ, никогда не принимавший участия в племенных войнах. Вы хотите, чтобы их просто перебили? ДрокУ и Пругу этого очень хочется. Еще бы, захватить сразу два корабля гражданской авиации — это больше чем успех.

— Но если их не остановить... там бомбы и другое оружие...

— Давайте не думать о бомбах в грузовом отсеке. Мне кажется, что главную опасность они представляют для нас с вами. Планета Пэ-У не пострадает.

* * *

На «Вациусе» приняли две гравиграммы, которые кое-что прояснили, а кое-что запутали. А капитан «Вациуса» не выносил неясности.

Одна гравиграмма пришла с космодрома на Пэ-У. Прием был ненадежный, напряжение поля все время колебалось, словно станция была плохо настроена.

Гравиграмма сообщала лишь о том, что «Шквал» ушел к Ар-А. После этого связь оборвалась. Но так как эта гравиграмма только

подтверждала то, о чем догадался сам капитан, то он отложил ее в сторону.

Вторая гравиграмма пришла вскоре после первой. Она была куда более загадочной. Ее источником оказался корабль «Шквал», находящийся, как известно, в руках пиратов. Она почему-то предупреждала, причем, что самое фантастическое, на языке капитана, чтобы он ни в коем случае не высаживался на «Шквале».

Но для целей капитана «Вацуса» вторая гравиграмма была куда более интересной и многообещающей. Она позволила запеленговать «Шквал» и убедиться в том, что корабль поднялся с планеты Ар-А и взял курс на Пэ-У. Если цель его — как можно скорее добраться до Пэ-У, а шел он по оптимальной траектории и на пределе скорости, то можно высчитать с точностью до секунды, где и когда можно будет его перехватить. Эта точка была высчитана компьютером и сообщена капитану через шестнадцать секунд после связи Андрея с кораблем. И капитан смог сообщить по интеркому своему экипажу, который в нетерпении ждал вестей, что через час двадцать минут плененный корабль «Шквал» будет в пределах прямой видимости.

Капитан «Вацуса» объявил на корабле тревогу. Он никак не мог понять, кто и почему хотел связаться с ним со «Шквала». Те, кто захватил корабль, хранили молчание и на постоянный вызов не отвечали. Поэтому вернее предположить, что в радиорубку проник кто-то из экипажа, а если так, то обрыв связи означал, что его застали в рубке. Поэтому капитан предпринял следующие действия:

приказал развернуть лазарет и направил к доктору корабля двух помощников;

приказал на камбузе приготовить диетический

обед на двенадцать человек — во столько он оценивал число членов экипажа «Шквала»;

велел — он был предусмотрителен — очистить две большие каюты и соорудить на них внешние запоры, чтобы использовать их для изоляции бандитов, захвативших корабль;

собрал своих помощников, чтобы выяснить, что делать в случае, если бандиты будут сопротивляться.

Гражданские пилоты Вселенной — народ бродячий, и их работа не только связана с постоянными и длительными отлучками, но и с постоянной опасностью, которая неочевидна для пассажиров или случайных людей. Но, поднимаясь в космос, каждый пилот знает, что его корабль не более чем маковое зернышко в океане.

Вот эта оторванность от остального человечества, оторванность чисто физическая, рождает ощущение тесного братства между пилотами. Вряд ли найдется в Галактике категория людей, столь внимательно следящая за прочими членами содружества. Не так уж много лайнеров в Космофлоте, но все же их более ста. Многие космонавты знакомы между собой, у них излюбленные точки рандеву, свой фольклор и даже свои сплетни. И очень трудно проникнуть в этот мир пришельцу со стороны — сначала он должен пройти не один рейс звездными трассами.

Зато если кто-то из пилотов Космофлота попадает в беду, то на помощь ему сразу же придут все его братья — все, кто в состоянии это сделать. Далеко не всегда это возможно — катастрофы в космосе чаще всего мгновенны и никого не оставляют в живых. Но бывают и исключения.

Ведь когда четыре года назад такая беда случилась с кораблем капитана Андрея Брюса, то он остался жив только потому, что корабль «Восток» под командой Витаса Якубаускаса, при-

няв сигнал бедствия, смог прийти туда ровно за два часа до того срока, который был рассчитан компьютером, и за двадцать минут до того, когда было бы поздно.

Неудивительно, что в минуты, когда «Вацкус» подходил к точке randevu со «Шквалом», радиотсек буквально гремел вопросами, советами и предложениями помощи. Тем более что на «Шквале» оказались сразу два известных всем капитана — Брюс и Якубаускас.

* * *

ДрокУ сидел в кресле пилота. ВосеньУ в соседнем кресле. Они молчали. Потом ВосеньУ спросил:

— Можно я задам вам вопрос?

— Да.

— Если мы прилетим и все будет в порядке, как мы кинем бомбу?

— Откроем люк и кинем, — ответил ДрокУ быстро.

— А если она не взорвется?

— Важно, чтобы все знали, что у нас бомба.

— А если не взорвется?

— Значит, кинем вторую, — сказал ДрокУ.

Они снова замолчали.

* * *

Боль возникла вдруг — боль от образа: Петриа лежит на диване и ее волосы касаются пола. Он так явственно увидел это, что зажмурился от боли и от стыда перед Петриа, потому что он мог забыть о ней.

На корабле ее убийца. И не так важно, кто из них убил. Просто для них это убийство — маленький эпизод, о котором они завтра не

вспомнят, если не будут бояться мести. И погибли другие люди, которые ни в чем не провинились перед ними, но невольно им помешали.

Власть — это убийство людей ради того, чтобы получить безнаказанную возможность убивать дальше. Власть ради власти. Потому что никто из них не съест больше трех обедов и не наденет на себя больше трех одежд. Пруг лишь игрушка в руках спокойного, улыбчивого ДрокУ...

Неожиданно зазвучал зуммер. Включился экран интеркома. На нем было лицо ДрокУ.

— Если вам интересно, — сказал он, — то в пределах видимости появился корабль Космофлота. Каталог Сомова информирует, что корабль именуется «Вацнус».

— Значит, все кончено?

— Сидите и ждите... Я сообщу.

* * *

Пруг прошел на мостик через три минуты.

Выглядел он плохо, видно, не оправился от перегрузок. А может, после вчерашних эскапад.

Он долго смотрел на экран. Потом спросил:

— А что за корабль? Патрульный крейсер?

— Нет, — сказал ДрокУ. — Это корабль Космофлота, называется «Вацнус», гражданский лайнер. Скорость его ниже нашей.

— Мы можем уйти?

— Да, если сейчас изменим курс, то придем к Пэ-У раньше него. Компьютер уже рассчитывает новый курс.

Зажужжал компьютер, сообщая данные о новом курсе.

— На нем нет вооружения, — сказал Пруг. — Он лезет нам в руки.

— Да, — согласился ДрокУ.

— Глупцы, — усмехнулся Пруг. — Они не знают, с кем имеют дело.

— Снижаем скорость, — сказал ДрокУ. — И передаем сигнал бедствия. Хорошо, что мы готовы к такой возможности.

— В коридорах мы сильнее. И учти: Пруг Брендийский еще никогда ни от кого не бегал... ВосеньУ, ты останешься здесь подавать сигнал и следи очень внимательно, как они будут с нами сближаться. Как только они спустят с борта свой маленький корабль, сообщишь мне. Я буду готовить встречу. ДрокУ пойдет со мной. Как только все будет готово, я вернусь сюда.

Пруг был великолепен. Он широко двигал руками, и золотая тесьма на его плаще сверкала под лампами мостика. Щеки покраснели. Он помолодел. Он был воином, коварным, но отважным. И он шел в бой.

Пруг подтолкнул ДрокУ вперед, и тот первым вышел в коридор.

— Да, — сказал Пруг, вспомнив, — а где ДрейЮ?

— В каюте, — сказал ДрокУ. — Я проверял.

— Пошли воина, чтобы его привели ко мне, когда корабль будет совсем близко. Если на «Вацнусе» будут сомневаться, заставим ДрейЮ позвать их на помощь.

Андрей остановился у небольшой двери в скафандровую. Некоторое время он стоял неподвижно, разглядывая скафандры и пытаясь себя уговорить, что это только скафандры, самые обыкновенные скафандры, и ничего более, что это не палачи — не то, страшное, до чего он никогда в жизни не сможет дотронуться.

А там, снаружи, уже снижает скорость «Ва-

диус», и его капитан уже приказал спустить планетарный катер.

И пилоты — среди них может быть кто-нибудь из его знакомых — уже готовятся к переходу на «Шквал». Они, вернее всего, осторожны, но ни один из них не сталкивался с первобытными охотниками из Брендийского клана и не встречал наследника Брендийского весом в сто двадцать килограммов с нутром дикого кабана.

Андрей выбрал скафандр по росту и автоматически проверил, все ли на месте. Он пытался убедить себя в том, что надевает скафандр на всякий случай, на минутку, а потом снимет снова.

Скафандр привычно раскрылся, пуская в себя Андрея. Как гусеница в коконе. Теперь можно сделать шаг. Андрей не мог заставить себя сделать этот шаг, знал, что за первым шагом он обязательно сделает следующий. Никуда тут не деться.

Ему показалось, что до него донесся стук — может, кто-то заметил, как он входил в скафандровую? Времени на размышления и переживания не осталось. В конце концов сотни космонавтов выходили наружу...

Андрей опустил забрало плема, проверил, как поступает воздух. Затем быстро поднялся по трапу, прикрепленному к стене. Откинул служебный люк. И оказался в узком пространстве между оболочками корабля. Сюда нельзя по инструкции выходить без скафандра, так как, хоть контролирующие приборы сразу же подняли бы трезвон, здесь может быть утечка воздуха.

Пока Андрей, согнувшись, шел между оболочками, он все еще мог себя утешать, что и не собирается выйти наружу. До тех пор, пока не дошел до внешнего люка.

Люк скрывался за небольшим переходником.

Им можно пользоваться лишь в экстренных случаях — для внешних ремонтов.

Андрей втиснулся в переходник. Переходник был знаком. Он ему снился уже четыре года.

Андрей закрыл за собой внутренний люк и замер. И понял, что ни за что на свете не сможет открыть внешний люк...

* * *

Четыре года и четыре месяца назад Андрей Брюс, один из самых молодых и известных капитанов Космофлота, на «Орионе» крейсировал возле планетки со странным прозвищем Кастрюля. Кто-то так называл ее, вот и прижилось. Кастрюля была скопищем вулканов — плюющих, льющих, фыркающих... На орбитальной станции работали вулканологи и спускались отсюда для наблюдений и промеров.

Орбита была рассчитана верно, ничего не могло случиться, но случилось. Выброс газов с планеты достиг станции, потому что втрое превзошел допустимые величины, повредил двигатели станции, несколько человек из работавших на планете погибли — в общем, случилась беда.

«Орион» изменил курс, чтобы снять со станции вулканологов. Эвакуация прошла трудно, но закончилась благополучно. Правда, повредило внешние антенны.

В полете пришлось ремонтировать внешнюю обшивку и антенны. Капитану можно этим не заниматься, и никто от него не ждет такой работы, но народу на борту было немного, все были заняты вулканологами, среди которых было немало раненых и обожженных. Так что нет ничего удивительного, что ремонтом занимался и капитан.

Он работал вместе с механиком Браком. Они

были снаружи примерно час, а потом механик Брак начал подавать сигналы бедствия. Сигналы проходили плохо, их не сразу приняли. Брак сообщил, что страховочный трос капитана лопнул по неизвестной причине и того выбросило в бездну.

Если бы Брак был внимательней, ничего бы страшного не произошло — человек превратился бы в спутник корабля и далеко бы не отлетел. Ну, напугался бы, а потом бы его вернули домой.

На этот раз получилось так, что, когда трос лопнул, Андрея отбросило от корабля и он получил собственную скорость. Брак же потерял его из вида, даже не помнил направления движения капитана.

Корабль погасил скорость и начал маневрировать, стараясь найти капитана. Но размеры человеческого тела настолько ничтожно малы, что уже за несколько тысяч километров человек не регистрируется даже самыми чуткими приборами. А Андрей падал в бездну.

Он падал в бездну шестьдесят три часа. Он несколько раз умер, он пролетел невероятное количество километров и миров.

Шесть кораблей Космофлота и патрульный крейсер, — к счастью, это случилось на оживленной трассе, — искали его все эти шестьдесят три часа. И нашел его Витас Якубаускас.

Это была и счастливая случайность, и результат умения работать с компьютерами.

Когда Андрея подняли на борт, он был без сознания, он пришел в себя лишь на базе, через много дней, и долго не верил, что жив. Потому что слишком медленно и наверняка умирал.

После выздоровления медики поняли, что травма настолько глубока, что Андрей уже никогда не сможет выйти в открытый космос. Даже

на Земле он избегал выходить ночью, когда светили звезды.

Психически неполноценный человек не имеет права командовать кораблем и отвечать за жизнь других людей. Андрею предложили наземную работу. Он предпочел уехать из Галактического центра, ему не хотелось встречать бывших коллег, потому что он осуждал себя за этот синдром, считал его чем-то постыдным.

Именно поэтому, уже надев скафандр, потому что не мог его не надеть, он замер в переходнике, всем своим существом понимая, что не сможет заставить себя выйти наружу.

Он сосчитал до пятидесяти, потом еще до пятидесяти. Потом он подумал: «Если я сейчас выйду туда, где только звезды и пустота, я умру от страха. От позорного лишнего страха, который неведом ни одному человеку в Галактике, потому что никто, как я, не умирал в ней.

Но если я не выйду, то из-за меня погибнут другие люди. И это хуже, чем смерть. Поэтому у меня нет выхода».

И он открыл люк онемевшей рукой, как будто нажимал на курок пистолета, поднесенного к виску. Потом крепко схватился за скобы на корпусе корабля и по пояс выбрался наружу. Он не смотрел вверх, а только вперед, на покату ю китовую спину корабля.

Ему предстоял длинный путь. Ему надо было добраться по скобам до внешней антенны, которая контролировала подходы к кораблю и пространство вокруг люка, а затем и до люка, причем на втором участке скоб не было.

Андрей — автоматизм, глубоко укоренившийся в его мозгу, не отказал — прикрепил к краю люка страховочный конец, его должно хватить, и пополз по скобам, не отпуская руки, пока не

схватился за следующую скобу. Близко, у самых глаз, плыл металл корпуса.

Его никто не видел, потому что Пруг, который готовил засаду, еще не вернулся на мостик, ДрокУ был с ним, а ВосеньУ не включал внешний обзор. Он смотрел только на главный экран, на котором медленно вырастал «Вадиус». Он увидел, прежде чем вернулся Пруг, как в боку корабля открылся люк и из него медленно выполз планетарный катер. До корабля было более тридцати километров, но на экране казалось, что это происходит совсем рядом.

Поэтому Андрей незамеченным добрался до антенны — небольшой выпуклости в корпусе корабля, прикрытой сверху прозрачной керамической крышкой. Он свинтил крышку и молотком, который был приторочен к ремонтному скафандру, одним сильным ударом разбил принимающее устройство.

Как раз в это мгновение вошедший обратно на мостик ДрокУ обругал зачарованно глядевшего на катер ВосеньУ и включил антенну ближнего вида. На секунду на экране сверкнули звезды, и тут же экран погас.

— Этого еще не хватало! — сказал ДрокУ.

Он нажимал на клавиши, стараясь понять, что случилось, потом запросил компьютер, и компьютер сообщил, что антенна разбита.

А в эти секунды Андрей уже полз к входному люку. Здесь скоб не было, и Андрей понимал, что в любой момент его может отнести от корабля, особенно если они решат совершить маневр. На полпути к люку он замер, потому что сердце колотилось со скоростью двести ударов в минуту, и Андрей понял, что он — первый трус во Вселенной. В наказание он заставил себя поднять голову. И к собственному удивлению увидел плывущий неподалеку, царственно могучий и сверкающий

точками прожекторов, которые включили, чтобы осветить «Шквал», корабль Космофлота «Вапиус». В лучах прожекторов к входному люку медленно спускался планетарный катер.

Планетарный катер был уже буквально в нескольких десятках метров от «Шквала», и Андрей поспешил к нему, чтобы успеть предупредить пилотов о том, что им грозит.

Резкое движение оторвало его от обшивки и понесло вверх. И все началось снова... вся смерть... все шестьдесят три часа...

В этот момент его заметили с катера, и капитан «Вапиуса», еще не зная, что означает появление человека на обшивке «Шквала», приказал двум пилотам встретить этого человека.

Что-то дернуло Андрея. И он пришел в себя. И даже понял, что это — страховочный трос.

Открытый люк планетарного катера был совсем близко, и оттуда вылетали люди в скафандрах высокой защиты с реактивными двигателями. Двое из них полетели к Андрею.

Один из них, штурман с «Вапиуса», сразу узнал Андрея. И сначала даже не удивился, потому что забыл в этой суматохе, почему Андрея списали с корабля.

Андрей тоже узнал его. Он включил микрофон и сказал:

— Подождите входить. Там засада.

Он говорил совершенно спокойным голосом, как будто всегда встречал гостей на обшивке корабля.

Капитан «Вапиуса», следивший из катера, тоже узнал Андрея.

— Андрей Брюс? Ты почему здесь?

— Они подготовили засаду, — сказал Андрей.

Он непроизвольно держался рукой за рукав скафандра штурмана с «Вапиуса». Он снова начал бояться. Нельзя было глядеть на звезды,

надо смотреть вниз, на твердую и надежную поверхность корабля.

— Какая засада?

— Они не видят нас, я сбил внешнюю антенну близкого обзора, но они ждут за переходником, чтобы перебить вас поодиночке, как будете входить. У них топоры и бластеры.

— А как остальные? Где остальные? — спросил капитан. — Раненых нет?

— Здесь еще доктор Геза и Витас Якубаускас. Он ранен. Тяжело.

— А остальные?

— Некоторые остались на Пэ-У. Висконти погиб.

— Его убили? — Андрей не узнал голоса. Спрашивал кто-то из тех, кто был в планетарном катере. Все слушали этот разговор.

— И хотят убить вас. Вы не понимаете, что это за существа. Это другой мир.

— Тогда не будем терять времени даром. Я начинаю высадку, — сказал капитан «Вацуса».

— Вы меня не поняли?

— Андрей, — сказал капитан, — мой десант в кремниевых скафандрах высокой защиты. Мы тоже думали. Никто не снимет скафандров. Понял? Ты пробовал выстрелить в него из бластера? Или ударить топором?

— А у вас есть оружие? — спросил Андрей.

— С оружием все в порядке, — сказал капитан. — У нас на борту была группа охотников. Туристы. Мы конфисковали анестезирующие пистолеты. Вают дракона. Переходи к нам на борт, Андрей, — сказал капитан. — Будем проситься в гости.

Андрей перешел на планетарный катер.

Штурман с «Вацуса», его старый знакомый, крепко взял его под руку. Второй космонавт отстегнул страховочный трос. Они резко подхва-

тили Андрея, и он в мгновение оказался в открытом люке планетарного катера. Только потом, восстановив в памяти события того часа, он понял, что все помнили о его болезни. И штурман, и капитан, который вышел к люку, чтобы подхватить его.

И когда люк был закрыт, Андрей поздоровался с десантом с «Вацуса» — они сидели в креслах одинаковые, словно статуи, в тяжелых скафандрах. Одинаковые племь повернулись к нему. Капитан указал на пустое кресло рядом со своим.

Через пять минут катер двинулся вновь и, коснувшись корабля, дал сигнал прибытия.

Откроют ли? Или испугались?

Люк отошел в сторону, и магнитные захваты втянули планетарный катер внутрь «Шквала».

Шлюзовая была пуста.

— Приготовиться, — сказал капитан, следя за приборами. В шлюзовую поступал воздух. Давление уравнилось.

Рядом стоял катер со «Шквала».

— Где же они? — спросил капитан.

— Я думаю, они ждут в коридоре за выходом. Так им кажется удобнее — они хотят вас встретить в узком месте.

Люк катера раскрылся, и капитан первым выскочил в зал.

— Принимайте гостей, — сказал он.

Тишина.

Один за другим пилоты с «Вацуса» выпрыгивали на упругий пол.

Капитан первым пошел к двери, ведущей внутрь корабля. Дверь открылась навстречу ему. Он вошел, держа в руке анестезатор.

И в этот момент по скафандру ударили сразу пять или шесть отравленных стрел. Они лома-

лись и оставляли на скафандре темные пятна яда. Сверкнул луч бластера.

Капитан продолжал идти вперед. Теперь он видел воинов.

Выпустив стрелы и разрядив бластеры, они схватились за боевые топоры и с криками бросились на капитана. Пруг бежал в толпе воинов, размахивая своим самым большим на планете топором по имени Костедробитель.

Десантники успели дать залп из анестезаторов, первые воины упали, но остальные успели навалиться, ударяя топорами по плечам и пластику скафандров.

Схватка была неравной — повредить скафандр топор не может.

Суматоха, скопище тел, рычание, крики, грохот заполнили узкий коридор.

Пилоты обладали большими спортивными навыками, чем воины, привыкшие рассчитывать лишь на свое оружие, а анестезаторы действовали безотказно. Число воинов все уменьшалось, а люди в скафандрах медленно теснили их редющую толпу к кают-компани.

Пруг отчаянно махал топором, ему удалось то ли силой удара, то ли массой своего тела свалить с ног двух или трех космонавтов, но в его тушу уже вонзились три анестезирующие иглы, а он продолжал сражаться, и ему казалось, что десантники поддаются его напору.

И рухнул он неожиданно. Во весь рост.

Оставшиеся воины еще продолжали сопротивляться, но в коридоре стало настолько свободнее, что Андрей смог пробиться сквозь схватку и броситься по коридору.

Один из воинов, раскрашенный, как и прочие, боевыми узорами, бежал перед ним. Видно, падение Пруга отняло у него желание сражаться. Спина воина была знакома. Андрей не гнался за

ним — он спешил к медпункту. Убегавший воин обернулся, и Андрей узнал ВосеньУ. Тот тоже узнал Андрея. Сзади утихал шум боя.

ВосеньУ вдруг потерял силы. Он прислонился к стене и смотрел, как Андрей идет к нему. Он вжимался в стену, занеся топорик, как заносит камень слабый мальчик, когда к нему приближается известный во всей школе силач.

Андрей подошел к нему почти вплотную. ВосеньУ ударил его по груди топором. Топор скользнул по пластику скафандра.

— Я хотел спросить тебя, ВосеньУ, — сказал Андрей. — Почему ты убил ПетриА?

ВосеньУ начал сползать по стене — как будто хотел влиться в нее, исчезнуть.

— Я клянусь небом, — заговорил он, — я клянусь жизнью матери, я клянусь самыми страшными муками в черном царстве — я не убивал ПетриА. Я чуть не убил его, когда увидел, что он сделал.

— Кто это был?

ВосеньУ сполз на пол и скорчился у ног Андрея.

— Это был ДрокУ, — сказал ВосеньУ, — это был он. Мы пришли за одеждой, и мы должны были взять с собой справочники. А она пришла и увидела нас. И услышала, как мы говорим. Я сказал ДрокУ: пришла ПетриА, поздоровайся, она у нас работает. Я боялся, что он ее убьет... А он засмеялся и сказал...

Кинжал просвистел в воздухе и вонзился в шею ВосеньУ. Тот захрипел, сползая на пол.

За спиной Андрея стоял ДрокУ. Он подошел совсем близко и улыбнулся. Обычной своей мальчишеской добродушной улыбкой.

— Вот мы и победили, — сказал он. — И ВосеньУ тоже получил по заслугам.

— Зачем ты убил его, ДрокУ? — спросил Андрей. — Чего ты боишься?

— Мой звездный друг, — сказал ДрокУ, — ты можешь сколько угодно говорить о мести. Но так уж вы устроены, что ваши естественные чувства — ненависть, любовь, месть — все это подавлено вашим воспитанием. Ты бы до конца жизни мучился ненавистью к ВосеньУ, но убить, вот так, своими руками убить живого человека ты не можешь. Смелого мужского поступка — мести... ты не совершишь. Поэтому кто-то должен был тебе помочь.

— Я должен тебя задержать, — сказал Андрей.

— Ты — меня? После всего, что я сделал?

— Ты сделал больше, чем говоришь. Ты в самом деле был движущей силой за спиной Пруга. Я знаю об этом и знал раньше. О тебе и твоём покровителе ВараЮ.

ДрокУ совсем не удивился.

— Логично, — сказал он. — Ты должен был догадаться. Или проговорился ВосеньУ. Или ты подслушал...

Говоря так, ДрокУ медленно продвигался вдоль стены, чтобы миновать Андрея.

— Убей меня, — сказал ДрокУ, также глядя в глаза Андрею. — Ты думаешь сейчас, что ВосеньУ, этот слизняк, ни в чем не виноват... — Движение вдоль стены продолжалось. Осталось уже немного, и можно бежать...

Интересно, куда он хочет бежать? Этот коридор сворачивает к складам. Оттуда можно попасть и к ангару, и к хранилищу, где они сложили эти бессмысленные тысячелетние бомбы. Можно спрятаться на складе, среди боеприпасов и, запершись там, шантажировать остальных, покупая себе жизнь. Можно попытаться вывести планетарный катер и полететь

на нем в надежде добраться до укромного места на Пэ-У... Черт знает что у него в голове!

— Даже если я убил, — говорил ДрокУ, — даже если я. Кто ты такой, чтобы брать на себя правосудие? Ты сейчас отпустишь меня и побежишь за своими... Ты переложил на них решение моей проблемы. А знаешь ли ты, звездный пришелец, что наша игра еще не кончена? «Шквал» летит к Пэ-У. ВараЮ ждет нас. Он, а не ты будет править планетой.

ДрокУ рванулся по коридору. Он был куда легче Андрея, он был без скафандра, и, может быть, он успел бы убежать. Но Андрей был готов к этому рывку. Он прыгнул вслед за ДрокУ, схватил на лету его за ноги и повалил. Инерция движения потянула их вдоль коридора еще метра два. ДрокУ отчаянно сопротивлялся, что было бесполезно, так как повредить скафандр он не мог.

Заломив ДрокУ руку за спину и заставив его подняться и стоять согнувшись, Андрей, делая вид, что не слышит проклятий, которыми осыпал его ДрокУ, сказал:

— Пошел. Пошел вперед.

— Куда? — ДрокУ попытался повернуть голову, и Андрей дал ему подзатыльник тяжелой перчаткой.

— Ну! — сказал он.

Его голос изменил тембр в микрофоне шлема и прозвучал глухо.

ДрокУ пошел вперед.

— Послушай, — сказал он, — что ты хочешь делать?

Андрей не отвечал. Они прошли еще немного по коридору. Из-за поворота вышел капитан «Вациуса». За ним доктор.

— Андрей, я так рад, что вы живы! — сказал доктор.

— Он не имеет права так со мной обращаться! Я знаю законы Галактики. Жизнь и свобода каждого человека неприкосновенны, — сказал ДрокУ.

— Не слушайте его, — сказал доктор капитану.

— Я представитель развивающейся цивилизации и требую права на невмешательство. Я нахожусь под охраной закона о невмешательстве.

— Я его не слушаю, — сообщил капитан Андрею. — Но любопытно, что ты намерен с ним сделать?

— Открою люк, — сказал Андрей, — и выкину его в пространство.

— Наверное, ты прав, — сказал капитан. — Ты лучше меня знаешь, что это такое. В скафандре или без скафандра?

— Без скафандра, — сказал Андрей.

— Потом приходи в кают-компанию, — сказал капитан. — Пошли, доктор, осмотрите раненых.

— Стойте! — кричал ДрокУ, извиваясь в железной руке Андрея. — Я умоляю вас именем гуманности! Это ВараЮ приказал мне убить ПетриА. Чтобы подозрение пало на Пруга. Но я отказался!

Голос его стих и оборвался.

Капитан и доктор, не оборачиваясь, скрылись за поворотом коридора.

— Сначала, — сказал Андрей, — ты пройдешь со мной в рубку связи. И поговоришь с ВараЮ.

— Конечно, — быстро ответил ДрокУ, — немедленно, я не спору. Я скажу все, что надо сказать.

— Ты скажешь ему правду.

В рубке связи Андрей отпустил руку ДрокУ, и тот начал растирать ее другой рукой.

Андрей стоял за его спиной. Он вытащил у него из колчана на плече отравленные стрелы. Клейма на них были стерты.

— Вызывай станцию ВараЮ, — сказал он. — И учти, что у меня в руках твоя собственная стрела. Я в любой момент могу оцарапать тебе шею.

— Я согласен на все, понимаешь, на все, — сказал ДрокУ. — Я и не пытаюсь...

Он набрал позывные убежища.

Голос ВараЮ послышался сразу.

— Что у вас? — спросил он. — Я отчаялся. Вы скоро? Вы захватили второй корабль?

— За моей спиной, — сказал ДрокУ, — стоит ДрейЮ, звездный агент. Он приказал мне выйти на связь с тобой, господин.

Наступила длинная пауза. Очень длинная.

— Я понял, — наконец сказал ВараЮ. — Я никогда не верил тебе, ДрокУ. Я знал, что при первой опасности ты перебежишь к сильному.

— Мы сражались, — сказал ДрокУ. — Но они были в скафандрах. ДрейЮ предупредил их.

— Идиоты, — сказал ВараЮ устало. — Не могли уследить за одним человеком.

— Он вышел в космос.

— Вранье, — сказал ВараЮ, — ты, как всегда, врешь, ДрокУ. Я проверял в информатории Галактического центра. ДрейЮ лишен права командовать кораблями, потому что у него болезнь — он не может выйти в космос.

— Он вышел, — сказал ДрокУ.

— Я не буду тратить на тебя слов. Что с Пругом?

ДрокУ обернулся к Андрею.

— Пруг у нас в руках, — сказал Андрей. — Мы привезем его на Пэ-У. Наверное, он расскажет много интересного.

— Расскажет, — ответил ВараЮ. — Ты хо-

чешь у меня что-нибудь спросить, звездный агент?

— Кто убил ПетриА? — спросил Андрей.

— ДрокУ, — ответил ВараЮ.

— По твоему приказанию! — закричал ДрокУ. — Я не хотел!

— Я даже не знал об этом, — ответил ВараЮ. — Он сказал мне об этом потом. Разве это важно?

Андрей не ответил.

— Я кончаю связь, — сказал ВараЮ. — Мое убежище окружено. Я думал, что продержусь до рассвета, но теперь мне не надо этого делать. Мы встретимся с тобой, ДрейЮ, на полях изобилия.

Поля изобилия означали потусторонний мир.

Щелкнула связь. ВараЮ прервал ее.

— Он прав, — сказал ДрокУ. — Дай мне дар сделать это своими руками, как ВараЮ.

Андрей понял, что смертельно устал. Он вывел ДрокУ из рубки связи, открыл дверь в пустую каюту радиста. ДрокУ покорно вошел туда. Андрей кинул на столик отравленную стрелу. Без клейма.

Он поступил совершенно неверно. Наверное, у него ненормально с психикой. Человек галактического века никогда не отнимет жизнь у другого человека, как бы плох он ни был.

Андрей запер дверь и пошел вниз, к кают-компании. В кают-компании на диване лежала громадная туша Пруга. Он безмятежно спал, сраженный иглой анестезирующего пистолета. Доктор расстегнул ему куртку. Доктор вдруг вспомнил, где, при каких обстоятельствах он видел в последний раз Андрея.

— А где этот, ДрокУ? Надеюсь, вы не выполнили своей угрозы?

— Почти выполнил, — сказал Андрей.

На космодроме на Пэ-У их встречали экипаж «Шквала», Ольсен, Его Могущество и много высоких чинов. Ольсен первым делом сказал, что ВараЮ покончил с собой в убежище.

Армейские боевые машины подъехали близко к «Шквалу». Пруг Брендийский первым спустился к машине, и солдаты помогли ему забраться внутрь. Он очень ослаб. Как будто из него выпустили воздух.

На космодроме была и госпожа правительница Брендийская. Она с утра требовала у правительства выдачи ей пасынка. Но ей пока в этом отказали.

Затем в медицинскую повозку перенесли Витаса Якубаускаса. Елена Казимировна и доктор Геза поехали с ним в госпиталь, где их ждали врачи. Там было оборудование, привезенное из Галактического центра.

Вместе с воинами вывели и ДрокУ. Когда после спуска открыли каюту радиста, он спал. Стрелка была изломана на мелкие кусочки.

Андрей поехал вместе с Ольсеном в дом для приезжих. Ему не хотелось ехать в собственный дом. Там бы все напоминало о ПетриА.

Ночью ему захотелось испытать себя. Впервые за много лет он вышел один и посмотрел на звездное небо. Небо было глубоким, зовущим, но не пугающим. Андрей уже знал, что он вернется в космос.

А утром Нильс Ольсен сказал ему, что ДрокУ убит в тюрьме. Убийцу задержали. Он оказался из клана Кам ПетриА — двоюродным братом ПетриА. Андрею никогда не приходилось его видеть.

ПОДЗЕМЕЛЪЕ ВЕДЪМ

Поздно вечером с корабля «Гранат», который находился на орбите, заметили большой пожар. Пожар бушевал в степи, где располагалась исследовательская станция. В тот момент на станции было семь сотрудников и один гость — Андрей Брюс. Брюс отправился на планету на корабельном катере, чтобы отвезти почту и оборудование для станции, забрать образцы и заболевшего сотрудника. Было договорено, что Андрей Брюс останется на станции до утра.

На «Гранате» не нашлось никого, кто бывал на планете, и представление о ней оказалось самое общее. Известно лишь, что обитатели степи — дикие кочевники постоянно воюют между собой.

Пожар, замеченный с «Граната», был не первым. За тот вечер на пункте связи зарегистрировали по крайней мере четыре пожара. Один большой — горела степь, три малых — результаты набегов и стычек.

Станция была надежно защищена от нападения дикарей, и поначалу пожар никого не встревожил. На всякий случай дежурный радист вызвал станцию, чтобы спросить, не требуется ли помощь.

Станция не отвечала. Радист доложил об этом вахтенному. Вахтенный приказал выпустить «глаз» — спутник наблюдения и остался

в узле связи, тогда как радист продолжал вызывать станцию.

«Глаз» спустился к поверхности планеты и передал видеoinформацию. Станция горела.

Пылали конусообразные, схожие с шатрами кочевников здания. Огонь охватил даже планетарный катер, который стоял метрах в пятидесяти от шатров. Можно было угадать какие-то фигурки, что метались среди факелов. Дым, черный, густой и жирный, скрывая пожарище, тянулся на несколько километров.

Вахтенный разбудил капитана и распорядился готовить к вылету второй планетарный катер. На лайнере по штатному расписанию положено иметь два катера, один из которых в оперативной готовности. Но он-то и горел сейчас внизу, поэтому несколько лишних минут ушло на подготовку второго.

Капитан подтвердил распоряжения вахтенного. На катере отправились врач, второй штурман Гриппин и два инженера.

Пока готовили катер, выдавали оружие и грузили медикаменты, на мостике шла оживленная дискуссия: что же могло случиться? Даже если случайно в каком-то из шатров возник пожар, его должны быстро загасить пожарные автоматы. Да и вряд ли можно ожидать настолько внезапного пожара, чтобы он помешал станции выйти на связь с «Гранатом». Возможно, на станцию кто-то напал, и это нападение застало врасплох даже опытного начальника станции Коирада Жмуду и капитана Космофлота Андрея Брюса, который после нескольких лет службы агентом Космофлота на планете Пз-У летел в Центр, чтобы получить корабль.

Андрей был человеком энергичным, вынужденное безделье на борту «Граната», который неспешно передвигался от планеты к планете,

снабжая их экспедиции и сменяя ученых, его томило. Когда он предложил отправиться на планету, подменив штурмана, капитан «Граната» был рад оказать Андрею такую услугу. Теперь же получалось, что эта услуга могла обернуться для Андрея бедой.

Планетарный катер опустился рядом со станцией примерно через полтора часа после того, как на «Гранате» впервые заметили пожар.

Пожар уже кончался — пламя сожгло все, что было ему подвластно. От патров станции остались лишь черные остовы, катер выгорел даже изнутри.

Среди углей и пепла удалось отыскать четыре трупа. В одном опознали Конрада Жмуду, три других были в таком состоянии, что опознать их можно будет лишь в Галактическом центре. Несколько в стороне от сгоревших патров была найдена Ингрид Хан, сотрудница станции, геолог. Она была в тяжелом состоянии.

Пока врач старался оказать на месте первую помощь, а один из инженеров снимал фильм, чтобы потом на корабле установить истину, штурман со вторым инженером пошли к заросшей кустарником ложине. В этой ложине «глаз» обнаружил несколько небольших, обтянутых шкурами патров — там обитали кочевники.

Штурман и его спутник осторожно подошли к патам. Возле патров их встретили обитатели этих жилищ — грязные, первобытные, почти обнаженные люди, которые знаками отрицали свою причастность к гибели станции, повторяя слова «октин хаш». Тем не менее подозрение с дикарей не было снято, потому что штурман заметил в становище некоторые предметы со станции. Лица и руки большинства дикарей были измазаны сажей. Ясно, что они побывали на пожарище.

«Глаз» тем временем обследовал окрестности станции. Удалось увидеть и сфотографировать несколько групп кочевников. Среди них не было ни одного из трех исчезнувших сотрудников станции. Не исключалось, правда, что они тоже погибли в пожаре.

Недалеко от станции было обнаружено логово хищных ящеров, именуемых тираннозаврами. Возникло предположение, что станция погибла от их нападения, тем более что у самой границы станции были замечены следы такого ящера, каждый след около метра в поперечнике.

Дальнейшие поиски пришлось прервать, так как врачу не удалось привести в сознание Ингрид Хан и она могла в любой момент умереть. Решено было срочно вернуть катер на корабль, а с рассветом возобновить поиски. «Глаз» же продолжал находиться над степью, регистрируя передвижения кочевников.

Всю ночь на мостике расшифровывались и изучались снимки, сделанные «глазом». Однако в группах всадников и на становищах не удалось увидеть ни одного из землян.

Утром катер вновь отправился на планету. Он опустился возле большого становища, километрах в тридцати от станции. Становище готовилось к перекочевке, и люди с корабля были встречены враждебно. Искать землян в скопище людей, которые запрягали повозки, складывали кибитки, собирали утварь, готовили пищу, было нелегкой задачей. Ни людей, ни предметов со станции найти там не удалось.

«Гранат» оставался на орбите. Ждали, когда очнется Ингрид Хан. Наблюдения за степью продолжались, но никого, кроме аборигенов и удивительных животных, словно сошедших со страниц палеонтологического атласа, найти не

удалось. Так прошел второй день и наступил третий.

С каждым часом надежда найти Андрея Брюса и двух сотрудников станции становилась все более эфемерной...

* * *

Андрей Брюс был благодарен капитану, который разрешил ему отвезти на планету катер и остаться там до утра.

Катер опустил на зеленой лужайке возле группы конусов — патров станции. Встречать его вышли все семь сотрудников.

Когда ты впервые видишь людей и знаешь, что через день расстанешься с ними навсегда, то твое внимание выделяет одно-два лица.

Андрей знаком был с Конрадом Жмудой, начальником станции. Тот за прошедшие годы раздался, постарел и полысел, но не потерял могучей энергии и уверенности очень сильного и здорового человека.

Станция была на планете уже полгода, и ее сотрудники стосковались по новым лицам. Конрад долго тискал Андрея в объятиях, словно обрел потерянного брата. Затем Андрея представили другим ученым, и взгляд его выделил красивую, сухощавую женщину в шортах и безрукавке, которая оказалась геологом Ингрид Хан.

Перед тем как войти в шатер станции, Андрей огляделся. Стоял жаркий безветренный день. Шатры расположились на пологом склоне, что вел к озерку, окруженному зарослями тростника. Выше начиналась степь. Кое-где над ней поднимались холмы, поросшие кустами и деревьями. Трещали кузнечики, оглушительно щебетали птицы. Степь уже отцветала, но трава еще

не пожелтела и источала влажные тяжелые запахи.

В отдалении, возле деревьев, стояли люди. От текущего густого воздуха фигуры их колебались, словно плыли.

— А это кто? — спросил Андрей.

— Наши соседи, — сказал Конрад. — Беженцы. Я потом расскажу.

Они прошли внутрь конуса. Там было чуть прохладнее.

— Мы не включаем кондиционеры, — сказал Конрад. — Так здоровее. А то насморки, простуды. Но ночью здесь прохладно. Ты отдыхай. Сейчас разгрузимся и будем обедать. Вечером предстоит зрелище.

— Какое?

— Ничего не скрою.

Вбежал маленький чернявый человек с трагически сошедшими к переносице бровями, бросил мешок с почтой и выхватил из-за пояса пистолет.

— Они как чуют! — крикнул он и кинулся к выходу.

— Что случилось?

Конрад открыл стенной шкаф, вынул оттуда другой бластер.

— Хочешь — погляди, — сказал он. — Только от шатра не отдаляйся. Они зубастые.

Андрей привык следовать советам опытных людей. К середине жизни понимаешь, что любопытство в самом деле порок, особенно в незнакомом месте.

От двери шатра он увидел, что над поляной кругами, быстро и суетливо, как летучие мыши, вьются темные гадкого вида метровые создания с длинными острозубыми рылами, перепончатыми крыльями и короткими заостренными хвостами. Это были птеродактили. Порой кто-нибудь из них

пикировал вниз, норовя вцепиться зубами в человека или в один из ящиков, сложенных возле катера. Конраду удалось подстрелить ящера, и тот рухнул на землю. Остальные, забыв о людях, кинулись на собрата.

Засмотревшись, Брюс не заметил, как птеродактиль выбрал объектом нападения его голову. Он так рванул Андрея за волосы, что у того из глаз посыпались слезы. Чернявый человек обернулся и выстрелил. Птеродактиль, испуская отвратительную вонь, упал на Брюса и спшиб его с ног.

Конрад подбежал к Брюсу и сказал, помогая ему встать на ноги:

— Я же просил тебя не вылезать.

— Ну и развели вы гадов, — сказал Брюс, приложив ладонь к затылку. Ладони стало тепло и мокро.

— Как воронье, — сказал Конрад. — Их тут много. Приспособились к помойкам. У каждого становища вьются.

Он поглядел на птеродактилей. Они торопились, доедали товарища.

— Теперь они нажрут и улетят, — сказал Конрад. — Как бы только соседи не заметили... — И тут же добавил: — Заметили.

К ним бежали дикари, которые волокли по траве большую редкую сеть.

— А этим что надо? — спросил Брюс, разглядывая ладонь. Ладонь была в крови.

— Ты промой рану, может быть заражение, — сказал Конрад.

— Обязательно, — сказал Брюс.

Дикари были невысоки, тонконоги, вся одежда — короткая кожаная юбка и ожерелье из зубов и камней. И странные прически: небольшой гребень поперек бритой головы. Они кричали и смеялись, белые зубы сверкали на смуглых лицах.

Ингрид вытащила из катера пластиковое полотно и с помощью чернявого мужчины начала покрывать им ящики и контейнеры, лежавшие на траве. Теплая струйка крови потекла по шее, и Брюс вытер ее. Надо в самом деле привести себя в порядок. Но кто здесь доктор?

Дикари с сетью добежали до шевелящейся кучи птеродактилей, накинули на них сеть, и, когда птеродактили сообразили, что, увлекшись обедом, потеряли свободу, было поздно. Они бились под сетью, стараясь взлететь, а мужчины дротиками и каменными топорами глушили их. Стоял страшный гомон.

— Эй! — крикнул Брюс. — Ты куда?

Один из дикарей, пользуясь суматохой, подбежал к вещам на траве, откинул угол полога и потащил к себе серебряный плоский ящик. Ингрид увидела и стала тянуть ящик на себя. Ей на помощь пришел Конрад. Худой высокий мужчина в белых шортах громко увещевал грабителей. Язык, на котором он говорил, был цокающим, быстрым, отрывистым, словно стрекотание лесной птицы.

Увещевания, а главное, неудача внезапного нападения утихомирили охотников. Еще через три минуты они удалились, волоча сеть, полную битых птеродактилей, и с хохотом рассказывая друг другу о своих подвигах.

— Брюс, — сказал Конрад возмущенно, — я уже сказал тебе, что надо промыть рану.

* * *

Доктором оказалась Ингрид.

Она выбрила Андрею волосы на затылке и обработала рану, потом залила ее пластиком. Придется походить денек с этой заплатой. Но

если Брюс хочет, ему можно сделать прическу, как у кочевника. Жан тоже собирается...

— Зачем ему?

— Он гениальный филолог. Вы бы послушали, какие беседы он ведет со степняками. Его приняли в стаю. Теперь испортят они нашего Жана. У них нет принципов — что хорошо, а что плохо. Готовы всю станцию ограбить. Белогурочка, милейшее создание, я ее очень люблю, украла зеркало. И повесила на юбку, спереди, представляете? От их хохота мы всю ночь не спали. Вот и все. Можете идти. А то у птеродактилей на зубах бывает трупный яд.

— Я думал, что они крупнее.

— Они бывают куда крупнее. К счастью, сюда не залетают.

Пришел Конрад.

— Не жарко? — спросил он. — А то включим кондиционер.

— Нет, спасибо. А почему вы пускаете аборигенов на станцию?

— Нет, — сказала Ингрид. — В помещения мы их не пускаем.

— Дежурный на пульте всегда может включить силовое поле, — сказал Конрад. — А ночью обязательно включает.

— Конрад их жалеет, — сказала Ингрид. — Это его стая.

— А ты их не жалеешь?

— Жалею, — сказала Ингрид. — Но мы ничем не можем помочь.

— Что с ними случилось? — спросил Андрей. Пластик стягивал кожу, и хотелось его содрать.

— Сегодня увидишь, — сказал Конрад. — К нам пожалует сам Октин Хаш.

— Я думаю, — сказала Ингрид, — что он придет своего палача.

— Приедет, — сказал Конрад. — Я с ним говорил. Он любопытен.

Андрей Брюс попросил воды, выпил маленькими глотками. Вода была свежей, родниковой.

— Наши соседи, по здешнему — стая Белого волка, — сказала Ингрид, — кочевали раньше километрах в двухстах отсюда. Мы основали станцию в безлюдном месте. Даже вместо куполов поставили шатры, чтобы не выделяться.

— Они о нас все знали, — сказал Конрад. — Охотники сотню километров проходят в день. А верховой и еще больше.

— Они к нам приходили, — сказала Ингрид. — Мы для них другая стая. И очень богатая. Мы с ними наладили отношения — они к нам привыкли, но приезжали нечасто. Обокрасть нас трудно, а железа мы не даем. Но потом пришел Октин Хап.

— Кто он такой? — спросил Андрей.

— Аттила, местный Аттила, — сказал Конрад. — Он пришел со своей ордой с юга. Так нам говорили. Другие считают, что он всегда кочевал у Зеленой реки, а года два назад стал сильным.

— Ведьмы помогли, — заметила Ингрид, складывая инструменты и закрывая шкафчик. — Наша стая так считает.

— Ведьмы или организационные способности, — сказал Конрад, — но суть в том, что он сумел подчинить себе все стаи этой степи и собирается в большой поход к морю. А войны здесь простые — смерть или рабство. Стая Белого волка тоже была разбита, и остатки ее бежали к нам под крыло. Октину Хапу это не нравится, он не хочет делить с нами степь, но и не смеет напасть.

— Как же называется ваша стая? — спросил Андрей.

— Стая Железной птицы, — ответил Конрад. — Только не воображай, что нам все это нравится. Если бы не уникальная фауна, не миллион загадок, мы бы отсюда улетели.

— Соблазн велик?

— Знаешь, как кличут нашу планету в Управлении Исследований? Эвур. Эв-ур — Эволюционный урод. Здесь все сразу — триас и мезозой, кайнозой и хомо сапиенс. Новые виды здесь появлялись, а старые не вымирали. Этого не может быть, но случилось. Ради того, чтобы здесь поработать, можно пойти на переговоры даже с Октином Хашем.

Филолог Жан заглянул в медпункт.

— Там Белогурочка, — сказал он. — Ее отец заболел.

— Что с ним? — спросила Ингрид.

— Был на охоте. Больше она не говорит. Табу.

— Я пойду, — сказала Ингрид. — Скажи Медее, что пирог в духовке.

— Я сам посмотрю, — сказал Конрад. — Возьми с собой нашего раненого. Ему интересно.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Я пойду.

— Вернетесь, будем обедать, — сказал Конрад.

Перед выходом Конрад выдал Андрею пояс с бластером.

— Здесь много неожиданных гадов, — сказал он. — Правда, сюда они редко суются — шумно, боятся, запахи чужие. И все же залетают.

Они пошли втроем. До шатров было метров триста. Впереди шагал Жан. Он нес через плечо сумку Ингрид с медицинскими инструментами. Затем Ингрид — рука на поясе. Андрей замыкал шествие.

Спутники Андрея выглядели опереточно — легкие рубашки и шорты, широкие пояса с пистолетами на боку, высокие сапоги — типичные покорители звездных трасс из детских фильмов.

Они шли по широкой тропе. Трава была сочной, зеленой. Гудели пчелы, огромный, в пядь зеленый кузнечик выскочил на тропинку, присел и сиганул метров на десять. Вереницей пересекали тропинку большие желтые муравьи, мелкие розовые бабочки густой стайкой вились над белыми шапками соцветий. Андрей отмахнулся от шмеля размером с кулак. Тот обиженно взревел, но отлетел.

— Они не кусаются? — спросил Андрей.

— Вылечим, — ответила Ингрид обнадеживающе.

— Все же здесь надо осторожнее, — сказал, обернувшись, Жан. — Вылечить она вылечит, но будет больно.

— А в озере вы купаетесь? — спросил Андрей.

— Ни в коем случае, — сказала Ингрид. — На это даже моего оптимизма не хватит.

— Оптимизм ни при чем, — сказал Жан. — Один раз на берег выползла такая гадина, что Конрад забрался на шатер — совершенно гладкая поверхность, а забрался на вершину. Я думал, что умру от смеха.

По скучному тону Жана трудно было представить, чтобы он умирал от смеха.

— Аксель Акоюн его застрелил, — сказала Ингрид. — Шкура в столовой висит. Посмотрите.

— Нет, — сказал Жан. — Мы ее уже запаковали.

Шатры стаи Белого волка вблизи оказались жалкими поделками. Несколько жердей связаны сверху, оплетены ветками и кое-как прикрыты облезлыми шкурами.

Площадка вокруг чумов была утоптана. Удручающе воняло. Более всего от тушек птеродактилей — женщины разделявали их на открытом воздухе. Тучи синих мух реяли над ними. Женщины прекратили работу, глазели. Их заинтересовал Андрей. Незнакомый человек. И одет иначе. Синие рейтузы, серебристые бапмаки и белая безрукавка.

Голые детишки, все с косточками, которые они обсасывали, — в становище было много мяса, — сбежались, чтобы потрогать гостей. Одна из женщин поднялась и отогнала их хворостиной.

Верхом появился парень в меховой юбке. Он спрыгнул с коня, плешнул его по морде.

— Хе ка-ва сей, — гортанно сказал он.

Жан ответил длинной фразой.

Из самого большого чума через низкое отверстие выполз толстый старик. Сидя на корточках, принялся хлопать себя по щекам.

— Это брат вождя, — сказала Ингрид. — Показывает, какое большое горе.

Андрею хотелось убежать от тоскливой, всепроникающей вони. Мухи перелетели к гостям и густо жужжали у самых глаз. Рыжая хромая собака с окровавленной мордой зарычала, осев на задние лапы.

— Пошли в шатер, — сказала Ингрид. — Там мух нет.

В шатре было прохладнее. Глаза быстро привыкли к зеленоватой полутьме, внутри шатер оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Пахло терпко и остро — в середине дымил костер, лежала охапка травы. У костра на корточках сидела девушка. Она кинула в дым связку травы и поднялась. На темном лице светились белки глаз и зубы.

— Ты пришла. — Она легонько, на мгновение прижалась лбом к плечу Ингрид.

Куча тряпок и шкур за костром зашевелилась. Оттуда послышался низкий голос. Зацокал, заурчал. Жан ответил.

— Вождь был на охоте, — сказал Жан. — Его догнал лев.

Ингрид прошла к ложу раненого. Жан переводил ей.

Андрей понимал, что он здесь лишний, но выходить наружу, в жару и вонь, не хотелось.

Рядом с костром в землю было вкопано бревно с сучьями. На сучьях висело оружие. Андрей подошел, разглядывая короткие копья с широкими каменными лезвиями, прямой зазубренный меч.

Девушка стояла к нему спиной, наблюдая за тем, что делает Ингрид. Наряд девушки ограничивался короткой юбкой, ладно сшитой из конской шкуры. Прическа странная — на висках волосы сбриты, на макушке торчат ежиком.

— Так можно и ногу потерять, — сказала Ингрид.

В ответ что-то спросил раненый, потом ответил Жан. Девушка почувствовала взгляд Андрея и обернулась. Куда быстрее, чем оборачиваются городские девушки, которые не чувствуют чужих взглядов и не привыкли их бояться.

Глаза были светлые, внимательные. Андрей улыбнулся. Девушка после секундной паузы улыбнулась в ответ.

— Тебя я не видела, — сказала она. — Ты новый. Ты с неба?

— С неба, — сказал Брюс. — Ты откуда знаешь наш язык?

— Жан меня учит, — сказала девушка. — Никто не знает язык людей неба. Я знаю. Я умная. Я — дочь вождя.

— Как тебя зовут?

— Биллегури, а твои люди зовут меня Белогурочка. Почему?

— Им лучше знать. Это хорошее имя.

В Белогуручке было что-то птичье — в посадке головы, настойчивом взгляде, тонкости костей. От плеча до небольшой груди шел светлый шрам. Белогуручка перехватила взгляд Андрея и сказала:

— Меня ударил вран, я упала с горы. И прямо на сук.

— Ты знаешь много слов, — сказал Андрей. — Кто такой вран?

— Это пещерный медведь, — сказал Жан. — Их здесь не бывает, они живут к северу, где раньше кочевала стая.

— Мы раньше жили у леса, — сказала Белогуручка. — Потом пришел Октин Хаш и убил многих мужчин. И взял женщин. А мы убежали. Он хотел и меня взять. Вы будете с нами есть?

— Нет, — сказала Ингрид. — Мы будем есть дома.

— Жан боится нашей пищи, — сказала Белогуручка. — Он боится, что у него будет болеть живот от микробов.

В чум заползла женщина. Спросила что-то. Ей ответил Жан.

Только сейчас, когда попрощались, Андрей увидел отца Белогуручки. Тот лежал на спине с закрытыми глазами. Ингрид дала ему наркоз, и теперь он отдыхал от боли.

Белогуручка выпорхнула за ними на площадку. Андрею стало дурно от вони. Разделка птеродактилей подходила к концу. Дети гоняли собак, чтобы те не растащили мясо.

Подскакали два воина. Они подняли копья, приветствуя гостей. Один из них, одноглазый, засмеявшись, прошептал длинную фразу. Жан ответил. Ингрид поняла и сказала Андрею:

— Он жалеет, что не смог утащить у нас блестящую коробку. Они страшные воришки.

Если покопаться в шатрах, найдешь все, что пропало у нас за полгода.

Жан тоже смеялся. Белогурочка сказала:

— Брать чужое плохо.

Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Она была на голову ниже его.

— Плохо, — согласился Андрей.

— У тебя на голове блестит. Это рана?

— Как ты догадалась?

— Ингрид всегда мазет раны жидкой мазью, которая потом твердая. Кто на тебя напал?

— Птеродактиль, — сказал Андрей. — Знаешь?

— Знаю. Это корпы. Вон лежат. Мы из них делаем одежду, когда холодно. И еще едим. У нас теперь много мяса. Хочешь, я тебе дам?

— Пошли, — сказала Ингрид. — А то тебе обедать не захочется.

Белогурочка смотрела им вслед. Она увидела, что Андрей обернулся, и крикнула:

— Ты красивый!

— Ну вот и поклонница, — сказала Ингрид. — Почему во всей Вселенной капитаны Космофлота пользуются такой популярностью у девушек?

— Не представляю. Раньше это говорили о гусарах.

— У них форма красивая, — сказал Жан. — Смотри под ноги. Змея!

Змея скользнула молнией и скрылась в траве.

* * *

Андрей принял душ. Ему казалось, что он пропитан запахами становища.

За обедом Конрад сказал:

— Тебе повезло.

— Я рад, что побывал там, — сказал Андрей. — Это очень интересно. Только воняет.

— Я не об этом. К нам в гости сам Октин Хаш.

— Аттила?

— Он умный человек, — сказал Конрад. — Я с ним разговаривал. Он сознает свою историческую задачу.

— Если историческая задача — грабить и убивать, — сказала Ингрид возмущенно, — то осознать ее несложно. Вам нравится суп?

— Необычно, — сказал Андрей.

— Мы здесь многому научились, — сказала Ингрид. — Знаем, какие травы полезны, а какие есть нельзя.

— Спасибо Белогурочке? — спросил Андрей.

— Она вам понравилась? Правда, замечательный ребенок?

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Жан, сколько лет твоей Белогурочке?

— Здесь год немного длиннее нашего, — сказал Жан. — И потом в первобытном обществе другие мерки. Девуц отдают в соседний род, когда исполняется тринадцать-четырнадцать.

— А почему не отдали Белогурочку?

— Она была предназначена парню из стаи Динозавров. Но та стая полностью истреблена. Белогурочка — девушка-вдова. Это недостаток.

— Еще налить супа? — спросила Ингрид.

Пришел чернявый, ртутный, яростный Аксель Акоюн. Присел за стол и принялся работать ложкой так, словно соревновался на скорость.

— Видели, какой дым? — спросил он.

— Мне говорили, что орда Октина Хаши захватила кибитки стаи Серой акулы. И был бой, — сказал Жан.

— Господи, когда это кончится! — воскликнула Ингрид.

— Я тупею от этих запахов, — пожаловался Конрад. — Здесь все пахнет.

Пышная добрая Медея, которая дежурила на кухне, принесла миску с тушеным мясом.

— Угадай, что это такое, — сказал Конрад.

— Лучше и не пытайтесь, — возразила Ингрид. — Я стараюсь не думать. Хорошо, что у нас запас консервов.

— Ничего особенного, — успокоил Жан. — Это оленина. Я покажу вам его рога. Два метра в размахе.

— Почему все так нелогично? — спросил Андрей. — Законы эволюции постоянны. Одно отмирает и уступает место другому.

— Здесь не уступило, — сказал Конрад.

— Сюда нужно экспедицию человек в сто, — сказал Аксель. — Я написал отчет, а в Центре никак не раскатаются. Эта планета набита тайнами. Ты смотришь направо — так быть не может! Ты смотришь налево — такого не бывает, а оно есть. Вы меня понимаете?

— Нет, — ответил Андрей. — Я здесь всего два часа.

— Завтра сядете со мной в вездеход, и я повезу вас по кинжальному каньону.

— Покажи ему туннель-эдельвейс, — сказала Медея. — Он раскроет рот, так и останется.

— Я завтра утром улетаю, — сказал Андрей.

— Ничего, — сказал Конрад. — На этот раз мы отправим в Центр столько материалов, что они вынуждены будут пошевелиться. Есть вещи, которые случайностью не объяснишь.

— А когда они посмотрят, что дал радиоуглеродный анализ, они за головы схватятся! — с торжеством заявил Аксель.

— Нет, Андрею надо что-то показать. До

темноты еще часа два, — решил Жан. — Давайте я покатаю его на флаере.

— Спасибо, — сказал Андрей. Ему было стыдно признаться в том, как сильно его тянет в сон. Впрочем, проницательная Ингрид угадала, что с ним творится.

— Никуда он не полетит, — сказала она. — Зачем спать во флаере, когда можно поспать в палатке? Человек впервые попал к нам. Вспомните, как вы здесь спали первые дни. Конрад, уступишь Андрею койку?

— А компот? — удивился Аксель Акоюн.

— Пускай идет, — сказала Ингрид. — Через два часа мы его разбудим.

— Через час, — уточнил Андрей.

* * *

Конрад разбудил Брюса через два с половиной часа.

— Ты не простишь, если я дам тебе спать до утра, — сказал он.

В руке он держал чашку кофе. За окном было синее, почти совсем стемнело.

— Я себе не прощу, — сказал Андрей. — Спасибо, что разбудил. Со мной такого еще не бывало.

— Мы засекли со спутника, — сказал Конрад, — что Октин Хаш уже выехал. Хочешь посмотреть?

— Мне никто ничего не рассказывает, — сказал Андрей, отбирая чашку у Конрада. Кофе был горячий и очень крепкий. Конрад постарался.

Каюта Конрада была заставлена планшетами. Конрад считал себя художником. К счастью, он не стал художником, а стал хорошим биологом. Это были пейзажи. Очень яркие, в основном с закатами.

— А чего он к вам едет?

— Как соседняя держава. С визитом, — сказал Конрад. — Считается, что мы взяли под свою руку стаю Белого волка. И можем претендовать на их бывшие земли. Политика сложная.

— А что вы ему предложите?

— Законы контакта условны. Люди здесь столь первобытны, что наше присутствие не нарушает их жизни. Они доисторичны. Мы не можем войти в их историю. О нас планета забудет раньше, чем достигнет цивилизации.

— Вы взяли под свое покровительство стаю?

— Иначе бы их перебили люди Октина Хапа. Ты этого хочешь?

— Конрад, ты сердишься, значит, ты не прав.

— Просто замечательно, если ты сидишь в Галактическом центре и за тебя думает компьютер. А ты видел Белогурочку? А ты ее младших братишек видел? Они хотят жить, понимаешь?

— И вы решили встретиться с Октином Хашем?

— Это он решил с нами встретиться.

— Он вас считает богами?

— Религия их первобытна. Они одушевляют силы природы. Они еще не додумались до концепции бога в человеческом обличье. Поэтому мы не можем быть богами. У нашего племени много оружия и богатств. Покорить нас невозможно. Ему совершенно непонятно, чего же мы хотим. А любопытство — одно из первых человеческих качеств.

— А что тебе нужно от этой встречи?

— Только чтобы нас оставили в покое. Чтобы перестали нападать на наши партии. Степь велика. Пускай идут дальше. Эта земля, — Конрад сделал широкий жест рукой, — от озера до холмов — наша.

— Вождь стаи Железных птиц...

— Не могу же я объяснить Октину Хашу, что мы прилетели из Галактического центра для проведения комплексных исследований. С сумашедшими здесь разговор короткий — дротик под сердце.

В дверь заглянула Ингрид.

— Едут, — сказала она. — Пошли в узел связи, поглядим.

* * *

Спутник связи завис над лагерем кочевников. Если бы сам великий Октин Хаш, повелитель северной степи, поднял голову, он мог бы заметить искорку — не более того.

На большом экране узла связи был виден клуб серой пыли, куда более светлой, чем трава и синий воздух. Октин Хаш уже несколько недель стоял на берегу небольшой степной речки. Люди и кони истоптали траву. Слабый ветерок оттягивал пыльное облако в сторону — из пыли, как из тумана, поднимались горбы кибиток, совсем иных, чем чумы у стаи Белого волка. Бивни мастодонтов были обтянуты кожей динозавров. Кибитки расходились радиально от центра лагеря, где стоял шатер вождя. Лагерь был огражден повозками, за которыми далеко тянулись хибары и навесы. Там жили рабы и слуги, а далее оказалась свалка — кости животных, навоз, ломаные телеги, ямы, куда кидали мертвых. Октин Хаш любил порядок в лагере, но не интересовался тем, что творилось за его пределами.

Перед шатром Октина Хаши стояли высокие шести с разноцветными тряпками, у входа горели два костра, наполнявшие пыльное облако оранжевым сиянием. Всадники в костяных шлемах, накидках из крыльев птеродактилей — высушенные когти торчат над плечами, как

эполеты, — с небольшими блестящими щитами из акульей кожи горячили босыми пятками мохнатых лошадок, размахивали копытами, ожидая выхода вождя.

Два телохранителя, закованные в латы из панцирей игуанодонтов, вышли первыми из шатра. Потянули, раздвигая, полог, и тогда, скрытый по колени в пыли, вышел сам Октин Хап. Он был мал ростом, на голову ниже людей, что следовали за ним. Корона из красных перьев лишь подчеркивала его малый рост. Одет он был скудно — лишь короткая юбка из тигровой шкуры. Вместо коня обнаженные рабы вели громадного ящера.

— Стегозавр, — сказала Ингрид. — Я покажу снимки — на них возят грузы в пустыне — целые караваны. Они тупы и послушны. А везет, как грузовик. Машина неприхотливая — поел травки, снова в путь.

Между вертикальными метровыми пластинами на хребте ящера было устроено сиденье из шкур. Второе, спереди, для погонщика.

Подчиняясь удару копы, ящер покорно подогнул толстые ноги и коснулся брюхом земли. Два воина наклонились, чтобы вождь мог ступить на их спины. Оттуда — на спину ящера. Стегозавр поднялся и замер.

Всадники бешено закрутились вокруг, затем понеслись вперед, к проходу между повозок. Ящер, не спеша переступая по пыли, двинулся вслед, как линкор за торпедными катерами.

— Это только кажется, что он идет медленно, — сказал Конрад.

— Они далеко отсюда?

— Часа через полтора будут. Надо готовиться. Жан, ты предупредил стаю?

— Сейчас схожу, — сказал филолог.

Конрад обернулся к Андрею:

— Логика порой не срабатывает. Он едет к

нам установить мир. Казалось бы, замечательно. Но с ним скачут молодцы, которые могут вырезать всю деревню нашей стаи. Потому надо предупредить.

— Вы их будете прятать здесь?

— Они уйдут в лес. Так уговорено.

— Вы его впустите на станцию?

— Разумеется, — сказала Ингрид. — Он пускал Конрада к себе в палатку. Оскорбление — не пустить в дом.

— А соблазн не слишком велик?

— Разумеется, мы примем меры.

Андрей поглядел на экран. Спутник не выпускал из поля зрения посольство, которое шло к станции.

Впереди носились всадники. Как пчелы, отрывающиеся от роя, они сновали в разные стороны и возвращались к громаде стегозабра. Колдуны и старейшины ехали спокойно, держась за хвостом ящера. Маленьким красным пятнышком покачивалась перьевая корона Октина Хаша между пластинами на спине стегозабра.

— Медея, — сказал Конрад, — проверьте со Стахом силовое поле. В станцию пропускаем только Октина и его советников. У вас час на то, чтобы решить, как это лучше сделать.

Андрей вышел наружу.

Громко стрекотали цикады. Недалекий лай собаки пробился сквозь этот звук и погас. Звезды были яркими и незнакомыми. Маленькая луна быстро шла по небу, закрывая звезды. Там, где зашло солнце, небо было зеленым, расчерченным черными облаками. Быстрая тень беззвучно пронеслась над головой, и Андрей отпрянул к двери.

Два черных силуэта возникли у цепочки зеленых огоньков — границы силовой защиты. Огоньки у их ног на секунду погасли, затем

загорелись ярким белым светом — в поле образовался проход.

Жан и Белогурочка подошли к Андрею.

— Вам цикады не надоедают? — спросил Андрей.

— Я привык, — сказал Жан, — я их не слышу, как старые часы в комнате. Белогурочка решила побыть у нас.

— А остальные?

— Остальные отошли в лес.

— Почему ты не ушла со всеми? — спросил Андрей.

— Я хотела увидеть тебя, — сказала Белогурочка.

Жан сдержанно улыбнулся.

— Вы еще не привыкли к простоте чувств и отношений, — сказал он. — Белогурочка всегда говорит, что думает.

— Твой друг — Андрей? Почему он должен улететь?

— У меня дела далеко отсюда, — сказал Андрей.

— Ты охотник?

— Я караванщик.

Белогурочка обернулась к Жану, ожидая, чтобы он объяснил.

— Андрей хочет сказать, что он ведет повозки с товаром.

— Лучше, если бы ты был воином, — сказала Белогурочка.

Они вернулись в станцию. Там, при свете, Андрей смог разглядеть девушку. Она приделалась. На ней был короткий плащ из серых и черных перьев и несколько нитей бус из оранжевых острых зубов, из каких-то сушеных ягод. К сожалению, Белогурочка намазала брови сажей и на щеках нарисовала зеленые узоры.

— Красиво? — спросила она, перехватив взгляд Андрея.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Я здесь первый день.

— Странно говоришь, — обиделась Белогурочка. — Один день, два дня, много дней — или красиво, или некрасиво.

— А это обязательно рисовать? — спросил Андрей.

— Обязательно. Это наш знак. Погляди.

Белогурочка протянула Андрею руку, на которой были вытатуированы такие же узоры.

— Когда я стану женщиной, — сказала она, — мне наколют на щеках такие рисунки. Я дочь вождя.

Они стояли в общей комнате станции. Еще днем в ней был беспорядок — здесь складывали образцы и грузы, полученные с «Граната». Сейчас все это убрали и комнату пропылесосили. Два кресла — самые красивые, их притащили из кают-компаний — стояли рядом у стены.

Белогурочка быстро прошла к креслам и села в одно из них.

— Ты садись рядом, — сказала она. — Ты будешь Конрад. А я буду Октин Хаш.

Андрей подчинился.

— Только Октин Хаш не сядет сюда, — сообщила Белогурочка. — Мы сидим на полу.

— А ты?

— Я привыкла. Мне здесь нравится. Жан сказал, что, когда вы будете улетать, меня возьмут с собой. Мне с вами совсем не страшно.

— А когда тебе страшно?

— Ты когда-нибудь бегал?

Андрей не понял.

— Бегал, чтобы тебя не убили? Других убили, а ты бежишь. И ждешь, чтобы убили. Октин Хаш убил моего друга. И потом убил мою мать. Она

лежала мертвая, а мы бежали и не смогли положить ее в землю. Это очень плохо.

— Это плохо, — согласился Андрей.

— Мой друг хотел вернуться. Мой друг сказал: я пришел в твой род. Это честь твоего рода. Я найду твою мать. Октин Хаш оставил своих людей. Он очень хитрый. Они подкараулили моего друга. Они привезли его голову и кинули. Я закопала ее в землю.

Белогурочка подобрала ноги, усаживаясь поудобнее в кресле. Ноги были исцарапаны, на коленке белый шрам.

— Они не найдут наших в лесу, — сказала Белогурочка. — Они боятся ходить в лес ночью. А где твой нож?

— Мне не нужно.

— У твоих есть ножи, которые бьют издалека. Ты знаешь?

— Знаю.

— Октин Хаш хочет взять меня. Чтобы я жила с ним, варила ему мясо и родила ему детей.

— А он тебя видел?

— Он к нам приезжал, чтобы говорить о мире. Они сидели с отцом, и я приносила мясо. И он сказал отцу: отдай дочь — будем одна стая. А отец сказал, что я обещана. Октин Хаш смеялся и сказал, что он все равно возьмет меня. Он очень веселый, этот Октин Хаш.

Белогурочка постаралась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Он всегда приходит говорить о мире, когда хочет убить. Я сказала Жану. Он идет вас убить. Жан сказал, что не боится.

Конрад вошел в комнату. Он был доволен.

— Зал для аудиенции готов. Жалко, что кресла не золотые, — сказал он. — Андрей, загляни в столовую. Жан сменит тебе заряд в бластере.

— Зачем?

— На усыпляющий. Если что случится, я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб.

— Все же опасаясь?

— Октин Хаш — завоеватель. Хотя первобытный, но завоеватель. А завоеватели сами изобретают себе мораль. — Конрад обернулся к Белогурочке: — Пойди на кухню. У Меден найдется для тебя что-нибудь вкусное.

— Ты боишься, что Октин Хаш увидит меня? — спросила Белогурочка, легко вскакивая с кресла.

— А ты хочешь его видеть?

— Пускай Октин Хаш знает, что у меня есть большие друзья. А потом мы пойдем в поход и убьем его, правда?

— Иди на кухню!

Белогурочка выскользнула из комнаты.

Конрад нервничал. Он-то не был завоевателем.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Октин Хаш подъехал к станции.

Конрад с Жаном вышли встречать. Конрад позвал с собой Андрея, потому что у того были серебряные башмаки и куртка с золотыми знаками. На станции ни у кого не нашлось более впечатляющего облачения.

Они стояли возле огоньков силового поля. Небо, с частыми яркими дырками звезд, куда более яркое, чем над Землей, было зеленым там, где село солнце. Сквозь стрекотание цикад доносился заунывный вой.

— Волки вышли на охоту, — сказал Конрад.

Посольство показалось Андрею продолжением неба — у горизонта возникла цепочка оранжевых звездочек. Звездочки мерцали, перемещались и

становились все ярче — всадники Октина Хаша держали в руках факелы. Отблески огня играли на блестящих боках стегозавра, который черной горой выдвинулся из тьмы. Погонщик крикнул, и стегозавр замер. Его маленькие глазки красными огоньками отражали свет факелов и оттого казались злобными. Стегозавр медленно поводил огромной головой, словно принюхивался к добыче.

При виде встречавших всадники завопили, размахивая дротиками и факелами. Стегозавр медленно опустился на брюхо.

— Приветствую тебя, Октин Хаш, великий вождь и мой брат, — сказал Конрад. Жан переводил.

Несколько всадников спешили, двое подбежали к стегозавру и встали на четвереньки, подставляя спины вождю.

Конрад счел момент удачным для подготовленного сюрприза. Он поднял руку, и по этому знаку со станции включили летающую лампу. Прожектор, зависший над головами, вспыхнул неожиданно и ослепляюще. Андрей зажмурился.

За эту секунду все вокруг изменилось. Стегозавр взметнулся на массивные задние лапы, когти передних дрожали над головами всадников. Погонщик, не удержавшись, полетел вниз, неловко свалившись на самого вождя, и они покатались под копыта коней. Вопли, рев стегозавра, проклятия Конрада, стук копыт, звон оружия создавали всеобщий яростный грохот, словно рядом кипела битва. И уже в следующее мгновение, придя в себя, всадники ринулись вперед, построив заслон между вождем и людьми, и острый зазубренный наконечник копья закачался перед лицом Андрея. Жан, бросившийся было на помощь Октину Хашу, налетел на воина, и тот одним ударом спиби его с ног. Резким клетотом послышался голос вождя. Жан

поднялся, стоял подобранный, черный и прямой.

Копья опустились. Жан произнес длинную фразу, прося прощение у гостей. Потом была пауза. Жан обернулся к Конраду.

— Я объяснил, — сказал он тихо, — что мы не желали зла. Что мы хотели только достойно осветить место встречи...

Тут заговорил Октин Хаш.

— Меня нельзя испугать, — переводил Жан. — Я ничего не боюсь, но вы напугали наших животных. Так не принимают высоких гостей.

Очень толстая женщина с раздувшимся от жира лицом — глазки щелками, — облаченная в громоздкую меховую шубу, с трудом нагнулась, подобрала с земли помятую корону из красных перьев, расправила ее и нахлобучила на лысую голову Октина Хаши.

— Мы уезжаем, — закончил перевод Жан. — И между нами будет война.

— Какая еще война! — не выдержал Конрад. — Мы будем говорить. Мы не сделали ничего дурного. Андрей, ну действуй на них! Нам работать нужно. С ума сойти!

— Скажи ему, Жан, — Андрей не поверил в гнев вождя, — что мы не допускали мысли, что такой смелый вождь, как Октин Хаш, изменит свое решение из-за того, что над его головой зажегся свет.

Пока Андрей говорил, он не сводил взгляда с вождя. Ему показалось, что тонкие губы Октина Хаши изогнулись в усмешке.

Октин Хаш ответил Андрею.

— Великий вождь, — с явным облегчением в голосе перевел Жан, — соизволил принять объяснения вождя Железных птиц и будет с ними разговаривать. Куда надо идти?

Проход в силовом поле был раскрыт, и Октин Хаш смело пошел вперед. За ним ринулись толпой старейшины и воины.

— Погодите! — крикнул Конрад. — Жан, скажи ему, чтобы остальные ждали здесь.

Жан не успел перевести, потому что Ингрид, которая следила за этой сценой с пульта управления, включила вновь силовое поле, и оставшиеся снаружи воины бились о воздушную стену.

Октин Хаш остановился.

— Почему они остались там? — спросил он.

— Здесь тесно, — ответил Конрад.

— Ночь холодна, и мои воины голодны. Кто их накормит?

— Этого еще не хватало! — вырвалось у Конрада.

— Он прав. Мы нарушаем закон степи, — сказал Жан.

— Скажите им, что пищу вынесут на поляну. Там свободно. Пускай они подождут немного. Пища скоро будет готова.

Когда Жан перевел, Октин Хаш, подумав несколько секунд, кивнул и приказал воинам ждать и не беспокоиться.

— Пускай откроют консервы, — сказал Конрад, зная, что каждое его слово слышно внутри станции. — И учтите, что там человек двадцать, не меньше.

Он первым пошел к дому, ворча:

— Разорение, сущее разорение.

— Хорошо, что свита невелика, — сказал Андрей.

Они вошли в комнату. Октин Хаш сразу увидел два кресла. Он смотрел, как Конрад прошел к одному из них.

Октин Хаш отлично владел собой, Андрей

отдавал ему должное. Ведь дикарь никогда не был внутри станции. Белые стены, белый пол, яркий свет, мебель — все это должно было его смутить. Спутники вождя были куда более взволнованы. Они уселись на корточки у входа, не смея ступить в глубь комнаты.

Конрад уселся в кресле, показав гостю на второе. Тот остался стоять. Они же не сидят на стульях, вспомнил Андрей.

Вдруг быстрым, обезьяньим движением Октин Хаш подпрыгнул и опустился в кресло, поджав ноги. Его спутники громкими возгласами встретили это достижение.

— Мы рады, — произнес Конрад, стараясь не улыбнуться, — что великий сосед пожаловал к нам с миром.

— Я тоже люблю мир, — ответил вождь. Глаза у него были черные, мышиные, острые. — Все, кто послушен мне, будут есть много мяса...

— Хо! Хо! — поддержали вождя его спутники.

— Октин Хаш предлагает вам отдать ему этот дом и все вещи. За это вы всегда будете сыты и довольны. Он знает, что у вас много мужчин и мало женщин. Он даст вам хороших женщин.

— Жан, передай нашему гостю, — сказал Конрад, — что мы не будем жить здесь долго. Мы не хотим власти над другими стаями. Мы хотим покоя. Нам нужно, чтобы войны Октина Хаша не нападали на наших людей.

— Он обвиняет тебя во лжи, — перевел Жан. — Он говорит, что мы взяли в рабство стаю Белого волка, которая убежала от Октина Хаша.

— Они не рабы нам, — сказал Конрад. — Они пришли по доброй воле.

— И ты дашь мне дочь их вождя по имени Биллегури. Мой благосклонный взгляд упал на нее.

— А она согласна?

— Ты спрашиваешь желания маленькой женщины?

— Так у нас принято.

Когда Жан перевел слова Конрада, степняки, сидевшие кучкой у дверей, возмущенно заворчали.

Октин Хаш улыбнулся — рот тонкой полоской протянулся до ушей.

— Белые волки трусливо убежали от меня. Они недостойны твоей заботы, брат.

Конрад обернулся к Андрею. Он был в тупике.

— Как его убедить?

— Стой на своем, — сказал Андрей. — Он же тебя испытывает. Как только отступишь в чем-то, он сразу сделает шаг вперед.

Октин Хаш смотрел на Андрея.

— Он просит меня перевести ваши слова, — сказал Жан Андрею.

— Переведите, ничего страшного.

Жан перевел.

Октин Хаш по-лягушачьи растянул губы, пожевал ими задумчиво.

— На моем совете, — сказал он, — младшие не смеют давать советов вождю. Или ты больший вождь, чем Конрад?

Андрей не успел ответить, потому что в зал заглянул Теймур и спросил, как давать пищу воинам? Удобно ли в пластиковых контейнерах? И как будут обедать вожди? Накрывать в столовой?

— Что он говорит? — Октин Хаш был насторожен и подозрителен.

Жан объяснил, что проблема в том, как кормить его воинов.

— Пища готова? — Октин спросил это по-хозяйски, уверенно. — Тогда я пошлю моего колдуна с вашими людьми, которые понесут пищу.

Он должен очистить ее, потому что ваши люди могли ее испортить.

— Еще чего не хватало! — Конрад был искренне возмущен. — Зачем мы будем портить пищу? Мы же сами ее едим.

— Мы не знаем мыслей нашего уважаемого брата, — ответил Октин Хаш. — Может быть, смерть моих воинов доставит ему радость.

Конрад растерянно поглядел на Андрея.

Андрей понимал его. Конрад был уверен, что встреча с Октином Хашем должна быть своего рода научным развлечением. Кладом для этнографов и антропологов. Непосредственная беседа со степным завоевателем — скрытые камеры трудятся, чтобы не упустить ни мгновения. Подарки заготовлены, угощение для вождя стынет в столовой. Пораженный могуществом людей, Октин Хаш смиренно обещает более не нападать на полевые группы, не безобразничать, и в степи наступает блаженный мир. А Октин Хаш, оказывается, настолько первобытен, что на него не действуют элегантные интерьеры станции и могущество Конрада, который умеет зажигать солнце над головой. И вообще он не хочет преклоняться перед Конрадом. Он видит в Конраде степного вождя, столь же коварного и мелкого, как сам Октин Хаш. И вместо того чтобы выслушивать разумные предложения Конрада, он сам чего-то требует.

Не найдя поддержки у Андрея, Конрад сказал Акселю:

— Голубчик, пускай этот колдун-кастрат идет. И пробует что хочет. А ты, Жан, скажи нашему гостю, что мы сейчас перейдем в столовую, где будет приготовлен скромный ужин.

— Я не буду говорить — скромный, — возразил Жан. — Так не принято говорить.

— Ну, скажи — королевский, сказочный, удивительный!

Жан сказал.

Андрей смотрел на тонкие руки Октина Хаша, которые плетями высывались из-под тигровой накидки. Руки были густо татуированы. Левую обвивал синий змей, хвост которого скрывался под тигровой накидкой, а голова лежала на тыльной стороне ладони. Другая рука была украшена узорами, среди которых угадывались зубастые рыбы.

— Мы недовольны, — услышал он голос Жана, который снова переводил. — Вы не отдали нам стаю Белого волка, вы не хотите мира. Значит, будет война. Мы сами отберем у тебя твоих рабов, а ты с веревкой на шее будешь идти за моей повозкой.

Говоря так, Октин Хаш не двинулся с места. Пока Жан переводил, он заинтересовался креслом, поковырял ногтем обшивку, затем принялся задумчиво чесать большой палец на ноге, став похожим на умную обезьяну.

— Мы не хотим войны, — сказал Конрад. — Мы могучие люди. Мы сильнее всех твоих армий, и ты об этом знаешь.

— Я об этом не знаю, — возразил Октин Хаш, — потому что мы еще не воевали. Но думаю, что мои воины сильнее.

— Что ему нужно? — спросил Конрад у Андрея. — Я ни черта не понимаю. Он в самом деле хочет с нами воевать?

— Вряд ли, — сказал Андрей. — Он даже не удосужился изобразить гнев. Спроси его, хочет ли он меняться с нами или торговать.

Октин Хаш кинул на Андрея острый взгляд. Жан перевел.

— Что вы мне дадите? — Октин Хаш рассматривал палец ноги.

— У нас есть пища, украшения, у нас есть

котлы, чтобы варить еду. — Конрад задумался... Чем бы еще пожертвовать? Хорошо было капитану Куку. Он специально вез бусы для туземцев.

— Мы сами добудем себе пищу, — сказал Октин Хаш. — И у нас есть из чего ее хлебать. Нам нужно оружие. Железное.

У их копий железные наконечники, подумал Андрей. Надо проверить. Выйти к воинам и проверить.

Но Конрада это не удивило. Он думал о другом.

— Мы не можем дать вам оружия и железа, — сказал он твердо. — Потому что ты будешь убивать им других людей.

Вот зачем приехал Октин Хаш, понял Андрей. Все остальное — камуфляж.

— А зачем еще нужно железо? — удивился Октин Хаш.

— Железо нужно, чтобы строить и добывать руду, пахать поля и делать нужные вещи, — наставительно сказал Конрад, и его слова канули в пустоту.

— Железо нужно, чтобы завоевывать, — не менее наставительно произнес Октин Хаш, и старейшины, сидевшие на полу, закивали головами, поражаясь мудрости вождя.

Октин Хаш откинул полу своей накидки — у пояса висели два ножа в кожаных ножнах. Он не спеша вытащил один и протянул его Андрею, которого считал более важным вождем, чем Конрад.

Андрей взял нож. Нож был из стали. Одного взгляда было достаточно, чтобы это понять. Но даже не это более всего заинтересовало Андрея. Он понял, что основой для клинка послужила прокатанная на заводе полоса стали, которую потом разрезали на куски и заточили. Разумеется, здесь никто еще не умеет выплавлять железо

и тем более сталь. Но откуда-то в лапы Октина Хаша попала настоящая сталь...

— Это хороший нож, — сказал Андрей и вернул его Октину Хашу. — Из чего сделана такая красивая рукоять?

Октин Хаш дождался перевода и не смог сдержать удивления.

— Рукоять сделана из зуба акулы, — перевел Жан и добавил от себя: — Это в самом деле сталь?

— Да, — сказал Андрей. — Но поговорим позже.

Из-под потолка прозвучал голос Теймура — тот включил внутреннюю связь:

— Пища для воинов готова. Белогурочка говорит, что им должно понравиться. Мы понесли ее к ограде. Где их контролер?

Октин Хаш даже не взглянул на потолок. Он не выпускал из руки ножа, все еще раздумывая над словами Андрея.

Конрад сказал:

— Октин Хаш просил, чтобы его колдун проверил пищу. Пускай он пойдет и проверит.

Октин Хаш выслушал перевод и кинул два слова толстой бабе в меховой шубе. Та захихикала и с трудом поднялась с пола.

— Андрей, — устало попросил Конрад, — ты не проводишь его? И скорее возвращайся.

Андрей пошел к двери. Колдун за ним. Снаружи у дверей станции уже стоял Теймур. Рядом на тележке закрытый котел и в ящике — груда лепешек.

Белогурочка стояла у самой стены, не решаясь выйти на свет, потому что совсем близко, за невидимой преградой, столпились воины. При виде пищи они зашумели, видно, в самом деле проголодались.

Колдун заковылял к тележке.

— Он что, пробу будет снимать? — спросил Теймур.

Колдун открыл крышку котла, и оттуда повалил мясной пар, при виде которого воины за оградой еще более оживились. Колдун ткнул толстым пальцем в Теймура и заверещал.

Теймур понял. Он зачерпнул поварешкой из котла и отхлебнул. Воины, повинувшись знаку Теймура, чуть отошли от входа. Теймур покатиł тележку вперед.

— Вам помочь? — спросил Андрей.

— Нет, не тяжело. Подстрахуйте меня.

— Я подожду, — сказал Андрей.

Он держал руку на бластере.

— Медея! — крикнул Теймур. — Открывай проход. Обед везем.

Зеленые огоньки в проходе погасли. Затем загорелись красным светом.

Теймур лихо вкатил тележку в проход, и воины сдвинулись, гадя, отталкивая его и протягивая лапы к лепешкам.

Андрей увидел, что колдун, видно, удовлетворенный, повернулся и вразвалку побрел внутрь станции.

Андрей решил не уходить, пока поле не будет восстановлено. А где Белогурочка? Андрей поглядел вдоль стены. Именно в этот момент все и началось. Когда Андрей снова поглядел на ограду, Теймура не было. Толпа воинов, лязгая оружием, уже вливалась в проход в силовом поле.

— Закройте! — крикнул Андрей. — Закройте!

* * *

Стало зябко, пикады замолкли, и слышалось лишь завывание ветра и треск огня — горела станция. Оранжевые языки пламени вырыва-

лись из круглых окон и дверей — зрелище было праздничным и даже веселым. Пламя искажало лица, играло на них, и потому Андрею казалось, что все вокруг смеются и гримасничают.

Воины и в самом деле веселились. Они тащили из пылающей станции вещи, назначение которых было неважно — из любой можно извлечь выгоду. Даже в смутном состоянии ума Андрей все же отметил, что у воинов в изобилии мешки, которые они приторочивали к седлам. Значит, вся эта операция заранее подготовлена, может, даже требование накормить воинов — изобретение военного гения вождя. Странно, старался понять Андрей, почему они уверены, что победят?

Только тут он вдруг догадался, что его ведут, вернее, тащат, что его руки обмотаны веревкой. И когда воин, который вел его, дернул за веревку, в голове так отдалось болью, что Андрей взвыл.

И тут же сквозь треск пламени, крики солдат и вой ветра он услышал высокий знакомый голос Октина Хапа. Воин, который тащил Андрея, откликнулся. И веревка ослабла.

Андрей перевел дух. Боль уходила медленно. Где же остальные? Андрей оглядывался, стараясь понять, что же происходит. Вокруг мелькали лишь фигуры воинов.

Воин подергал за веревку, прикрикнул на Андрея. Андрей, чтобы не возвратилась боль, пошел вперед.

И тут он увидел Теймура. Глаза его были полуоткрыты и тускло отражали свет пожара. Он был мертв. Возле него у опрокинутой тележки лежал на боку котел, куски вареного мяса валялись в траве. Еще сохранился запах похлебки. Воин, который тащил Андрея, наклонился и

подобрал из травы кусок мяса, лепешку и сунул в сумку у пояса.

Андрей оглянулся — станция пылала. Неужели он остался один?

— Эй! — закричал Андрей. Он думал крикнуть громко, но голос сорвался. — Эй, кто здесь есть живой, отзовитесь!

Воин окрысился, рванул за веревку, и опять накатилась жуткая боль. Но Андрей все же услышал, как недалеко кто-то откликнулся. Вроде бы голос был мужской.

Чем дальше они отходили от пожарища, тем темнее становилось. Андрей понимал, что находится в сердце потока, который медленно стремится прочь от станции.

Рядом шла мохнатая лошадь, нагруженная мешками с добычей. Соседство Андрея ее смущало, она храпела и косила на него влажным глазом. Перекликались воины, где-то рядом, заслоняя звезды, черной горой покачивался стегозавр, и от его шагов чуть вздрагивала земля.

Вдруг по колонне прошло движение. Спереди донеслись крики. Издали им ответили другие. Воин, который тащил Андрея, остановился.

Рядом возник еле видный в темноте всадник. Андрей почувствовал — Октин Хаш. Он сказал что-то и ткнул Андрея в висок рукоятью нагайки. Засмеялся и растворился в ночи.

Воин снова потащил Андрея. Через несколько метров Андрей понял — куда. Их ждали повозки, запряженные быками. Туда переваливали мешки. Воин забрался на повозку, втащив затем Андрея. Андрей оперся о мешок и поглядел в небо. Ему показалось, что одна из звездочек движется. Может, уже спускается планетарный катер? Сколько прошло с момента нападения?

Повозка дернулась и резко покатилась по ровной степи. Высокие колеса не боялись кочек.

Но трясло ужасно. Андрея вырвало. Страшно хотелось пить, хотя бы прополоскать рот, ныла голова. За день ей досталось дважды.

Воин вынул флягу — сушеную тыкву с водой, вытащил зубами деревянную пробку и поднес ко рту Андрея. В жизни еще Андрей не получал лучшего подарка. Вода была теплой, тухловатой, но это была настоящая вода. Когда Андрей напился, воин рассмеялся. Совсем молодой парень, волосы — гребнем поперек головы, плем ои держал на коленях — умаялся, волоча пленника. В темноте поблескивал панцирь.

Ах, какой предусмотрительный и умный дикарь — Октин Хаш, думал Андрей. Он даже приказал повозкам подъехать ближе к станции, чтобы сподручнее увозить добро! А мы не удосужились понаблюдать за степью, когда к нам прибыли гости. Впрочем, если бы даже и наблюдали, вряд ли встревожились бы. Ну, едут по степи повозки — значит, так надо. Чем могут угрожать повозки великой несокрушимой станции?

Андрей стал слушать — вдруг в звуках этой процессии можно будет различить голоса других пленников?

Процессия была шумная — немилосердно скрипели высокие деревянные сплошные колеса повозок, перекликались воины, свистел ветер, словно вот-вот начнется буря, ухали, тяжело вздыхали быки, хлопали бичи, которыми их погоняли.

Что дикари делают с пленниками? Приносят в жертву своим богам? Заставляют трудиться по хозяйству? А может, меняют на железо? Они сообразительные дикари. У них кинжалы из стальных полос. Откуда на этой планете могут быть кинжалы из стальных полос?..

По небу чиркнула светлая полоса — все ближе и ближе. Она стала настолько яркой, что осветила

всю процессию, как молния близкой грозы. Под волнами дурноты мозг Андрея работал лениво, вяло. Это идет катер с «Граната». Вот он и прилетел. Сейчас рядом окажутся спокойные парни, они велят этим дикарям отойти в сторону, и врач даст Андрею обезболивающее... И будет только стыдно, как он позволил одурачить себя.

Вокруг засуетились люди, крики усилились — даже не зная, что происходит, воины встревожились. Завопили погонщики, подгоняя быков, замельтешили всадники вокруг. Но светлая полоса скрылась за невысоким холмом, там, где слабым розовым заревом осталась станция.

Все правильно, понял Андрей. Они сначала должны опуститься на станцию. Они же не знают, что случилось. Они должны увидеть пожарище, они будут искать людей...

Над шумом поднялся пронзительный голос. Он отдавал команды. И тут же все стихло. Только скрипели колеса и ухали быки.

Караван повернул направо. Теперь все шло еще быстрее, зная, где можно спрятаться. Ну куда же вы спрячетесь? Вы же не можете скрыть своих следов.

— Хэ! — сказал негромко воин, трогая Андрея за плечо.

Впереди горели костры. Их пламя освещало круглые кибитки большого становища.

* * *

Посреди кибитки горел глиняный светильник. Воин, который привел Андрея, не опускал копья.

— Не надейся, наши и сюда заглянут, — сказал ему Андрей.

Воин ответил что-то и ухмыльнулся.

В кибитке дурно пахло. В углу были свалены кучей шкуры.

Полог откинулся, и в кибитку, нагнувшись, вошел Жан. Лоб его был рассечен, и полоса засохшей крови пересекала щеку. Его руки тоже были связаны.

— Жан! — Андрей обрадовался тому, что он не один. — Ты жив!

— Я тебе кричал, — сказал Жан. — Только ты не услышал. А Конрада убили... И Теймурика.

— Ничего, — сказал Андрей. — Успокойся.

Он сделал шаг к Жану, но воин ткнул его в грудь копьем. И тут же в кибитку втолкнули Акселя Акопяна. Тот молча отбивался. Глаз подбит, на щеке синяк.

— Вот нас и трое, — сказал Андрей. — Может, еще кто остался.

— Нет, — сказал Аксель. — Не надейся. Жан, ты здесь?

— Конрада убили, — сказал Жан.

— Наши прилетят, мы их разгоним.

— Они уже прилетели, — сказал Андрей.

— Я видел, — сказал Аксель. — Они нас ищут.

Вошел пузатый кастрат в шубе. Радостно улыбаясь, он уселся на шкуры.

— Объясни ему нашу позицию, — потребовал Аксель.

Но колдун заговорил раньше.

— Он велит нам раздеться, — перевел Жан.

— Это еще почему? — спросил Аксель. — Ты спроси — почему?

— Рабы ходят раздетыми, — перевел Жан.

— Какие мы к черту рабы! — возмутился Аксель. — Пускай он не надеется, что это ему сойдет с рук.

Но толстому колдуну все сошло с рук.

Через несколько минут пленники были раздеты догола. Жан и Андрей разделись добровольно

и безболезненно, Аксель приобрел еще несколько синяков.

Жрец, глядя на эту процедуру, радостно хихикал, ковыряя в носу. Потом в кибитке появился еще один персонаж — голый горбатый мальчишка. Он притащил ворох грязных шкур. В это надо было облачиться. И кувшин с водой. Пленники напились, но не спешили одеваться.

Колдун сказал, что рабам не положено другой одежды. Эта одежда не хуже другой. Шкуры были грязными и кишели блохами.

Андрей встряхнул шкуру, которую взял из вороха. Поднялась пыль. Воины засмеялись. Колдун заверещал фальцетом, отмахиваясь от пыли. Андрей понял, что очень устал. Нервная реакция, глаза закрываются. Он присел прямо на земляной пол. На минуту. И больше ничего не помнил.

Колдун знал травы. Он знал, от какой травы болит живот, а какая затягивает раны. В воде, которую принес горбатый мальчик, был сок сонного корня.

* * *

Андрей все проспал. Он не видел, как горбатый мальчишка притащил серой грязи и этой грязью пленникам измазали лица и голые ноги. Пришел еще один человек, с острыми тонкими ножами. Он смазал им головы жидкой глиной и соскреб волосы, оставив лишь валнки, подобно петушиным гребням, отчего лица пленников изменились. Колдун сам нарисовал черной краской узоры татуировки на плечах и руках спящих пленников и остался доволен своими трудами. Он позвал Октина Хаша, который тоже посмотрел на пленников и сказал, что колдун все сделал правильно.

Пленных перенесли в большую кибитку, в которой держали рабов. Их уложили среди рабов — и они растворились в человеческом месиве: даже взглядываясь в лица, не угадаешь, кто раб, а кто профессор филологии или капитан Космофлота.

Добро же, награбленное на станции, было спрятано в выгребных ямах и колодцах, вырытых под некоторыми кибитками. Предусмотрительные степняки успели вовремя. Над становищем появился планетарный катер.

Его встретили враждебно — десятки всадников мельтешили перед ним, угрожая копытами, кричали и плевали в штурмана. Тот был рад, что он в скафандре высокой защиты.

Штурмана отвели в кибитку, где на возвышении, покрытом шкурами, сидел маленький лысый человек с упрямым подбородком и узкими сжатыми губами, над которыми нависал тонкий нос. Штурман пытался показать знаками, что хочет осмотреть становище. Маленький человек ел мясо, захватывая его с подноса длинными кривыми пальцами. Кости он кидал в угол. Там сидела старая женщина, которая хватала их на лету и ела. Штурман не знал, что это мать Октина Хаша, которую тот кормил из милости.

Наконец маленький вождь поднялся и повел штурмана по становищу. Их сопровождала большая толпа дикарей. Штурман был очень упорным человеком. Он заглядывал во все кибитки, в том числе и в те, где жили рабы. Он видел спящих землян, но ни он, ни люди с «Граната» не отличили их от сотен других рабов. Убедившись, что в лагере нет пленников и ничто не связывает становище с гибелью станции, штурман доложил на «Гранат», что возвращается.

Страшно болела голова. Эта боль и разбудила Андрея. Еще не очнувшись толком, он попытался сжать себе виски и тут понял, что его голова изменилась. На ощупь она была иной. Андрей решил было, что ему снится настойчивый кошмар. В кибитке было полутемно, мутило от тяжелого запаха жилья и плохо выделанных шкур. Рядом кто-то застонал. Андрей приподнял голову — человек, который лежал там, был очень похож на кого-то. Он был грязен, голова уродски острижена, руки татуированы. Человек открыл глаза, и Андрей понял, что это Жан.

Акселя они отыскиали в другой стороне кибитки. Он еще спал.

— Зачем им это нужно? — спросил Андрей.

— Они считают нас рабами, — сказал Жан. — И хотят, чтобы мы выглядели как рабы. В мире должен царить порядок...

— Выглядели как рабы... — повторил Андрей. — А может, они умнее? Может, они боялись, что нас будут искать?

— Не переоценивай их способности, — возразил Жан. — Я тут уже скоро полгода и убежден, что подобные мысли им в голову не могут прийти. Иной уровень развития. Будь они смышленнее, они бы никогда на нас не напали. Это же безумие?

— Безумие!

Завозился, просыпаясь, Аксель. Андрей сказал ему:

— Нас превратили в рабов. Даже головы побрили. Так что не удивляйтесь.

— Что за черт! — Аксель ощупывал голову. — Зачем им это нужно?

— С первобытных времен мозг человека не изменился, — сказал Андрей. — Разница лишь в

характере внешней информации. Октин Хаш знает, как называются травы, умеет ездить на стегозавре и метать дротик. Мы знаем, как работать с дисплеем и включать свет.

— Он не глупее, — возразил Жан. — Он иначе устроен. Он не в состоянии предвидеть последствия своих поступков.

— Интересно, кто же тогда нас одурачил?

— Чего мы сидим? — Аксель подошел к двери кибитки и осторожно отодвинул полог.

Сквозь дверь пробивался сумеречный свет. Сколько же они проспали? Почти сутки?

— С ума сойти, — сказал Жан, словно угадал мысли Андрея.

— Уже вечер. Они нас опои́ли. Надо бежать.

— Куда? — спросил Андрей.

— В степь, к станции.

— Чтобы нас через десять минут догнали?

— Насколько я знаю эту местность, — сказал Жан, — здесь вокруг степь на много километров. В ней полно всяких тварей.

— Так что же, будем сидеть и ждать, пока нас поджарят?

— Я бы предпочел не спешить, — сказал Андрей. — Вернее всего, пока мы спали, здесь побывал катер.

— Так что же они нас не нашли? — обиженно спросил Аксель.

— Я бы сам не отличил вас от рабов.

— Это только предположение, — сказал Жан.

— Надо бежать, — повторил Аксель. — Дождемся ночи и уйдем.

Пришли два воина, принесли котел с вонючей теплой похлебкой. Они поставили котел у входа.

Ели Жан и Андрей. Ели с отвращением, и со стороны их попытки выловить из супа что-либо съедобное выглядели курьезно. Воины покатыва-

лись со смеху. Аксель категорически отказался есть.

— Быть гордым почетно, — сказал Андрей, — но полезнее остаться живым.

— Ценой унижения?

— У меня была тетя, — сказал вдруг Жан. Он отыскал деревянную плошку, вытер ее рукавом и зачерпнул жижи из котла. — Она очень смешно воевала с моей дочерью. На равных. Дочери было пять, а тетке пятьдесят шесть. Понимаешь, они ссорились на равных.

— Я тебя не понял.

— Ты меня не хочешь понять, иначе вся твоя гордость летит к чертовой бабушке.

Аксель отвернулся к стене.

— Если вы не хотите, я убегу один, — сказал он после паузы.

— Знаете, кого вы мне напоминаете? — спросил Андрей. И сам ответил: — Отважного разведчика из старинного романа приключений. Он попадает в плен к врагам и гордо отказывается от угощений и попыток его подкупить.

— Я согласен с таким сравнением, — сказал Аксель.

— А они нам не враги, — сказал Андрей.

— Брюс, — произнес Аксель печально и горько, — вы здесь чужой. Для вас Конрад, Теймур, Медя, Ингрид — лишь имена. Для меня они родные люди. А эти подонки их убили.

— Мы с ними существуем в разных мирах, которые не соприкасаются. А вы стараетесь навязать им свою собственную психологию.

Квалифицированный генетик, надежда факультета, вдруг стал рабом какого-то дикого племени — эта перемена в статусе оказалась для Акселя невыносимой, и Андрей Брюс понимал, что за парнем надо присматривать — он может наломать дров.

— Черт знает что! — Аксель метался по кибитке, заложив руки за спину. — Мне бы бластер! Я бы уничтожил этого Октина Хапа. Если его не остановить, он убьет еще тысячи людей.

— Не родился бы он, родился бы другой, — сказал Жан. — Без этого истории не обойтись. Со временем и здесь додумаются до гуманизма.

— Мы, как старшие братья, обязаны вмешаться.

— И наказывать, если они будут себя неправильно вести?

— Наказывать и поощрять.

— Ты, как выяснилось, гуманный дрессировщик, — заметил Андрей, вытягиваясь на жестких шкурах. Укусила блоха.

— Это старый спор, — сказал Жан. Он сидел на земле и чесался. Видно, тоже одолели блохи. — В Центре уже давно доказали, что естественное развитие цивилизаций благотворнее, так как не создает дуализма в сознании, не готовом к восприятию идеалов.

— Чепуха. Если отнять у них детей и вырастить в нормальных условиях, они будут такими же, как наши дети. Сами же говорите, что мозг человека не изменился, — возразил Аксель.

— Значит, гуманная дрессировка с питомниками для детей. А стоит ли возиться? Может, взрослых ликвидировать?

— Зачем путишь? Разве время шутить?

— Всегда время шутить, — сказал Андрей.

Он поднялся — заели блохи.

За стенкой кибитки слышались крики, свист, хохот — происходило что-то очень интересное.

Андрей подошел к пологу, приоткрыл его. Часовых у входа не было. В плечо дышал Аксель.

Зрелище было и в самом деле внушительным.

Несколько коней, словно лилипуты Гулливера, тащили по лагерю тушу динозавра. Туша была метров пятнадцать в длину, и толстый у основания хвост тянулся по пыли еще метров на десять. Вокруг туши прыгали ребятишки и суетились женщины. Тушу бросили на площади посреди становища. Появился жирный колдун. Его помощник нес за ним короткий широкий меч. Толпа загомонил в предвкушении зрелища.

Колдун взял меч и остановился у брюха динозавра.

Он стоял так довольно долго, и толпа криками подбадривала его.

Затем он сделал резкое колющее движение мечом, и меч вошел по рукоять в тушу динозавра. Взявшись за рукоять обеими руками, колдун старался распороть грудь чудовища. Ему было трудно — надутое лицо стало мокрым от пота.

Отбросив меч, колдун сунул обе руки в тушу и резким движением вырвал сердце динозавра. Сердце было большим, тяжелым, оно обвисло в руках жреца. Толпа завопила от восторга.

— Трудно привыкнуть, — сказал Жан за спиной Андрея.

— Зачем привыкать?

— Не хочется доживать век рабом Октии Хаша.

С двух сторон к старому колдуну подскочили воины и подхватили тяжелое сердце. Подняв его на руки, — кровь капала им на лица и плечи, — они понесли его Октию Хашу.

Тот вытащил кинжал, склонился, отрезал полоску мяса и поднес ко рту. Он жевал, а толпа прыгала от радости.

— С ними ты собираешься воевать? — спросил Андрей, обращившись к Акселю.

Аксель исчез.

— Жан, где он? — спросил Андрей.

Жан откинул полог и заглянул в кибитку.

— Там его нет, — сказал он.

— Так я и думал. Он сбежал!

Прямо над головой раздался резкий крик. Октин Хаш подъехал незаметно. Его рот был измазан кровью.

Жан тихо ответил.

— Что он спросил?

— Он спросил, где третий. Я сказал, что скоро вернется. У него болит живот, а он не хочет гадить в кибитке.

Октина Хаша ответ не удовлетворил. Он громко свистнул. Тут же все в лагере позабыли о динозавре. Поднялась суeta, словно в муравейник капнули кипятком. Воины затолкали пленников в кибитку.

— Идиот! — Жан ударил кулаком по центральному шесту кибитки. — Мальчишка!

Неожиданно, как будто остановились часы, суматоха улеглась. Один из воинов, что стояли в дверях кибитки, сказал что-то.

— Он говорит — поймали, — сказал Жан.

Октин Хаш вошел в кибитку.

— Плохой раб не нужен хозяину, — сказал он, глядя на Андрея и чуть улыбаясь. — Ты понимаешь, вождь.

Жан добавил от себя:

— Я боюсь, что его убили.

— Я тоже, — сказал Андрей.

Октин Хаш спокойно слушал, как разговаривают пленники. Когда он решил, что пленники поговорили достаточно, он сказал длинную фразу, которая привела в смущение Жана. Тот начал спорить. Октин Хаш почти игриво погрозил ему нагайкой и ушел.

— Что еще он придумал?

— Он сказал, что ты поедешь с колдуном к святилищу ведъм. Ты вождь. Тебя ждут ведъмы.

А я останусь здесь. Я ему сказал, что мы не хотим разлучаться.

— Что это за святилище?

— Я там не был. Это где-то в горах. Судя по съемкам, там ничего интересного.

Смеркалось, в кибитке был полумрак, у двери чернели неподвижные силуэты воинов. Андрею почудилось, что в дальней стороне кибитки стоит Аксель. Но это была лишь память об Акселе. Андрею хотелось верить, что Аксель жив — только отделен от них. И потому они с Жаном не говорили о нем.

— У тебя есть план? — спросил Жан.

У Жана была странная привычка — разговаривая, он потирал руки, словно готовился рассказать очень смешной анекдот.

— Дождемся ночи. Я думаю, они все будут спать. Нам надо добраться до лошадей. Без них нас сразу догонят.

— Я никогда не ездил на лошади, — сказал Жан виновато.

— Другого выхода нет. Мы должны рассчитывать на то, что за планетой наблюдают с корабля.

— А как мы дадим о себе знать?

Андрей пожал плечами.

Полог откинулся, показав зеленое вечернее небо. Громоздкий силуэт колдуна закрыл небо. Визгливый голос наполнил кибитку.

— Он говорит, — в голосе Жана было отчаяние, — чтобы ты выходил.

— Значит, планы несколько изменились, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос его звучал бодро. — Ты жди меня. Все кончится хорошо.

Жан подошел к Андрею. Его глаза в полутме казались черными колодцами. Жану было страшно. Он никогда в жизни не оставался один среди тех, кому все равно — жив ты или нет.

Жан протянул руку — холодную и влажную. Они обнялись. Колдун покачивался в дверях. Жан дошел с Андреем до выхода. Дальше его не пустил воин.

Группа всадников ждала на пыльной площадке. Андрею и колдуну подвели коней. Ноги Андрею связали под животом коня. Рядом ехали воины.

Обернувшись, Андрей увидел, что в становище царит оживление. С некоторых кибиток стянули шкуры — остались лишь громадные клыки мастодонтов. Пыль от конских копыт завилась смерчем.

На «Гранате» тоже видели этот клуб пыли — серое пятно на темной равнине. Дежурный дал максимальное увеличение — отряд состоял из степняков, их можно было угадать по одежде и странным прическам. Дежурный понял, что из становища отправились разведчики, может, охотники. И отметил этот факт в журнале наблюдений.

Отметил он также и то, что, едва стемнело, другие всадники отправились из лагеря, в котором укрывались остатки стаи Белого волка. Приблизившись к становищу Октина Хапа, они замедлили движение, поднялись на пологий холм невдалеке от становища и там спешились.

Дежурный с интересом наблюдал за этими перемещениями. Как странно, думал он, я вижу этих людей с немыслимой для них высоты. Для меня они точки, муравьишки в темной бескрайности степи. А каждый из них — особый мир. У кого-то из всадников болит зуб. А другой думает о своих детях, оставшихся в становище. Или проклиная вожда, который послал его на ночь глядя в дорогу. Эти дороги в степи могут привести к смертельной стычке. Будут свистеть стрелы, а я их не услышу. И кто-то из всадников

будет корчиться в траве, обливаясь кровью, и встретится, не зная об этом, последним взглядом со мной.

* * *

Через полчаса отряд перешел на шаг. Степь казалась огромной чашей, наполненной парным зеленым воздухом и ароматом теплых трав. Здесь, на открытом пространстве, цикад было куда меньше и их пение не заглушало иные звуки — далекий рев и уханье какого-то зверя, возникший из ничего и угасший вдали топот множества копыт, визг настигнутого совой грызуна... Спереди загорелись фонариками зеленые глаза.

— Йний-хо! — завопил воин, что ехал рядом с Андреем, и ударил пятками в бока коню. Тот рванулся вперед. Воин метнул копьё, раздалось рычание. Огоньки исчезли.

Толстый колдун, оседлавший коня, заговорил тонко и быстро. Он склонил голову, чтобы взглянуть Андрею в глаза, словно не мог допустить мысли, что на свете есть люди, не понимающие его.

— Что ж тебе сказать? — ответил Андрей по-русски. — Меня тоже интересует, куда мы едем на ночь глядя? Наверное, вы торопитесь, если не легли спать, как положено людям.

— Хо! — сказал колдун, словно был удовлетворен ответом.

Потом ехали молча. Воины не разговаривали. Они настороженно прислушивались к звукам ночной степи, непонятным для Андрея.

Впереди показалось темное пятно — воины увидели его раньше, чем Андрей. Заговорили. Воин оттянул нагайкой коня, на котором ехал Андрей, чтобы тот не отставал.

Через несколько минут отряд приблизился к

куще деревьев. Они окружали низину, в которой, журча по камешкам, бил родник.

Зашелестела листва — в воздух поднялись испуганные летучие мыши. От деревьев в степь ринулись маленькие антилопы. Несколько воинов поскакали за ними, стреляя из луков. Большая змея, приминая траву, скользнула у самых ног коня — тот встал на дыбы, захрапел, и воин еле успел поддержать Андрея.

Воины спешили. Видно, решили остановиться на ночь. Андрей был несказанно рад. Связанные ноги затекли, и все тело ломило: на коне он не ездил лет десять, без седла — никогда. Когда ему развязали ноги, он упал, и воины долго смеялись.

Колдун достал кремень, трут и стал выжигать огонь. Воины притащили сухие ветки. Скоро разгорелся костер.

Странно, подумал Андрей, какого черта они выехали вечером и через три часа остановились на ночевку? Почему не отправиться в путь с утра?

Где-то шумела речка — ночью звуки разносятся далеко. Воины развязывали мешки, что висели у них на поясах, доставали еду. Никто не подумал накормить Андрея. Ему хотелось одного — вытянуться во весь рост и утихомирить боль в ногах и спине.

Не спалось. Усталые мысли крутились вокруг возможности убежать.

Они меня не связали. Может, забыли. Или не считают нужным. От становища ехали степью, ровно, без ориентиров. Проехали километров тридцать. Если даже с корабля сканируют поверхность планеты, меня не заметили. Да и как заметишь — я не отличаюсь от прочих степняков. Надежда одна — дать знак на орбиту. Все это благие мечтания в духе романтиков. Допус-

тим, я увел коня, допустим, мне удалось уско-
каться — как я укроюсь от погони, если они знают
каждый уголок степи?

Воины сидели у костра и тихонько завывали.
Толстый колдун хлопал в ладоши и порой взвиз-
гивал.

Андрей пошевелил пальцами ног — вроде бы
ноги отошли. Он не спеша поднялся, как подни-
мается дрессировщик в обществе еще не укро-
щенных тигров: главное — не спугнуть.

Колдун посмотрел на него, что-то спросил.
Андрей выразительно показал, что ему надо по
нужде. Колдун кивнул — понял. Один из воинов
поднялся, подобрал с земли копые и пошел
следом за Андреем, не спуская с него глаз.

Когда Андрей вернулся, колдун протянул ему
баклагу с водой. Воин связал ему ноги и руки.
Они не хотели рисковать.

Хорошо герою приключенческого романа. Он
обязательно перетрет узы о кстати попавшийся
корень и на быстром коне умчится навстречу
ветру, где его ждут друзья. Андрей подвигал
руками. Веревка была замотана надежно.

Костер догорал. Один из воинов улегся рядом
с Андреем. Колдун сидел у затухающего костра,
как нахохлившийся пушистый птенец. О чем он
думает? Может, о смысле жизни? Андрей устро-
ился поудобнее. Какое-то насекомое пробежало
по руке. Воин поднялся и пошел к краю леса, в
дозор. Шумела речка. Что-то пропурпало в
траве. Вот ты и путешествуешь по экзотической
планете, капитан Брюс. Несколько неожиданным
образом. Андрей беспрестанно шевелил кистями
рук, чтобы ослабить веревку. Не потому, что
надеялся чего-то этим достичь — тело требовало
действий... Пропал без вести, напишут обо мне.

Когда все тело насторожено, мозг оставляет бодрствовать малый свой участок, и от любого прикосновения, от звука ты просыпаешься, но остаешься недвижим. Ты среди врагов...

Андрей проснулся, но не открыл глаз. Он ждал. Чья-то рука ощупала его лицо. Пальцы были жесткими. Потом к уху прикоснулись теплые губы, и, как дуновение ветра, слышался шепот:

— Андрей.

Андрей открыл глаза и очень осторожно повернул голову. Начинался рассвет, воздух был синим. Он увидел рядом чью-то голову, блестят, отражая свет звезд, глаза.

— Тихо, тихо, — прошептала Белогурочка.

Андрей заметил, как блеснуло лезвие ножа. Нож врезался в веревку. Он быстро и легко пилил ее. Веревка лопнула, лезвие соскочило и полоснуло по руке. Было почти не больно, но сразу пошла кровь. Андрей прошептал:

— Ноги тоже.

Тень заслонила звезды — Белогурочка склонилась к ногам.

— Ползи за мной, — сказала она, выпрямляясь.

Белогурочка держала его за руку и тянула за собой.

Андрей медленно приподнялся, и колено натолкнулось на руку воина, спавшего рядом. Он еле подавил крик, метнувшись в сторону.

— Не бойся, — шепнула Белогурочка. — Он не живой.

Вот и край леса. Степь была серебряной от света луны. Прямо перед ним стоял всадник, слишком большой на фоне неба.

— Это мой брат, — сказала Белогурочка.

Всадник держал на поводу двух коней.

— Только не верхом! — чуть не вырвалось у Андрея.

Без стремени забираться на коня было неудобно. Андрей сорвался. Конь переступил копытами и вдруг заржал. Брат Белогурочки рванул Андрея за локоть, помогая взобраться на коня. Получился шум. В то же мгновение сзади из рощи раздался крик.

— Скорее! — крикнула Белогурочка. И что-то еще, отрывисто, брату.

— Ийиех! — крикнул тот. — Ийиех!

Его крик потонул во взрыве конского топота и оглушительных воплях. Из степи неслись навстречу всадники. Конь Андрея закрутился на месте. Белогурочка, которая уже твердо сидела верхом, вцепилась в гриву коня и повлекла его за собой, навстречу всадникам, которые пролетели совсем рядом, стремясь к роще. Андрей и Белогурочка поскакали прочь.

— Это мои! — крикнула Белогурочка.

Сзади неслись вопли, звон клинков, визг, ржание коней. Белогурочка скакала впереди. Андрей за ней. Его конь сам знал, что ему делать. Андрею надо было лишь удержаться на нем.

Степь пошла под уклон. Внизу было неровное море тумана, и Белогурочка постепенно проваливалась в него. Туман подступал к брюху коней, затем невесомой мутью скрыл Белогурочку по пояс, по грудь, по шею — с головой. И она пропала в тумане. А потом ничего не было видно. Только стук копыт спереди и крики сзади.

— Осторожно! — крикнула Белогурочка из тумана. — Будет вода!

Конь слушался плохо, словно понимал, что его всадник неуверен.

Вода журчала рядом. Сквозь журчание прорвался всплеск, покатылся камень. Туман

отнесло ветром, и Андрей увидел, что впереди широкая беспокойная полоса воды, сквозь неглубокий слой которой видны обкатанные камни. Конь ступал осторожно, камешки расползались под копытами. Быстрая вода бурунами вскипала у ног.

— Эй! — негромко окликнула его Белогурочка. — Ты живой?

— Все в порядке, — сказал Андрей.

Переправа через речку, оказавшуюся хоть и мелкой, но очень широкой, заняла много времени. Потом берег полого пошел вверх, и еще через несколько минут они выбрались из тумана.

Звезды потускнели, у горизонта тянулась розовая полоса — собиралось взойти солнце. Было такое ощущение, словно поднялся над облаками — ватный покров тумана скрывал землю и съедал звуки.

Белогурочка прислушалась. Андрею казалось, что ни один звук не вырывается из-под белой ваты. Но она все же слышала. Сказала:

— Можно немного отдыхать.

— Как ты меня нашла? — спросил Андрей.

— Наш человек смотрел за вами.

Быстро светало. Словно отдохнув за ночь, в мир возвращались краски. Лоб Белогурочки был перетянут металлическим обручем, украшенным аметистами, за обруч заткнуто большое синее перо, словно Белогурочка играла в индейцев. Она походила на мальчишку. Волосы острижены коротко, торчат бобриком, тонкий нос с горбинкой, раздутые ноздри, впалые щеки, глаза внимательные, настороженные. На Белогурочке была черная кожаная куртка с нашитыми на нее костяными пластинами, короткая юбка доставала до середины бедер. Руки обнажены, за широким поясом два ножа.

— Они за нами гонятся? — спросил Андрей.

— Не сейчас. Позже. Но они не успеют.

— Объясни, — сказал Андрей. Ему очень хотелось сойти с коня — он все-таки не создан для верховых прогулок. Но перед девушкой было неловко признаваться в этом. Она казалась девицей-кентавром — одно целое с конем.

— У нас мало воинов, — сказала Белогурочка. — Совсем мало. Сколько пальцев на руках. Понимаешь?

— Десять.

— Десять. И еще два. И отец мой больной. Отец сказал: Октин Хаш нарушил мир. Октин Хаш — враг. Враг наш и наших друзей. Ты понимаешь? Он убил господина Конрада. Он убил Медею. Он увел в плен трех мужчин.

— Акселя убили?

— Акселя убили. А мы не могли убить Октина Хаша. У него много людей. Они смотрят. Потом мой брат прискакал и говорит: того, кто прилетел вчера, повезли к святилищу ведьм. С ним две руки воинов и колдун, который не мужчина. Тогда я сказала: мужчина, который прилетел вчера, — великий вождь Андрей. Отец болен. Нам нужен новый вождь. Ты будешь мой мужчина. Ты понимаешь?

— Почти все, — сказал Андрей, сдерживая улыбку. Он и не подозревал, что его судьбой намерен распоряжаться не только Октин Хаш.

Белогурочка угадала улыбку в его глазах.

— Не смейся! — Она ударила коленями коня, и тот взвился на дыбы. — Ты будешь смеяться, я тебя убью. Нельзя смеяться надо мной. Духи увидят, что смеются над дочерью вождя, и будет позор нашей стае.

— Я не смеюсь, — сказал Андрей. — Рассказывай дальше.

— Мы догнали вас у маленького леса, где надо спать.

— Почему мы выехали вечером? — спросил Андрей. — А потом остановились?

— Это ясно, — сказала Белогурочка. Почему-то она полагала, что ясное ей должно быть ясно Андрею.

Она замолчала, прислушиваясь. Последние звезды погасли, где-то в тумане у воды глухо запела птица.

— Все, — сказала Белогурочка. — Катурадж.

— Что?

— Катурадж — это значит: прощай, — сказала девушка.

— С кем ты прощаешься?

— С братом, — сказала Белогурочка. — Его больше нет.

— Он умер?

— Он ушел туда. — Белогурочка показала вверх, к редким перистым облакам.

Лицо ее было спокойным. Непонятно было, горевала она или смирилась с неизбежным.

— Это все я придумала. Как я тебя разбужу и выведу. Один человек рядом с тобой проснулся. Я его убила. Я тебя вывела. И мои братья напали на колдуна и его людей. А потом поскакали в другую сторону. Колдун думает, что ты вместе с ними. И они скачут за моими братьями. А мы перешли реку.

— Они догнали братьев?

— Они догнали одного брата... другие ускакали.

— Ты так далеко слышишь?

— Я слышу тут, — она показала себе на грудь. — А тут, — она показала на ухо, — я слышу, как колдун и его люди вернулись в маленький лес и теперь ищут наши следы. Скоро они поскачут сюда.

— Нам надо спешить?

— Подожди. — Белогурочка соскочила на

землю. К куску кожи, который заменял ей седло, была приторочена сумка. Она достала оттуда два куска вяленого мяса. — Мы будем есть.

Андрей подчинился. Он не понимал, почему сначала они так спешили, а теперь должны ждать.

— Нас не догонят? — спросил он.

— Немного не догонят, — сказала Белогурочка.

Она уселась, скрестив ноги, на покрытую росой траву и принялась отхватывать куски мяса белыми крепкими зубами.

— Ешь, — сказала она, заметив, что Андрей держит мясо и прислушивается. — Ты мужчина, тебе не должно быть страшно.

— Согласен, — сказал Андрей. — А зачем меня повезли в это... святилище?

— В святилище ведьм? Ведьмы тебя ждут. Ты особенный. Ведьмы будут довольны. Они помогут Октину Хашу.

— Очень приятно, — сказал Андрей.

— Это неприятно. — Белогурочка не шутила. — Потом тебя отдадут великой рыбе. Катурдж.

— Ты не хотела, чтобы меня отдали ведьмам?

— Зачем нам мертвый вождь? — удивилась Белогурочка.

— Ты права, — согласился Андрей.

Туман уполз, словно втянутый рекой. Открылся дальний берег. Он полого поднимался, переходя в ровную степь, и далеко, у самого горизонта Андрей различил темное пятно — рощу, где он ночевал. У того берега, погрузившись по колени в воду, стоял небольшой ящер и лениво поводил головой, словно раздумывал, то ли ему окунуться, то ли лучше погреться на солнце, край которого уже показался над горизонтом.

Вдруг ящер резко поднял маленькую изящную змеиную голову. Андрей поглядел вдаль и увидел, что от рощи к реке скачут маленькие всадники.

— Смотри, Белогурочка! — сказал Андрей. Он отбросил недоеденный кусок мяса и сделал шаг к коню.

Конь тоже насторожился. Его ноздри трепетали.

— Я слышу, — сказала Белогурочка. Она подобрала с земли кусок мяса и спросила: — Ты не будешь есть?

— Нет.

— Не кидай мяса, это пища. Его надо класть в сумку, если не доел. — Она говорила голосом старшей сестры, которая вынуждена втолковывать простые вещи неразумному братцу.

— Ты почему стоишь?

— Сюда не достанет, — сказала Белогурочка.

Ящер побежал от воды навстречу всадникам. И тут Андрей услышал нарастающий шум — глухой и непонятный, в нем была такая грозная настойчивость, что Андрей замер, глядя туда, где в остатках тумана нечто огромное и несокрушимое двигалось вверх по течению. Он даже непроизвольно отступил на несколько шагов вверх по склону, но остановился. Белогурочка не двинулась с места.

Всадники заметили беглецов. Они стали осаживать коней. Один из них поднял лук и выстрелил через реку. Стрела не долетела до Белогурочки. Тогда самый отчаянный из воинов ударил коня хлыстом, тот подчинился хозяину и помчался.

Словно разворачивая гигантский сверкающий ковер, округлым валом поднималась волна, выталкивая пеной мирно журчащий слой воды.

Всадник, который столь неосмотрительно под-

скакал к воде, разворачивался. Конь перепугался, крутился на месте, когда вал уже был близко, он сбросил всадника, их обоих подхватила вода, закрутила... Андрею почудилось на секунду, что голова лошади показалась в пене, но вал уже промчался дальше, и вода успокаивалась. Река стала вдвое шире. Угасающий грохот волны дополнился звонким смехом Белогурочки.

— Ты что? — спросил Андрей, все еще потрясенный.

— Ты видел, как смешно? — сказала она, вытирая слезы. — Иеех! И нет его.

— Не знаю, — сказал Андрей. — По-моему, это не смешно.

— Он был враг, — пояснила Белогурочка.

— Скажи, — спросил Андрей, — а далеко отсюда море?

— Море?

— Большая вода. Очень большое озеро, которому конца не видно.

— Большая вода — полдня пешком.

— Волна приходит каждый день?

— Каждый день. На рассвете.

— Значит, каждый день на рассвете по реке проходит приливная волна. И все об этом знают. Поэтому колдун выехал вечером, чтобы до утра успеть перейти реку. И ты не боялась, что они нас догонят.

— Конечно, — сказала Белогурочка равнодушно. — Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

— Что же дальше?

— Дальше мы пойдем к месту, где гора разрезана кинжалом, — сказала Белогурочка. — Там будут ждать мои братья. Пора.

Она показала на тот берег. Воины Октина Хапа сошли с коней и собрались в круг. Над ними поднялась тонкая струйка черного дыма. Она становилась гуще и поднималась все выше.

Потом колдун что-то кинул в костер, и дым стал оранжевым.

— Что они делают? — спросил Андрей.

— Это знак, — сказала Белогурочка. — Они дают знак своим людям на этом берегу. Они видят знак и спешат нас схватить.

— Понял, — сказал Андрей.

На этот раз он с первого раза вскочил на коня. И конь, видно, привык уже к нему.

Вскоре преследователи скрылись из глаз, но столбы черного и оранжевого дыма виднелись еще долго.

* * *

Кони трусили довольно резво, утро было прохладным и влажным. Травы щедро делились с воздухом своим ароматом. Яркие бабочки и громадные стрекозы реяли над травой. Одна из стрекоз, крылья в полметра, лениво уходила от археоптерикса, который раз за разом промахивался, обманутый неспешностью стрекозиноного полета. Белогурочка направлялась не прямо к холмам, а держалась недалеко от реки. Андрей поравнялся с ней, и они поехали рядом.

— Я не хочу прямо, — сказала она. — Они думают, что мы поедем прямо. Они там идут.

Она показала в сторону холмов.

— Нам долго ехать? — спросил Андрей.

— Долго. Только не очень. Твоя стая погибла, — сказала Белогурочка. — Теперь ты в стае Белых волков. Мой отец умрет, ты будешь наш вождь. Хорошо?

— Я думаю, что моя стая не погибла, — сказал Андрей. — За нами прилетят.

— Это хорошо, — сказала Белогурочка. — Они придут, и мы вместе убьем Октина Хаша.

Не было смысла разубеждать.

— У Октина Хапа остался Жан, — сказал Андрей. — Мне надо его освободить.

— Его, наверное, не убьют, — сказала Белогурочка. — Октин Хаш его будет держать. Жан знает язык. Он колдун.

Андрей поверил Белогурочке. Это было разумно — переводчик пригодится Октину Хапу, предусмотрительность которого порой поражала. Но тут же Белогурочка разрушила иллюзию.

— Только теперь он, пожалуй, отдаст Жана ведьмам, — сказала она задумчиво.

— Почему?

— Ты большой вождь. Тебя хотят ведьмы. А если тебя нет, кого им отдать? Надо взять другого. Очень просто.

— Жана принесут в жертву вместо меня?

— Больше у него нет людей из твоей стаи, — сказала Белогурочка. — Очень жалко Жана. Он хороший. Он меня учил.

— Мы можем его освободить?

— Я не знаю, — сказала Белогурочка. — У нас нет людей. Совсем мало моих братьев. Они согласились освободить тебя, потому что я сказала, что ты мой мужчина и великий вождь.

— Жан тоже будет мужчина в нашей, в вашей стае.

— Ты не умный. — Белогурочка нахмурилась. — Чтобы освободить Жана, надо, чтобы погибли все мои братья.

— Но почему они должны погибнуть?

— Потому что Октин Хаш сам повезет Жана к святилищу. Он не хочет два раза ошибиться. Нельзя сердить ведьм.

— Когда Октин Хаш поедет к этому святилищу?

— Он идет медленно. Много повозок, много людей — идут медленно. А тебя послали вперед, чтобы быстро. Надо понимать!

Белогурочка ударила пятками по бокам коня, и тот поскакал быстрее. Конь Андрея припустил за ним.

Дикая, тупиковая ситуация. Оказывается, своим освобождением он ставит под угрозу жизнь Жана. Черт бы побрал эту планету!

— Скорей! — крикнула Белогурочка. Она гнала коня к небольшому крутому холму, который, как темя ушедшего в землю великана, поднимался над степью.

В голосе ее чувствовалась тревога. У Белогурочки была замечательно организованная нервная система — она переживала ровно столько, сколько необходимо. Ни секунды более. Дополнительные тревоги, которые с помощью воображения взваливает на себя цивилизованный человек, ее не мучили.

Кони, быстро дыша, внесли их на холм.

— Смотри, — сказала Белогурочка.

Андрей ничего не видел.

— Ты как старый слепой старик, — сказала Белогурочка. — Как ты стал вождем, если ты такой глупый?

И тут Андрей увидел. По степи, раздвигая высокую траву, плыла бурая туша.

— Сколько мяса! — произнесла Белогурочка. — Сколько хорошего мяса! Его трудно поймать.

Огромный мастодонт — туша на толстых ногах, хобот вытянут вперед, трехметровые бивни торчат кверху — приближался к холму. И только тогда Андрей увидел преследователей. Сначала ему показалось, что это большие обезьяны, рыжие и серые. Они бежали, порой становясь на четвереньки, а порой выпрямляясь и передвигаясь на двух ногах. Бежали они молча, и степь, столь оглушительно певшая, замолкла и пережидала погоню.

Когда мастодонт приблизился, Андрей понял, что эти существа слишком велики и слишком легко передвигаются на двух ногах, чтобы быть обезьянами.

— Уууш, — прошептала Белогурочка. — Очень плохие.

Мастодонт выдыхался, лишь ужас гнал его вперед. Один из преследователей обогнал его и, подпрыгнув, ухватился за бивень. Мастодонт задрал голову вверх, и преследователь взлетел высоко над землей, но не ослабил хватки. Как бы повинуясь этому сигналу, остальные кинулись на мастодонта, хватая его за ноги, взбираясь на спину, и тот, как жук, облепленный муравьями, волочил врагов вперед, и в этом была безнадежность жертвы, которая почуяла близость смерти.

Андрей заметил, что у одного из охотников, который вцепился в загривок слона, в руке большой острый камень и он быстро и яростно долбит этим камнем основание шеи мастодонта. Оттуда фонтаном брызнула густая, почти черная кровь. Слон как-то сразу ослаб, перешел на шаг и упал метрах в двухстах от холмика, на котором стояли люди.

— Скорей, — прошептала Белогурочка, — пока они заняты.

Они начали спускаться так, чтобы холм остался между ними и обезьянами. Андрей обернулся и увидел морду, вернее, лицо обезьяны — одна из них услышала стук копыт и поглядела им вслед.

Это была не обезьяна. Но и не человек.

— Питекантроп? — произнес вслух Андрей.

— Они очень плохие, — сказала Белогурочка, оборачиваясь и торопя коня. — Хорошо, что они заняты. Они бегают как кони. Если им попадается человек, они его убивают и едят.

— А вы их убиваете? — спросил Андрей.

— Конечно, убиваем, — сказала Белогурочка. — Они же плохие. Когда наша стая была большая и сильная, мы один раз делали большую охоту. Я пять стрел пустила в одного, а он все равно хотел меня убить. Это была большая охота, йех!.. Только мясо у них совсем невкусное.

Андрей еще раз обернулся. Холм скрыл от них питекантропов.

Степь снова оживала, наполняясь гулом и пением насекомых и птиц. И казалась пустынной, лишь далеко, у самого горизонта, паслись какие-то крупные животные.

— Андрей, — сказала Белогурочка, — возьми. Она передала ему нож. Нож был железный.

— Откуда вы их берете? — спросил Андрей. — Разве вы умеете делать такие ножи?

— Нет, — сказала Белогурочка. — Мы их меняем на разные вещи.

— У кого?

— Раньше, когда не было Октина Хапа, мы посылали людей к святилищу ведьм. Ведьмы давали нам ножи и другие железные вещи. А теперь мы не можем туда идти. Только Октин Хаш ходит туда. У нас осталось мало стрел и ножей.

— А откуда железо у ведьм?

— Разве кто знает? Ведьмы делают его, правильно?

— Вот это меня и интересует, — сказал Андрей.

— Мы туда не пойдем, — сказала Белогурочка твердо.

— Но нам надо освободить Жана.

— Я могла спасти тебя, потому что у колдуна было мало людей. А Жана спасти нельзя. Как ты будешь воевать со всеми воинами Октина Хапа? Они тебя убьют. У них столько стрел, что

тебя превратят в большого ежа. Вот сколько будет из тебя торчать стрел.

Они ехали без происшествий еще часа три. Стало жарко. Ветер утих, небо стало белым и горячим. Кони плелись еле-еле.

— Они пить хотят, — сказала Белогурочка.

— Мне тоже хочется, — сказал Андрей.

— Скоро будет вода. Надо ждать. Ты как маленький. Разве мужчина говорит, что хочет спать и есть?

— А женщины говорят?

— Только рабыни, — сказала Белогурочка, и по ее тону было ясно, что она не рабыня.

Горы приблизились и постепенно потеряли прозрачность голубизны. Они оказались палевыми, выцветшими.

— Мы там будем ждать, — сказала Белогурочка. — Туда придут братья. Теперь уже недалеко.

Копыта коней зацокали по твердому. Перемена в звуке была столь неожиданна, что Андрей вздрогнул. Оказалось, что они выехали на дорогу. Дорога была старой, в трещинах бетона проросла трава.

— Погоди, — сказал Андрей, останавливая коня и спрыгивая на бетон.

— Нам надо спешить, — сказала Белогурочка. — Зачем ты слез?

— Мне надо поглядеть, — сказал Андрей. — Эта дорога куда идет?

— Я не знаю.

— Она здесь давно?

— Глухой, это старая дорога. Она здесь всегда.

Андрей отколупнул кусочек бетона. Бетон был стар и крошился.

Андрей посмотрел вперед — дорога пропадала в высокой, в рост человека, траве. Он обернулся — дорога терялась в зелени.

— Это очень интересно, — сказал он, взбираясь на коня. — А другие дороги здесь есть?

— Такие дороги? Есть. А что?

— И вы никогда не задумывались, кто их проложил?

— Мы знаем. Это старые люди. Те, что жили здесь до нас.

— А куда они делись?

— Я же сказала — старые люди. Они умерли. Это все знают.

Они поехали дальше по дороге. Порой она совсем пропадала в траве и в кустах, порой попадался сохранившийся отрезок. В одном месте дорога пересекла рощицу. Раскидистое дерево росло посреди бетона. Дереву было лет сто, не меньше.

Белогурочка дорогой не интересовалась, она была настороже, поглядывала по сторонам.

— Ты чего боишься? — спросил Андрей. — Зверей?

— Я ничего не боюсь, — сказала Белогурочка. — Но нас ищут. Вся степь знает, что я тебя украла.

— Скажи, а ты никогда не видела домов? Не таких, как твой дом, а домов, сделанных из камня.

— А зачем дом из камня? — удивилась Белогурочка. — Как ты его сложишь, когда хочешь откочевать?

— А может, старые люди не кочевали? Ведь мы не кочуем.

— Вы не кочуете? А зимой, когда звери уходят на юг в теплые места? Когда снег? Что вы будете кушать? Надо откочевать.

— Значит, не видела?

— Поехали скорей, — сказала Белогурочка. — Мне не нравится.

— Что тебе не нравится?

— Не нравится, и все тут! — Белогурочка

поскакала вперед, ударяя голыми пятками в бока своего коня, и Андрей хотел было последовать за ней, но тут увидел на дороге в широкой трещине нечто блестящее.

— Погоди! — крикнул он Белогурочке. — Одну секунду!

Соскочив с коня, он побежал назад.

Так и есть. Он вытащил из трещины несколько небольших, как горошины, металлических шариков. Их поверхность была совершенно гладкой, коррозия их не тронула. Даже самый умелый кузнец не смог бы выковать или отлить такой шарик. Теперь у него не оставалось сомнений, что на этой планете раньше жили иные люди. Святилище ведьм приобретало особый интерес. Может, оно связано с памятью о пришельцах. Может быть, именно там и можно будет придумать, как дать о себе знать.

Белогурочки не было видно — высокая, в человеческий рост, трава скрыла ее. Конь, не дожидаясь Андрея, пошел вслед за Белогурочкой, и Андрею пришлось бежать за ним, на бегу придумывая, куда бы спрятать шарики, — карманов на шкуре не было. Конь подпустил Андрея на несколько шагов, но тут же передумал и потрусил прочь. Запихав шарики за щеку и невнятно мыча, Андрей помчался следом.

— Эй! — крикнул он, и голос его угас, заглушенный травой и размытый густым жарким воздухом.

Ему показалось, что спереди донесся крик. Трава стояла неподвижная и густая, жужжали мухи, у ног скользнула ящерица с громадной головой. Под ногами была жесткая земля. И вдруг он понял, что, если Белогурочки нет, он навсегда останется в этом травяном лесу. И Андрей испугался. Испугавшись, он остановился и постарался думать трезво.

Просчитав до ста и ничего не услышав, Андрей двинулся вперед. Он постарался представить себе направление, в котором они двигались. Солнце должно быть градусом в тридцати слева по направлению движения. Там холмы. Там ждут братья. Дорога должна быть рядом, дорога очень важна.

Заржал конь. Его конь? Совсем близко. Стучат копыта. Глухо, все ближе.

Андрей обернулся и увидел, что к нему медленно едет всадник. Кожаная черная куртка, короткая меховая юбка, волосы гребнем, как и у Андрея, на шее ожерелье из желтых зубов, в руке копьё.

Кто он? Воин Октина Хаша или родственник Белогурочки? Андрей подавил в себе мгновенное желание нырнуть в траву и скрыться. Он понял, что с коня он будет виден. Потому стоял, положив ладонь на рукоять кинжала.

— Фррре, — радостно сказал воин. Словно встретил старого друга.

Он поднял копьё. Значит, это не брат Белогурочки. Тот не стал бы угрожать копьём.

Андрей стоял неподвижно, напрягшись, и ждал. Надо вести себя не так, как хочет того воин.

Воин прокричал снова. Конец копьё был в полуметре от головы Андрея. Воин перестал улыбаться.

— Ы! — крикнул он и ткнул копьём в Андрея.

Перед ним был раб. Беглый раб. И он презирал его.

Этого не следовало делать гордому степняку.

Андрей рассчитывал на то, что степняк не выпустит копьё. Потому он схватился за основание наконечника и дернул дважды с промежутком в полсекунды. Первый раз, чтобы воин сильнее схватился за копьё, опасаясь, что копьё вырвет из руки. Второй раз Андрей

дернул изо всей силы. И был прав. Легкий маленький воин, сидевший на коне без седла, описал в воздухе широкую дугу, и Андрею пришлось отскочить, чтобы воин его не задел.

Падая, воин выпустил копьё и, тяжело ударившись о землю, все же нашел в себе силы вскочить. И кинулся на Андрея. Но тут уж они были равны. Андрей ударил противника в скулу. Воин послушно лег у его ног. Нокаут был глубоким.

Андрей снял с воина широкий пояс с кармашками — мечту путешественника, надел. Потом выплюнул на ладонь шарики и спрятал в карман пояса. Подобрал с земли копьё. Все это заняло меньше минуты.

Конь воина стоял в двух шагах и не делал попыток убежать. Андрей вскочил на него. И когда выпрямился, глаза его оказались на метр выше травы.

Белогурочка была совсем недалеко, метрах в двухстах. Правда, Андрей не сразу сообразил, что это она, потому что Белогурочка лежала поперек конского крупа. Голова ее свисала вниз. А воин, который ее пленил или убил, ехал навстречу Андрею, крутя головой, потому что потерял из вида своего товарища. Он увидел Андрея. Но смотрел он против солнца, потому не сразу сообразил, что вместо товарища видит врага. Он крикнул радостно и стегнул коня, чтобы скорее встретиться с Андреем.

Андрей поскакал ему навстречу. Новый конь был крупнее и сильнее старого. Копьё Андрей держал в поднятой руке. Воин сообразил, что ошибся, и растерялся. Ускакать он не мог — для этого надо было сбросить Белогурочку. Потому он решил принять бой. Правда, с опозданием. Андрей уже подскакал к нему,

угрожающе крича и свистя. Он входил в роль странствующего рыцаря.

Андрей уклонился от направленного ему в грудь копья и плашмя ударил воина наконечником по голове. Тот охнул и свалился в траву. Конь его пробежал несколько шагов и остановился.

— Андрей! — закричала Белогурочка.

Он догнал коня, разрезал ножом веревки. Девушка скользнула на землю. Она стояла, опираясь о бок коня.

— Ты настоящий воин, — сказала она удовлетворенно.

В траве послышался шорох — поверженный воин убегал. Глазища Белогурочки загорелись желтым кошачьим огнем. Белогурочка взлетела на коня, успев выхватить у Андрея копье, и помчалась в погоню.

— Стой, Белогурочка! — крикнул ей вслед Андрей. — Пусть бежит. На что он тебе?

Тонкая смуглая рука Белогурочки взлетела вверх. Сверкнул наконечник копья. И тут же — короткий звериный вопль. Белогурочка нагнулась, сорвала пук травы и вытерла окровавленный наконечник копья. Она оглянулась.

— А тот, второй, где он?

— Там лежит, — не стал уточнять Андрей.

— Ты настоящий воин. Я горда, что у меня такой мужчина, — сказала девушка. Из глубокого разреза на ее бедре сочилась кровь.

— Тебя ранили? — спросил Андрей.

— Не больно, — сказала Белогурочка. — Поехали дальше, у нас мало времени.

* * *

Еще через час, когда уже сил не было ехать, они добрались до редкого кустарника. Тонкие длинные листья почти не давали тени.

— Сюда, — сказала Белогурочка, поворачивая в чашу.

Андрей поехал было следом, но отшатнулся — на ветвях сидели, тупо уставившись на пришельцев, огромные скорпионы. Белогурочка, не оборачиваясь, поняла, что испугало Андрея.

— Не бойся, — сказала она, — они только весной кусают.

Один из скорпионов сорвался с ветки и упал на голое колено. Андрей паническим движением смахнул его и сжался — ему показалось, что эти твари сейчас начнут сыпаться на спину.

В кустах была поляна. Посреди нее — ровное каменное кольцо диаметром около метра. Белогурочка легко соскочила с коня, взяла пустую сушеную тыкву, что валялась рядом, и опустила ее на веревке внутрь кольца. Послышался плеск.

Андрей тоже сошел с коня. В колодце чернела вода.

— Хорошая вода, — сказала Белогурочка, вытаскивая тыкву.

Андрей попытался проглотить слюну, но слюны не было. Главное — вытерпеть, пока девушка напьется, не показать виду, что ты готов вырвать у нее из рук эту тыкву.

Белогурочка отошла в сторону, где лежал большой плоский камень с углублением в центре. Она вылила туда воду.

— Ты что делаешь? — хрипло спросил Андрей.

Но ответа уже не требовалось. Оба коня уже тянули морды к воде. Прошла вечность, прежде чем кони напились. Только потом Белогурочка протянула тыкву Андрею. Он покачал головой.

— Пей.

— Ты мужчина.

— Пей же!

— Не сердись, — сказала Белогурочка, внимательно глядя на него. — Ты странный. Ты

нарушаешь закон. Всегда поят по порядку. Сначала коней — они не могут сами достать воду. Потом мужчин — они не умеют терпеть. Потом женщин.

Но Андрей упрямо отвернулся, и Белогурочка сделала глоток.

Капельки пота выступили на смуглом лбу. Белогурочка спросила:

— Я твоя женщина, да? Ты добрый ко мне.

— У нас такой обычай.

Белогурочка смотрела, как Андрей пьет, и улыбалась.

Он бы сейчас улегся на землю, но помнил о скорпионах. Хотя они и не кусаются, но какой скорпион вытерпит, если на него лечь?

Андрей присел у колодца. Он постучал костяшкой пальца по каменному кольцу. Керамика. Как это сделано? Кто это сделал?

— Ты отдохнул? — спросила Белогурочка. — Мы поедем дальше?

Мысль о том, что надо вновь взбираться на коня, была ужасна. Андрей подумал: какое счастье, что здесь скорпионы, иначе бы меня не сдвинуть с места.

— Поехали, — сказал он.

— Уже немного осталось, — сказала Белогурочка. — Ты знаешь, я очень устала. Просто очень. Я даже удивляюсь, какой ты сильный.

И Андрею было приятно это признание. Белогурочка поехала впереди, не выпуская из руки копьё.

* * *

Холмы были уже близко, степь понижалась. Копыта коней мягко вдавливались в землю, трава стала ниже, но гуще, начались пышные кусты, и еще через несколько сотен метров путники

въехали в заросли гигантских папоротников. Папоротники смыкались над головами, стало сыро и душно. Снова захотелось пить. И спать. Андрей устал удивляться, он держался за гриву коня и пытался не задремать.

Под копытами коня проминался и рвался мох — оттуда брызгала черная вода. Впереди, освобождая путь, отползали черные саламандры, схожие с метровыми пиявками. Папоротники скрыли небо, и стало полутемно. Пахло прелью, падалью, дурной стоячей водой.

— Сейчас снова будет дорога, — сказала Белогурочка.

Но сначала было болото, настолько глубокое, что конь отказывался идти дальше. Белогурочка смело прыгнула в воду. Она повела коня вперед. Андрей последовал ее примеру. Вода была теплая, черная, воняло от нее мерзко, по голым ногам скользнуло что-то холодное. Вокруг, насколько глаз мог проникнуть между стволами папоротников, стояла такая же черная вода. И тут Андрей увидел диплодока. Он дремал в болоте, вытянувшись во весь рост, и сначала Андрей даже не понял, что это ящер. Сообразив, что это — животное, Андрей даже остановился в изумлении перед расточительностью природы.

При виде людей динозавр лениво приподнял маленькую изящную голову и укоризненно поглядел на тварей, посмеявших нарушить его послеобеденный отдых.

Белогурочка обернулась и сказала:

— Не бойся. Он ест только траву. Он умный.

— Вы на них охотитесь? — спросил Андрей.

— Сюда наши не ходят. Это плохое место. Если не знаешь дорогу, то утонешь. И тут змеи, которые убивают.

Андрей все оглядывался, пока диплодок не скрылся из глаз.

— Много их здесь? — спросил он.

— Их совсем мало.

Они прошли еще — стало чуть глубже. Андрей боялся, что Белогурочка может провалиться в яму.

— Хе! — сказала Белогурочка. — Дорога! Я боялась, что промахнусь.

Андрей нащупал пяткой твердую поверхность. Повеселели кони, поверившие, что путешествие по болоту скоро кончится.

Дно поднималось полого, лишь метров через двести Белогурочка выбралась на сухое. Когда Андрей догнал ее, он увидел, что Белогурочка стоит на широкой бетонной дороге, такой же, как и та, что была в степи.

— Зачем старым людям дорога в болото? — спросил Андрей.

— Разве можно знать желания старых людей? — удивилась Белогурочка. Она обирала водоросли с коня. Потом подозвала Андрея и показала ему черную пиявку, повисшую на шкуре коня. Белогурочка ловко подцепила ее и отбросила. — Погляди, — сказала она, — на твоём коне тоже.

Андрей осмотрел своего коня. Тот стоял недвижно, словно понимал, что человек ему хочет помочь. Андрей отыскал десяток пиявок.

Белогурочка подошла к нему и спросила:

— Все собрал?

— Вроде бы все.

— А вот и не все! — Она весело рассмеялась, наклонилась и сбила вздувшуюся пиявку с ноги Андрея.

— Если заснешь в мокром лесу, — сказала Белогурочка, — то не проснешься. Они всю кровь выпьют. Правда, смешно?

Белогурочка сорвала несколько толстых соч-

ных листьев, приложила к разрезу на бедре, протянула Андрею волокно лианы и приказала:

— Привяжи.

Андрей осторожно примотал лианой листья.

— У тебя руки, как у ребенка, — улыбнулась Белогурочка, — совсем мягкие. — Она провела ладонью по щеке Андрея. Ее ладонь была жесткой.

Дорога медленно поднималась в гору. Папоротники уступили место странным деревьям, которых Андрей не знал. Впрочем, понятно — аналоги с земными ящерами угадывались легко, Андрею не раз приходилось видеть их реконструкции. Растения редко удостаиваются такой чести. Они не поражают воображения.

Дорога шла в туннеле листвы, духота не спадала. Впереди была чернота.словно черный занавес. Белогурочка смело ехала туда.

* * *

Дорога вошла в ущелье. Ущелье было прорезано в отвесной стене, но сама стена скрывалась за листвой, и потому Андрей увидел только вход. Шириной ущелье было метров шесть, не более, и потому вертикальные стены как бы сходились наверху и между ними виднелась лишь узкая щель.

Ущелье подавляло мрачностью и каким-то адским совершенством. словно громадный меч прорубил его. Плоское дно было усеяно обкатанными камешками.

Громадный меч... Далеко впереди дрожал вертикальный столб света. Значит, ущелье было идеально прямым — даже маленькая неточность, без которой не может обойтись природа, не дала бы возможности увидеть его дальний конец.

Андрей протянул руку и дотронулся до мокрой

стены. Рука скользнула по базальту, словно он был отполирован. Лишь метров через пять пальцы встретили углубление — в этом месте на стене неслась водопадом струйка воды. Андрей остановил коня и, сложив ладоши лодочкой, напился.

— Откуда это ущелье? — спросил Андрей, и голос его прозвучал гулко, ускользая вверх.

— Старые люди сделали, — сказала Белогурочка.

Этого и следовало ожидать. Значит, она тоже думает, что ущелье сделано. А я вот не знаю, каким образом это можно сделать.

Сверху упала холодная капля, еще одна. Андрей поднял голову. Небо в щели потемнело — начался дождь. Капли били все чаще.

— Дождь пошел, — сообщила Белогурочка.

— Я слышу.

Ущелье повторяло их слова.

— Если там, наверху сильный дождь, — крикнула Белогурочка, — вода пойдет сюда!

Андрей понял — ущелье поднималось вверх и служило дренажем для долины.

Дальше они скакали молча. Если можно сказать — скакали. Несмотря на понукания, усталые кони плелись еле-еле.

Дождь усилился — холодные капли секли по плечам. Навстречу тек тонкий ручей. Конь Белогурочки остановился, и Андрей еле успел удержать своего, чтобы не столкнуться. Только тут он разглядел, что дорогу преграждает туша какого-то зверя. Туша была полуобглодана. Черными тенями поднялись с нее и полетели прочь птеродактили.

Пришлось спешиваться и, прижимаясь к стене, протаскивать упрямившихся коней через это препятствие. К тому времени, когда они оказались по ту сторону туши, вода уже поднялась высоко и

бурлила, ударяясь о тушу. А белая щель была все еще далеко впереди.

Последние метры пути по ущелью они шли пешком и тащили за собой коней, которые в панике рвались назад.

— Бросай коня! — крикнула Белогурочка, перекрывая рев воды.

Андрей понял, что она права. Но ему было жалко коня. Они с ним весь день пробыли вместе — если его отпустить, глупая скотина помчится назад и погибнет.

Белогурочка отпустила своего коня, и он тут же скрылся в черноте ущелья. Андрей еще продолжал упрямо тянуть своего, но тут легкая Белогурочка не удержалась на ногах, и ее повлекло назад. Андрей кинулся к ней — о коне он забыл, — подхватил ее, и они шли, обнявшись, очень медленно, после каждого шага их сносило обратно. Из последних сил Андрей вцепился в край ущелья. Вода разжимала пальцы, стараясь вырвать Белогурочку...

* * *

Они стояли, прижавшись спинами к каменному обрыву. У ног кипела вода, стараясь найти вход в расщелину. Шел дождь, обильный, но мирный.

Там, в темноте, захлебываются кони, подумал Андрей. И ему было стыдно, что он не смог им помочь.

— Коней жалко, — сказала Белогурочка. — У нас в стае совсем коней не осталось.

Они шли вдоль отвесной скалы.

— Может, отдохнем? — предложил Андрей. Ноги его не держали.

— Скоро, — сказала маленькая девушка. — Совсем скоро.

Ее шатало. Андрей пошел рядом, обняв ее за плечи.

Капли дождя попадали в глаза, и приходилось свободной рукой все время их вытирать. Вокруг был лес, обыкновенный лиственный лес, деревья скрывались за пеленой дождя. Между больших камней, сорвавшихся со скал, росла мягкая трава.

Андрей старался считать шаги, но все время сбивался. И вдруг услышал:

— Вот и все. Мы пришли.

Белогурочка скинула с плеча его руку и раздвинула копьём кусты. За кустами было темно.

— Там сухо, — сказала она. — Братьев еще нет.

— Они должны ждать здесь? — спросил Андрей.

— Да. Они отстали. Или их убили, — сказала Белогурочка. — Но мы все равно подождем. Сейчас им не пройти сквозь щель.

— Йееп! — крикнула Белогурочка в темноту. Сделала шаг вперед. Остановилась, прислушиваясь, потом с силой метнула в пещеру копьё. Копьё прозвенело о камни. Наступила тишина. — Никого нет, — сказала она. — Бывает, что сюда приходит зверь. Я не знаю, как по-вашему. Мы его зовем грих.

Белогурочка первой вошла в пещеру. Ее шаги прозвучали в глубине. Потом зашуршало.

— Тут есть сухая трава, — сказала она. — Иди сюда. Можно лечь. Если я не лягу, я умру.

— Я тоже, — признался Андрей.

— Мужчины не умеют терпеть. Правда, ты лучше других.

У стены была охапка сена. Не очень пышная, но все же на ней мягче, чем на камне. Он вытянулся — тело было напряжено, оно не могло

расслабиться. Ноги гудели и ныли. И Андрей понял, что не сможет заснуть.

Он видел серый круг входа и слышал стук капель по листьям.

Белогурочка устроилась рядом, ее легкая жесткая ладонь легла ему на грудь. Потом Белогурочка повернулась, устраниваясь поудобнее, и положила голову ему на плечо. Голова была мокрой, теплой и колючей.

— Йеех, — сказала она сонно, — вся еда с конями пропала.

И тут же начала дышать редко и легко — заснула. Андрею хотелось повернуться, но он боялся потревожить девушку. Во сне она забормотала, засучила ногами и теснее прижалась к Андрею. А ему казалось, что он никогда не заснет... и заснул.

Раза два-три Андрей просыпался от холода. Он теснее прижимался к горячей Белогурочке, но спине было еще холоднее, и тонкий слой сена не спасал от вечной стужи камня. Все же усталость оказалась сильнее холода, и Андрей снова проваливался в сон, и ему казалось, что он, раздетый, замерзающий, проваливается в бесконечную пустоту космоса, а впереди лишь маленькие холодные звездочки, до которых никогда не долететь... Потом он вернулся на планету Пэ-У, и рядом была ПетриА, хотя Андрей отлично знал, что она давно уже умерла и, наверное, поэтому не смогла спасти его от вечного холода...

* * *

Хотя Андрей обычно, просыпаясь, мгновенно понимал, где он, на этот раз мозг его был столь заморожен вчерашними событиями, что он несколько секунд оставался в блаженной увереннос-

ти, что находится на Земле, — может, потому, что увидел, открыв глаза, зеленую мирную листву, пронизанную косыми солнечными лучами.

Было раннее утро, и солнце, вставшее напротив входа, пробило листву кустов и, еще не грея, осветило пещеру обещанием тепла.

Андрей протянул руку — Белогурочки рядом не было. Он приподнялся на локте — девушка сидела чуть поодаль, подтянув коленки к груди, обхватив их руками, и глядела на Андрея. Белогурочка была обнажена, и он не сразу понял, почему. Лишь когда сам сел, увидел, что она сняла с себя куртку и меховую юбку, чтобы накрыть Андрея.

— Глупости, — сказал Андрей вместо приветствия. — Зачем ты это сделала? Ты же простудишься.

— Мне не холодно, — сказала она. — Женщины терпеливые.

— Одевайся. — Андрей протянул ей одежду.

Белогурочка надела юбку. Она совершенно не стыдилась своей наготы, и потому наготы не было, как нет наготы у лани.

— Сколько тебе лет? — спросил Андрей.

— Не знаю, — сказала Белогурочка. — Вы, люди небесной стаи, всегда хотите знать, сколько минут, часов, дней — зачем?

— Трудно объяснить. Мы привыкли.

— Там, если пойдешь вглубь, — сказала Белогурочка, — есть вода. Только иди осторожно, потому что потолок низкий.

— Братья не пришли?

— Зачем спрашивать? Если бы пришли, ты бы их увидел.

Андрей поднялся, выглянул наружу. Близко к пещере подходил светлый лиственный лес. Белка скользнула по стволу липы, поглядела на Андрея, и скрылась за стволом. Закуковала

кукушка, будто ее нарочно привезли за тридевять парсеков, чтобы утешить Андрея.

Андрей вернулся в пещеру и пошел вглубь. Потолок стал ниже. Свет сюда уже не проникал. Андрей двигался медленно, касаясь стены и часто поднимая руку, чтобы проверить, где потолок. С каждым шагом тишина становилась глубже, непроницаемее. Исчезли звуки леса. Вместо них появилось нежное журчание воды. Ручеек выбивался из-под стены.

Андрей умылся, привел себя в порядок. Вода была очень холодной, даже зубы заломило. Андрей провел ладонью по голове и отдернул руку — забыл, что он острижен по здешним меркам. Каково будет появиться в Центре в таком виде? Впрочем, в Галактике столько мод и обычаев, что вряд ли кто удивится.

Когда Андрей возвратился ко входу в пещеру, Белогурочки не было. Он вышел из пещеры. Жутко болели ноги и ломило спину. Веселый лес оглушил гомоном и деловитой суетой. Андрей поднял лицо к солнцу — лучи мягко и нежно грели лоб и щеки. Он блаженно зажмурился и понял, как зверски голоден.

Он хотел позвать Белогурочку, но поостерегся — он здесь чужой, и неизвестно, где можно кричать, а где следует таиться.

Сейчас бы посмотретья в зеркало — набедренная повязка, перетянутая широким ремнем, снятым с поверженного врага, ножи за поясом — вот и вся одежда. Хорош ты, капитан Андрей Брюс!

Листва раздалась, и появилась Белогурочка. И вдруг Андрей увидел ее такой, какой не видел раньше. Солнце светило ей в спину, окутывая ореолом смешной бобрик волос на голове и рисуя золотом контур стройного и гибкого силуэта

девичьей фигуры. Она была феей этого веселого леса.

Белогурочка несла в ладонях горсть диких груш и яблок.

— Больше ничего не нашла, — сказала она. — Но лучше, когда в животе что-то лежит, правда? Ты чего так на меня смотришь? Я не убегу. Я твоя женщина. — И она весело рассмеялась.

Они сели на камни у входа в пещеру. Яблоки оказались кислыми, груши Андрею понравились. Они были твердыми, вязали рот, но в них опускалась свежая сладость.

— Хорошо, что мы с тобой убежали летом, — сказала Белогурочка. — Весной плохо с едой. А зимой...

Белогурочка стянула меховую безрукавку, расстелила ее на камне и легла, нежась на солнце. Андрей любовался ею.

— А почему мы пошли сюда? — спросил он.

— А где еще тебя спрятать? — удивилась Белогурочка. Она всегда удивлялась недогадливости Андрея — брови уходили наверх, лицо принимало страдальческое выражение.

— Может, к твоей стае?

— Октин Хаш сразу послал людей к моей стае, — сказала она.

— Я думал, что твоя стая скрылась.

— В степи не скроешься. Люди Октина Хаша знают, где искать. Если тебя нет и меня нет, они уйдут, а если ты там, они всех убьют. Это же ясно.

— А почему они вас не тронут, если меня нет?

— Они тронут. — Белогурочка говорила спокойно, как о само собой разумеющемся. — Они будут бить. Потому что сначала не поверят. Но потом поверят. И уйдут. Зачем просто так убивать? Стая Железной птицы побеждена, нас

никто не защитит. Октин Хаш знает. Теперь мы будем платить ему шкурами и рабами. У нас не осталось воинов... Почему мои братья не пришли?

— Они знают дорогу сюда?

— Конечно. Только наша стая знает эту пещеру.

Большая стрекоза с оранжевыми прозрачными крыльями уселась на маленькую грудь Белогурочки. Той стало щекотно, и она смахнула стрекозу. Стрекоза лениво перелетела к Андрею.

— Она тебе понесла привет от моего сердца, — сказала Белогурочка. — Хороший привет?

— Хороший. Спасибо.

— Я боюсь, — сказала Белогурочка. — Тут совсем близко святилище ведьм.

— Где святилище ведьм?

— Там. — Белогурочка махнула рукой, показывая в сторону леса.

— Далеко?

— Не очень. Если придут мои братья, они принесут мяса. Здесь нельзя охотиться.

— Почему?

— Нельзя, — сказала Белогурочка раздраженно. — Если моих братьев убили, то я пойду на охоту за большую щель, в болото.

— А Октин Хаш со своими людьми идет в святилище той же дорогой, что и мы?

— Ну как же ему пройти через болото со всеми повозками? — Белогурочка с трудом терпела вопиющую глупость Андрея. — Он идет хорошей дорогой. Он не прячется. Он главный в степи.

— Главнее, чем ведьмы?

— Ведьмы здесь, он — там. — Белогурочка села, потянулась. — Он им дает большие подарки.

— А они?

— Они тоже дают подарки. Я вспомнила. Тут должны быть ореховые кусты. Пойдем.

— Пойдем, — согласился Андрей. Безделье было невыносимо. — А когда Октин Хаш придет в святилище?

— Наверное, сегодня. Вот он запрыгает от злости, когда узнает, что тебя нет! Он думает, что ведьмы тебя уже подготовили, а тебя нет!

— Ты думаешь, он до сих пор не знает?

— Знает, — вздохнула Белогурочка. — Конечно, знает. Но веселее думать, что он еще не знает и будет злиться...

Белогурочка вскочила на ноги, подобрала с земли копье, проверила, легко ли выходит из ножен кинжал. И сразу подобралась, ступая по-звериному, пошла в чащу, настороженная и жестокая охотница — часть этого леса.

В сущности, все случилось из-за меня, думал Андрей. Из-за нас. Спасая меня, она поставила под угрозу жизнь своей стаи. Легко объяснить это, предложив ей нашу мораль и нашу логику поведения. По этой логике — мы с Жаном свои, друзья, которых надо спасать. Благородно жертвуя жизнью. Но сама Белогурочка на такой версии и не настаивает. Говорит, что я ее мужчина. Что стоит за этим? Неожиданная безумная любовь? Непохоже. Обряд? Меня избрали женихом дочери вождя, не спросив согласия? Или порыв — неожиданное решение дикарей, разум которых действует по иным законам? Понимая, что нельзя судить Белогурочку по земным меркам, Андрей все же старался найти всему рациональное объяснение.

Случись это в иной обстановке, ситуация была бы забавной. И разумеется, Андрей постарался бы тактично и мягко объяснить этой первобытной девице, что он не готов стать ее мужчиной и скакать за ней по степям, гоняясь за масто-

довтами или сражаясь с коварными воинами из чужой стаи. А что делать теперь? Если тебя спасли из плена и, может, от смерти? Если ты уже вторые сутки скрываешься в степи и в лесу, сражаясь с воинами Октина Хапа? И если, наконец, ты уже привык к этому существу, абсолютно непонятному и, как ни странно, единственному родному на этой планете?

Орешник начинался недалеко от пещеры. Кусты зашуршали, расступаясь, — темное крупное животное поспешило уступить место людям.

— Кто это? — насторожился Андрей.

— Это... забыла слово... мохнатый, любит орехи, а зимой спит.

— Медведь?

— Медведь. Он сытый, ты не бойся.

Белогурочка быстро рвала орехи и ловко раскусывала.

— Ты шелкунчик, — сказал Андрей.

— Я не знаю такого.

— Это маленький колдун, который шелкает орехи.

— Не называй меня колдуном, — сказала Белогурочка строго. — Так нельзя.

— Слушаюсь, — сказал Андрей.

Орехи были еще мягкие, сочные. Когда он в последний раз ел лесные орехи? Тысячу лет назад? Да и не в лесу — они были запакованы в прозрачный пакетик...

Андрей потянул к себе ветвь орешника, набрал целую горсть. А где Белогурочка? Она отошла за куст. И тут Андрей услышал плач. Кто мог плакать? Белогурочка — никогда. Она не знает, что такое слезы. Уж в этом Андрей был совершенно убежден.

Плакала Белогурочка. Она сидела на корточках, отбросив копые и закрыв ладонями глаза. Плечи тряслись от горя.

— Ты что? — Андрей наклонился к ней. — Что случилось?

Белогурочка дернула плечом, чтобы сбросить ладонь Андрея. Андрей огляделся. Лес был тих и спокоен. Что же могло расстроить Белогурочку?

И тут он увидел: поломаны ветви лещины, примята трава, и в одном месте на ней бурое пятно — кровь.

— Скажи же, что случилось?

Белогурочка подняла голову.

— Это все ты, ты! — сказала она зло. — Зачем ты к нам прилетел?

— Что-нибудь случилось с твоими братьями?

— Я хочу тебя убить! И моего отца с его глупыми старухами! — Она глядела на Андрея снизу вверх, прижав кулачки к горлу, словно ей трудно было говорить. — Ах, найди этого вождя с неба! Он такой сильный! Его друзья прилетят за ним! Они дадут подарки нашей стае, если ты спасешь его от Октина Хапша! Кому теперь твои друзья дадут вещи и кинжалы? Моих братьев нет, нет! Уйди!

Андрей отступил на несколько шагов под напором этого гнева.

Белогурочка вскочила. Руки взметнулись над головой. И бессильно упали. Она не смотрела на Андрея. А он вдруг понял, что ему горько, потому что его обманули. Все так просто — слабой стае нужно покровительство сильной стаи. И если для этого надо пожертвовать девушкой и последними воинами — пожалуйста, мудрый дикарь пойдет на такие жертвы. Он верит в силу друзей Андрея. И этот звереныш с гребешком на макушке тоже хитрил... А впрочем, какое тебе дело, капитан Брюс? Тебя спасли, ради тебя рисковали жизнью. На что ты в обиде?

— Почему ты решила, что твои братья погибли? — спросил Андрей, стараясь говорить

спокойно, словно не было гневных слов Белогурочки.

— Вот. — Она обвела рукой поляну, полагая, что следы на ней говорят Андрею не меньше, чем ей.

— Я плохо читаю следы, — сказал Андрей. — Скажи, что увидела.

— Пришел один брат, — покорно сказала Белогурочка. — Другие уже не пришли. Их убили в степи.

— Брат пришел сюда...

— Он пришел сюда ночью, когда мы спали. За ним гнались. Он знал. Видишь? — Белогурочка показала в прогалину между кустами. Андрей ничего не увидел, но поверил. — Он не хотел вести их к пещере. Он побежал в другую сторону. А они его догнали. И потом убили.

— Почему ты думаешь, что убили?

— Кровь.

— Понятно, — сказал Андрей. — Скажи мне тогда... — Он старался смотреть на Белогурочку глазами чужого человека, отрешиться от того образа, который стал привычен за вчерашний день. Невысокая, по плечо ему, худая и довольно грязная степнячка со злыми прищуренными глазами, некрасивая, замученная, истощенная... и тут он оборвал себя. Белогурочка истощена и замучена, потому что вторые сутки тянет его на себе. А это выше ее сил. То, что она делает это не ради его прекрасных глаз, а ради своего племени, отца и женщин, которых завтра может убить Октин Хаш, не умаляет ее отваги и самоотверженности. — Скажи мне, — повторил Андрей. — Когда в степи убивают, что делают с телом? С мертвым человеком?

— Как что? Убили, и пускай лежит.

— Тогда скажи: где твой брат? Где он лежит?

Белогурочка оглянулась, словно надеялась увидеть тело. Она сделала несколько шагов в одну сторону, потом остановилась. Повернулась под прямым углом, пошла снова по следу. Андрею даже показалось, что у нее раздулись ноздри, как у собаки, которая ищет след. Она прошла шагов пятьдесят, и Андрей почти потерял ее из виду за кустами. Он стоял неподвижно.

Белогурочка бежала обратно.

— Андрей, — сказала она торжествующе, — они его тащили. Ты же видишь! — Она показала на следы. — Они его тащили, а он не хотел идти. Ты умный. Я глупая.

Она подбежала к нему и схватила за руку.

— Ты мой мужчина, — сказала она радостно. — Ты самый умный.

Андрей осторожно высвободил руку.

— Что же теперь будем делать? Кто схватил твоего брата?

— Мы пойдем и узнаем, — сказала Белогурочка. — Ты сердишься?

— Пошли, — сказал Андрей.

Он предпочел бы сейчас пойти к святилищу ведьм, потому что там Жан. Но сначала надо вернуть долг. Всегда надо возвращать долги.

Белогурочка подобрала с травы копые.

* * *

Белогурочка читала следы. Андрей шел сзади, поглядывая по сторонам. Он чувствовал себя здесь старожилом — а может, лес был не столь чужд, как вчера. Белогурочка часто оборачивалась, в глазах ее была нерешительность, словно она хотела сказать что-то, но не смела. Или Андрею это показалось.

Следы вывели их на открытое пространство. Они постояли несколько минут на краю леса,

приглядываясь. Равнина полого поднималась, замкнутая голубыми горами. Антилопа, похожая на окапи, паслась невдалеке, она взглянула на них, потом не спеша потрусила прочь.

— Она не боится, — сказала Белогурочка, — значит, никого нет.

Андрей согласился с ней.

Белогурочка показала на пятно примятой травы.

— Здесь они отдыхали, — сказала она. — Три воина. И брат. Там он сидел. А один воин хромым, видишь?

— Нет.

— Где у тебя глаза! — проворчала Белогурочка прежним голосом. Отвернулась. Потом сказала сама себе: — Так нельзя говорить с чужим.

Андрей понял, но ничего не ответил. Это были ее проблемы, и Андрея они не касались.

— Куда они повели его? — спросил Андрей.

— К святилищу.

— Почему?

— Если перейти это поле, будут скалы. Ты видишь их?

— Вижу.

— А потом святилище внизу, отсюда не видно.

— И туда приедет Октин Хаш?

— Он уже там.

— Они повели твоего брата к Октину Хашу?

— Или к ведьмам.

— У ведьм есть свои воины?

— Им не нужно. Их все боятся.

— Почему они не убили брата?

— Я думаю — они ищут нас, они думают — мой брат отправился к нам. Они будут его спрашивать. Идем?

Они быстро шли через поле. Дул свежий

ветер. За серыми скалами, что виднелись впереди, поднималась стена голубых гор.

Белогурочка обогнала Андрея, она шагала быстро, порой сбиваясь на трусцу. Андрей тоже чувствовал себя незащищенным на этом поле. Если их ищут, то могут следить. Правда, справа мирно паслось стадо небольших слонов с короткими хоботами и длинными прямыми бивнями.

Белогурочка сорвалась на бег — не выдержала. Андрей помчался за ней. Бежать было больно — ноги и без того болели, а острые камни ранили ступни.

У скал, которые поднимались словно редкий лес на краю долины, камни были застелены разноцветным лишайником. Пестрая змея скользнула в сторону.

Белогурочка добежала до скалы, прижалась к ней, раскинув руки. Запыхалась. Потом обернулась, глядя, как подходит Андрей.

— Я бегу, — сказала она, — а они смотрят.

— Кто смотрит?

— Не знаю. Старые люди. Их нет, а они смотрят.

— Мне тоже так казалось, — сказал Андрей.

— Тише, — прошипела Белогурочка.

Андрей услышал голоса. Несколько человек, переговариваясь, приближались к ним. Сзади была открытая долина — никуда не денешься. Спереди чужие люди. Андрей посмотрел вверх. Скала была слишком крутой, чтобы залезть на нее. А соседняя?

Андрей схватил Белогурочку за руку и потащил к той скале. На ней, метрах в пяти от земли, росло дерево, кривое, цепкое, упрямое. Андрей полез вверх, цепляясь за выступы в скале. Через два метра была небольшая площадка. Андрей остановился, протянул руку, чтобы помочь Белогурочке, но она уже была рядом. Она

все поняла. Конец корня висел на расстоянии вытянутой руки. Андрей схватился за него и добрался до комля. Ствол был толст и узловат. Андрей обогнул его — между стволом и скалой была щель.

Они втиснулись в нее, стараясь дышать как можно тише. Андрей прижал к себе Белогурочку. Ее сердце билось часто и звонко. Белогурочка подняла глаза и посмотрела на Андрея в упор, как будто спрашивала. Андрей нахмурился: молчи. Белогурочка медленно закрыла глаза и положила голову на грудь Андрею. Андрей только сейчас заметил, какие у нее длинные ресницы.

Из-за скалы вышли несколько воинов. Они остановились, глядя на долину. Как мы успели? — подумал Андрей. Минутой позже они бы застигли нас. Но и сейчас — стоит поднять голову...

Но воины не смотрели наверх. Они рассыпались цепочкой и пошли через долину к пещере.

Всерьез за нас взялись, подумал Андрей. Когда воины удалились шагов на сто, Андрей наклонился к Белогурочке и прошептал ей на ухо:

— погоди. Могут прийти другие.

— Я знаю, — сказала Белогурочка. — Они уже идут.

Так они и стояли довольно долго, потому что из-за скал показались еще две группы воинов. Они спешили за первыми.

— А где их кони? — спросил Андрей.

— Там на конях не пройдешь, — сказала Белогурочка.

Вдруг Андрей заметил, что в стволе дерева, в метре над его головой, что-то блестит. Как будто в скалу врезан большой круглый стеклянный глаз. Это могло быть натеком смолы, обкатанным кристаллом хрусталя, вросшего в породу.

— Подними голову, — прошептал Андрей. — Ты такое видела?

— Это глаз, — сказала Белогурочка. — Я видела. Это глаз старых людей. Мне говорил отец. Они есть в других местах.

— Дай-ка я до него доберусь, — сказал Андрей.

— Нет, нельзя! — прокричала шепотом Белогурочка. Она была смертельно испугана. — Нет!

— Почему?

— Нельзя. Кто это тронет, сразу умрет. Нельзя!

— Откуда ты знаешь?

— Это знают все, — сказала Белогурочка. — Я тебя прошу.

Андрей подчинился. Загадкой больше, загадкой меньше...

— Ты не устала?

— Но ведь ты меня держишь.

Белогурочка подняла тонкую руку и приложила ладонь к его щеке. Андрей чуть отвел голову в сторону — обида вдруг вернулась.

— Я тебя не обманывала, — прошептала Белогурочка. — Я никогда никого не обманываю. Я хотела, чтобы ты был мой мужчина.

— Не надо, — прошептал Андрей.

— А ты мне не веришь, — сказала Белогурочка.

— Чего мы ждем? Они же дойдут до пещеры и вернутся.

— Мне нравится так стоять.

Сказав это, Белогурочка скользнула вниз, держась за висящий корень дерева. Как обезьяна. Через две секунды она уже стояла внизу. Андрей спускался куда дальше.

Белогурочка вела его молча. Чтобы уйти подальше от тропы, по которой двигались воины Октина Хаша. Они прошли в сторону. Здесь было труднее — между скал высилась каменная меша-

нина. Андрей разбил ступни в кровь. Белогурочка скакала по камням легко, чуть касаясь их.

Они оказались на плато, заросшем кактусами. Некоторые из них цвели пышными оранжевыми соцветиями, и оранжевые пятнистые бабочки лениво парили между ними.

Солнце начало поджаривать. Белогурочка замедлила шаги. Потом остановилась и присела на корточки.

Когда Андрей, ковыляя по камням, добрался до нее, он увидел, что цель рядом. Перед ними была обширная котловина, посреди которой лежало длинное голубое озеро. По ту сторону озера горы круто поднимались вверх. Справа горы расступались, открывая проход в котловину, через который вдоль ручья, вытекавшего из озера, вела широкая дорога. По дороге тянулись новозки.

Казалось, все становище Октина Хаша переехало сюда — сотни повозок толпились на ближнем берегу, дальше на склоне пасся табун лошадей, рабы устанавливали кибитки. В тростниках у самого берега бродил стегозавр.

— Святилище ведьм, — сказала Белогурочка.

— Где оно? — спросил Андрей.

— Гляди за озеро.

Дальний берег озера был пуст. Лишь посреди широкой поляны стояли три кибитки. Они были схожи с кибитками Октина Хаша, но превосходили их высотой и были темнее. Пологи кибиток были закрыты.

— А где ведьмы? — спросил Андрей.

— Они спят.

Андрей вглядывался в суету у озера. Если даже Жан и был там, узнать его на таком расстоянии невозможно.

Брата Белогурочки они увидели потому, что сначала узнали Октина Хаша. Тот был верхом,

в красной короне. Он гарцевал у загона, сделанного из высоких кольев. В загоне держали коз. Но не только коз. Там, на земле, сидел человек. Октин Хаш хлестнул по ограде нагайкой. Человек поднялся.

— Мой брат, — сказала Белогурочка. — Как хорошо, что он живой.

— А Жана ты нигде не видишь?

— Наверное, он в кибитке, — сказала Белогурочка. — Или его уже отвели к ведьмам.

Белогурочка задумалась, глядя вниз. Октин Хаш отъехал от загона. Ее брат снова сел на землю. Козы жались в другой стороне.

— Я пойду туда, — сказала Белогурочка.

— Тебя же узнают и схватят.

— Я не глупая, — сказала Белогурочка. — Там много рабынь. Никто не смотрит — рабыни общие. Рабыни из моей стаи тоже. Они видят меня и молчат. А я все узнаю и тебе расскажу. А ты жди.

Белогурочка протянула ему заткнутую пробкой тыкву. В ней булькала вода.

— Ты жди под деревом. А то будет очень жарко. У тебя и так все лицо обгорело.

И Белогурочка отбежала в сторону, где склон был не столь крутым. Там росли кусты, которые скроют ее, когда она будет спускаться.

* * *

Андрей понимал, что Белогурочка права. Ему идти с ней нелепо — сразу узнают. Но ждать — самое бессмысленное занятие на свете. Тем более ждать на жаре.

Андрей улегся на краю обрыва, обшаривая взглядом склон, который, постепенно становясь все более пологим, тянулся к кибиткам. По склону были разбросаны деревья и кусты.

Андрей пролежал несколько минут, тщетно отыскивая взглядом девушку. Наконец, уже отчаявшись, увидел, как что-то темное шевельнулось в кустах на середине склона. На четвереньках Белогурочка перебежала через прогалину до следующих кустов. И снова затаилась. От крайней кибитки ее отделяла сотня шагов. Около кибитки, сбившись в кружок, сидели женщины. Высоко взмахивая руками, они толкли толстыми длинными пестами зерно в каменной ступе. Поодаль стоял воин. Андрей понял, что Белогурочка ждет, пока воин уйдет. Воин побрел прочь. Белогурочка спокойно вышла из-за дерева. На ее плече была вязанка хвороста. Когда Белогурочка проходила мимо кибитки, одна из женщин заметила ее, подняла голову, что-то спросила. Затем спокойно вернулась к своему делу. Белогурочка положила вязанку в огромную кучу хвороста между кибиток и смешалась с толпой. Еще минуту Андрей угадывал ее силуэт. Потом потерял.

Андрей огляделся в поисках ориентира. Отыскал метрах в ста корявое дерево с обломанной верхушкой.

Андрей решил пройти по краю котловины на ту ее сторону, где обрыв подходил ближе к озеру, чтобы получше разглядеть кибитки ведьм. Шел он осторожно, стараясь не маячить на открытых местах, — воины, что обшаривали заросли у пещеры, могут вернуться в любой момент. К тому же следовало опасаться зверей. В детстве Андрей читал роман, герои которого попадают в обширную полость у Северного полюса и, опускаясь в нее, проходят последовательно все эпохи в истории Земли. Роман написал знаменитый геолог, который хотел рассказать подросткам о палеонтологии. Правда, здесь все было иначе, чем в фантастической книге. словно кто-то открыл ворота музея и выпустил на волю существ,

разделенных миллионами лет. Стегозавр служил верховым животным для степного вождя, птеродактили реяли над мастодонтами, питекантропы охотились на ящеров. Законы эволюции были нарушены. Те, кому положено было вымереть много миллионов лет назад, этого не сделали и продолжали размножаться. Пожалуй, это была главная загадка планеты — от нее тянулись ниточки к остальным тайнам.

Задумавшись, Андрей чуть не налетел на носорога, который мирно дремал, склонив к земле тяжелую морду, украшенную четырьмя устрашающего размера рогами. Андрей осторожно отступил за камень, рассчитывая на то, что носороги плохо видят. Отступая, он напоролся на острый сучок. Доскакав на одной ноге до тенистого местечка под скалой, он, чертыхаясь, сел и понял, что путешествие придется прервать.

Вернувшись на прежнее место, Андрей отщепил от сухого, но толстого сука планку, обрезал ее, чтобы получить подошвы, потом примотал их лианами к ногам. Он был так поглощен этой работой, что не замечал, как бежит время.

Солнце поднялось высоко. Откуда-то прилетели слепни и назойливо крутились, норовя вцепиться в обожженные солнцем красные плечи Андрея. Сейчас бы сбежать к озеру и нырнуть в него... Андрей приторочил подошвы к ступням, попробовал пройтись. Подошвы держались, но лианы врезались в икры ног.

Изменилось ли что-нибудь за последний час? Почти ничего. Брат Белогурочки все так же сидит в загоне, он скорчился, закрыл голову руками и кажется сверху темным комочком. Кибиток стало куда больше, им даже тесно на этом берегу озера. А народу между ними меньше — жарко, слепни кусаются. У ручья, что вытекает из озера, сидят в ряд женщины, стирают. Полог в кибитку Окти-

на Хаша отвернут, возле входа лежат в тени несколько воинов. Перед кибиткой шест с лошадиным хвостом. Кибитки ведем на дальнем берегу озера мертвы и тихи, как прежде. Белогурочке пора возвращаться. Но склон пуст.

Совсем рядом раздались голоса. Андрей догадался — возвращается партия, посланная на его поиски. Воины прошли левее и ниже — там была неглубокая промоина. Было слышно, как изредка они перебрасываются ленивыми словами. Стало тихо. Лишь жужжали слепни. Андрей переполз вслед за тенью. Он отпил два глотка из тыквы. Хорошо бы Белогурочка принесла еды. Надо же кормить своего мужчину.

Прошло уже часа три, как Белогурочка отправилась в становище. Что могло ее задержать?

* * *

Отмахиваясь от слепней, Андрей отчаянно боролся с желанием спуститься вниз. Даже под ложечкой сосало от желания действовать. Хотя ясно было: ни черта он внизу не сделает, хотя бы потому, что не знает, как поступить.

Тут его внимание привлекли события, разыгравшиеся у кибитки Октина Хаша.

Оттуда выскочили два воина, видно, те, что безуспешно искали Андрея. За ними вылетел сам Октин Хаш. Даже на таком расстоянии было ясно, что вождь взбешен. Он хлестал воинов нагайкой, пиная ногами. За ним из кибитки выплыл толстый колдун. Из соседних кибиток вылезали зрители — вскоре площадка перед кибиткой вождя была окружена толпой любопытных.

Затем Октин Хаш принял решение. Незадачливые охотники отползли в сторону, а вождь взмахнул нагайкой, отдавая приказание. Колдун медленно побрел к озеру, держа в руке длинный

белый предмет. За ним увязались детишки и собаки. Процессия дошла до берега озера и остановилась. Андрей догадался, что колдун несет рог. Он поднес его к губам. Звук до Андрея не долетел.

Гудел колдун довольно долго, больше минуты, прежде чем на том берегу раскрылся полог черной кибитки и на солнце выпла закутанная в длинное темное одеяние фигура. Фигура подняла руку, что удовлетворило колдуна, и он пошел обратно, размахивая рогом, как палкой.

Тем временем — Андрей, наблюдая за колдуном, упустил момент — из кибитки, что стояла рядом с кибиткой Октина Хапша, вывели Жана. Андрей узнал его сразу — Жан был на голову выше своих стражей. И шел он иначе, прямо, не раскачиваясь. Жан был пешеходом.

Андрей испытал облегчение — по крайней мере Жан жив и здоров.

Октин Хапш мирно разговаривал с ним, пока не вернулся колдун.

Если Жана привели сразу, как только выяснилось, что Андрея не нашли, то, вернее всего, Жан должен заменить Андрея.

Внизу составила солидная процессия. Сам Октин Хапш верхом на коне возглавил ее. За ним вели Жана, затем толпой шли вонны. Они остановились у козлиного загона, где к процессии присоединился брат Белогурочки. Затем эта процессия в сопровождении собак и зевак направилась в неспешное путешествие вокруг озера.

Пленники шли рядом, но поодаль друг от друга, и сзади полукольцом следовала толпа, не приближаясь к ним, словно опасаясь заразы.

Шествию надлежало пройти больше километра. Судя по цвету воды, озеро было глубже в той стороне, где жили ведьмы, а со стороны становища у берега рос тростник.

Куда запропастилась Белогурочка? В шествии ее не видно.

Прошло полчаса, а процессия еще не достигла кибиток ведьм. Солнце стояло над головой. Голод мучил страшно. Андрей срывал травинки и жевал их. Горькие выплевывал. Слепни все не отставали.

Презрев осторожность, Андрей поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Боль пронзила так, что он рухнул на камни. Надо привыкать, говорил он себе, все равно пойдешь вниз — не сидеть же здесь вечно.

Процессия остановилась, не дойдя метров ста до кибиток. Из кибитки вышли сразу три ведьмы. Они были в длинных черных балахонах, на головах капюшоны.

Даже издали Андрей понял, насколько страшны ведьмы для степняков, — толпа отшатнулась, когда они приблизились к пленникам. Лишь Октин Хаш и колдун остались на месте. Колдун помахивал рогом, Октин Хаш слез с коня и стоял, держа его на поводу.

Ведьмы шли медленно, словно плыли. Когда ведьмам осталось идти шагов десять, брат Белогурочки вдруг кинулся в сторону. Он бежал, странно закинув за спину связанные руки. Воины бросились за ним, рассыпаясь веером. У брата оставался лишь один путь — к воде.

Ведьмы стояли неподвижно, словно это их не касалось. Жан сделал какое-то неуверенное движение, будто бегство дикаря увлекло его, но остановился, понимая, что далеко не уйти.

Брат Белогурочки прыгнул в воду. Дно круто шло вниз, следующий же шаг заставил его погрузиться по бедра. Еще один — и он по пояс в воде. Парень, видно, умел плавать — подняв столб брызг, он рванулся вперед, отчаянно работая ногами. Все остальные стояли неподвижно, будто ждали чего-то. Ни один человек не после-

довал за беглецом в озеро. Андрей понял, что у брата есть шанс убежать — на той стороне, у кибиток Октина Хаша, не осталось мужчин, только несколько женщин стояли у воды, глядя на пловца. Озеро было нешироким — метров двести, и даже если воины побегут вокруг, им не перехватить беглеца.

Вдруг рассуждения Андрея были прерваны. Рядом с пловцом вода бурно вскипела — из глубины озера поднялась темная тень. Андрей сверху мог угадать ее очертания: гигантская рыба стремилась к человеку. На обоих берегах люди замахали руками, закричали, то ли предупреждая парня, то ли ужасаясь тому, что должно произойти, и общий крик был так громок, что отзвуки его донеслись до Андрея, но не сразу. Прежде он увидел, как из воды на мгновение показалась острая голова акулы, зубы, как сабли, сверкнули в воздухе, и в то же мгновение акула ушла в воду, переворачиваясь на спину: сквозь взбаламученную воду Андрей увидел ее белое брюхо.

Беглец понял, что ему грозит опасность, и постарался плыть скорее... но уже в следующую секунду он пошел вглубь, словно его потянула могучая рука. Вот тогда до Андрея долетел крик людей. А еще через несколько секунд на успокаивающейся поверхности воды расплылось кровавое пятно. Дикари пали ниц. Только три ведьмы стояли неподвижно.

Потом они подошли к Жану и встали по бокам. И Жан побрел вместе с ними к черной кибитке. Третья ведьма замыкала шествие.

* * *

Когда Андрей, никем не замеченный, достиг дна котловины, сумерки внизу уже сгустились и возле кибиток загорелись костры. Сюда не долетал ветер, и воздух хранил влажное тепло.

Самодельные подошвы разлетелись на полпути, и дальше Андрей ковылял босиком. Обоняние Андрея обострилось от голода. В дыме костров он угадывал аромат жареного мяса, в голосах, что доносились все ближе и четче, была невнятность жующих людей. Ему казалось, что все в становище едят, жрут, насыщаются.

Первым обитателем становища, с которым Андрей встретился, была худая облезлая собака, которая отбежала подальше от кибиток, чтобы спокойно обгрызть кость. В Андрее она почуяла соперника и угрожающе зарычала, придавив кость лапой.

Андрей остановился — спорить с собакой он не хотел. Собака ждала, что он сделает дальше. Потом схватила кость и побежала прочь.

Еще наверху Андрей придумал такой план: он огибает озеро и добирается до кибиток, где живут ведьмы, — там Жан. Вряд ли ведьм много. Значит, шансы отыскать и даже выручить Жана вполне реальны. А как только они будут вдвоем с Жаном, тот станет переводчиком и проводником. Тогда можно будет отыскать Белогурочку.

План был разумен, но, по мере того как Андрей спускался по крутому склону в котловину, воображение все ярче рисовало ему картины бедствий, угрожающих Белогурочке. Разум отступал перед опасениями. Пускай она тысячу раз доказала, что она ловчее, смелее и даже живучей, чем Андрей, — для него она оставалась девушкой.

Приблизившись к становищу, Андрей подошел к крайней кибитке и остановился перед ее тонкой кожаной стенкой, прислушиваясь к голосам изнутри. Голоса переплетались, гудели, поднимались и гасли — в кибитке было несколько человек. Голоса Белогурочки Андрей не услышал. Перед кибиткой горел большой костер. У

костра сидели несколько мужчин, они передавали друг другу деревянную чашу с каким-то напитком и лениво переговаривались. Из кибитки вышла женщина, вынесла вторую чашу и осталась сидеть рядом с мужчинами. Один из них сказал, видимо, что-то смешное — они долго хохотали. Сразу несколько комаров впилась в шею и голые ноги Андрея. Пока ты идешь, они не трогают, но стоит остановиться — они слетаются со всех сторон.

Кто-то тронул Андрея за руку — он отскочил. Это был мальчишка лет пяти, совершенно голый. Ребенок тоже испугался. Сейчас поднимет вопль. Андрей быстро пошел в сторону, стараясь держаться в тени. Вслед неся отчаянный плач.

Андрей быстро миновал несколько кибиток, столкнулся с женщиной, вышедшим за кибитку по нужде, тот выругался... Вокруг были кибитки, кибитки, кибитки, как в дурном сне, и никакого выхода.

Андрей прошел рядом с костром и оказался на небольшой площадке, посреди которой стоял шест с лошадиным хвостом. Он понял, куда попал, — это была кибитка Октина Хапа. Перед ней сидел на корточках воин. Опершись о копьё, он дремал.

Можно было пройти мимо, но Андрея одолело любопытство. Октин Хаш был главной опасностью. А к опасности всегда тянет.

Андрей обошел кибитку, чтобы не попасться на глаза часовому. Большие шкуры, которыми была покрыта кибитка, были положены с захлестом и кое-где скреплены острыми колышками. Андрей отыскал край шкуры и осторожно отогнул ее.

Андрей глядел в шатер вождя. Посреди него горел небольшой костер, и дым улетал в отверстие наверху. В дальнем конце было возвышение,

покрытое шкурами, на котором сидели несколько человек. Возле него горели два факела, укрепленные на железных треножниках. Свет был неверным и тревожным. Потом он увидел Белогурочку. Среди прочих.

Сцена была мирной, домашней, и именно эта будничность потрясла Андрея. Он был готов к тому, что увидит Белогурочку связанной, что ее готовятся убить, а она старается разорвать узы, он был готов ринуться к ней на помощь. Всего этого не требовалось.

Посреди кибитки стояла большая бадья с темной жидкостью. Время от времени кто-нибудь поднимался и, зачерпнув оттуда своей чашкой, возвращался на место и пил. Андрей увидел, как поднимается Белогурочка и тоже зачерпывает из бадьи. Он мог даже окликнуть ее, но удержался. Зачем?

Октин Хаш сказал что-то Белогурочке, та ответила. Тучный кастрат захихикал. Им было весело.

Черт возьми, а я сидел голодный и ждал ее! Я бы успел тысячу раз спуститься и помочь Жану, а я ей поверил. Почему я решил, что она должна жить по тем же законам, что и я? Между нами тысячи лет и миллиарды километров. Ей было выгодно спасать меня. Теперь выгоднее пировать с Октином Хашем.

Андрей почувствовал, что к нему кто-то подходит. Он отскочил от кибитки — и вовремя. Это часовой, проснувшись, пошел вокруг кибитки. Андрей ринулся прочь. Часовой закричал вслед.

Андрей зигзагами бежал между темных кибиток, потом скатился вниз по откосу и забился в высокие заросли тростника. Только тогда он вспомнил, что в озере живет чудовище — пресноводная акула. Мелькнула мысль: разве на

Земле водились гигантские пресноводные акулы? Когда вернусь, надо будет проверить.

Среди кибиток продолжалась суетня, но к берегу никто не выбежал. Видно, ночью степняки боялись подходить к озеру. Андрей утешал себя тем, что акула не выберется на мелководье. Вода была теплой, тростники шевелились, сквозь них виднелась дорожка луны.

Когда все в становище успокоилось, Андрей пошел дальше. Через полчаса он уже обогнул озеро и оказался на площадке святилища — пыльной и голой каменной плешки среди травяной долины. Луна висела низко над зубцами скал. Ноги онемели и уже не болели. Андрей провел ладонью от голени вниз — щиколотки и ступни распухли и почти потеряли чувствительность. Так даже лучше.

Впереди тремя черными куполами поднимались кибитки ведьм — немые, настороженные и зловещие. На том берегу озера тускнеющими пятнышками алели костры, иногда доносился недалекий голос. Заплакал ребенок, залаяла собака...

* * *

Андрей подошел к средней кибитке, куда отвели Жана. Кибитка была плотно закрыта, и покров ее был скреплен куда надежнее, чем в становище. Если пшвы и были, то в темноте Андрей не смог их отыскать.

Он простоял минуты две, прижав ухо к обшивке, потом осторожно откинул полог. Темно. Черт возьми, хотя бы спичку...

— Жан! — шепотом позвал Андрей.

Никто не ответил. Чем дольше Андрей стоял, держа откинутый край полога, тем более он убеждался, что кибитка пуста. Ни вздоха, ни

пороха, которым выдают себя даже глубоко спящие люди.

Андрей вошел в кибитку, опустил полог и замер, представив себе, как зажигается свет и прищипливает его к стене. Но свет не зажегся. Андрей присел на корточки и пощупал пол. Камень.

Андрей пошел вдоль стены, водя перед собой руками и волоча ноги. Ни одного предмета не встретилось ему. Обойдя кибитку, он затем пересек ее напрямик.

В кибитке никто не жил. Она была лишь пустой оболочкой.

Надо было уходить, осмотреть другие кибитки, но Андрей был уже почти убежден, что они такие же фантомы, как и первая. И это открытие не давало ему уйти. Кибитка была для чего-то сделана. Она что-то скрывала. И раз не могли ничего скрыть ее стены, следовало поглядеть, что под ней?

Следующие несколько минут Андрей ползал по полу, простукивая его костяшками пальцев. Тук-тук... звук другой. Внизу пустое пространство. Андрей так надеялся на это, что не поверил, когда услышал. Пустота простукивалась в круге диаметром около метра.

Андрей принялся водить кончиками пальцев по границе круга, отыскивая щель. Ведьмы живут под землей, но они выходят.

Если бы он, Андрей Брюс, хотел скрыть вход в свое подземелье, он бы сделал его так, чтобы не отличить от остального пола. Так сделали и ведьмы. Затем он бы придумал простое устройство, чтобы можно было люк открыть или закрыть. И замаскировал бы его так, чтобы простодушные степняки его не нашли.

Ключ где-то рядом с люком, чтобы при нужде можно было быстро уйти вниз.

Андрей начал водить рукой вокруг люка, ползая по расширяющимся кругам, пока не отыскал на полу небольшой плоский камень, округлый и почти незаметный. Андрей повозился с камнем минуты три, прежде чем тот послушно сдвинулся, обнаружив углубление. И как только Андрей нажал на это углубление, раздался шорох, плита поднялась вертикально, и снизу пробился слабый свет.

Андрей заглянул в люк — там была неглубокая шахта со скобами в стенке. Колодец был выдолблен в скальном массиве — умение вовремя исчезнуть весьма повышает авторитет волшебников.

Андрей наступил на скобу — спуск был прост. Скобы кончились. Андрей стоял в туннеле, слабо освещенном желтым светом факела, укрепленного в стене. Дуновение воздуха скользнуло по щеке. Андрей отшатнулся — черной маленькой тенью пролетела летучая мышь.

Никакого плана у Андрея не было. Он знал лишь одно — надо быть осторожным. И чем позже его заметят, тем больше шансов чего-нибудь достичь.

Он шел медленно, гладкий пол приятно холодил разбитые ступни. Впереди туннель пересекался другим.

И тут гулко застучали шаги. Андрей успел лишь прижаться спиной к стене.

Старуха прошла близко, она несла в руке какой-то металлический предмет — Андрей уловил лишь тусклый отблеск, не осознав формы. Из-под капюшона виднелся острый профиль — как у старой крысы. Нижняя часть лица была скошена и стремилась, как и лоб, к кончику носа, чуть повисшего от старости. Шаги старухи раздавались часто и дробно, будто у нее четыре ноги. Даже хотелось приглядеться: нет ли хвос-

та? Черное одеяние волочилось по земле — наружу лишь белые пальцы рук и лицо.

Было что-то зловещее в деловитости ведьмы. Она прошла по коридору, перпендикулярному туннелю, где стоял Андрей. Когда ее шаги затихли, Андрей добежал до слияния туннелей и осторожно выглянул. Он успел увидеть, как старуха остановилась у гладкой стены и провела по ней рукой. В стене обнаружилась черная дыра, в которой ведьма и скрылась.

Андрей стоял за поворотом туннеля, поглядывал на неровный и тусклый огонь факела, на черную дыру в стене и мысленно уговаривал старуху: ну выходи же, спать пора, чего ты ночью разгуливаешь?

Гробовая тишина пещеры стала невыносимой. Андрей уже сделал было шаг вперед, но тут в проходе показалась старуха. Она провела ладонью по стене, отверстие затворилось.

Старуха просеменила мимо. Сейчас остановится и скажет: «Здесь человеческим духом пахнет...» Что за чепуха лезет в голову! Три дня назад Андрей и не подозревал, что его жизнь будет зависеть от ведьмы.

Шаги затихли. Андрей просчитал до ста. Будем надеяться, что ведьмы отправились спать.

Тишина. Лишь в сложном ритме падают с потолка капли. Андрей вышел в большой туннель. Он был естественным, стены неровны, кое-где свисали сталактиты.

Андрей долго водил по стене ладонью, прежде чем нащупал нужную выпуклость. Натужно загудев, плита пошла в сторону. Андрей ступил в густую бархатную черноту помещения, плита сзади поехала, закрывая проход. Приключения ему смертельно надоели... И тут загорелся тусклый свет. Андрей стоял в обширном зале. Кровля его была укреплена каменными столба-

ми, вытесанными умело и ровно. Зал был музейным, правда, со следами некоторого небрежения зрителей — прямо перед Андреем с потолка натекала большая лужа, поодаль на полу валялись какие-то тряпки. Среди колонн угадывались шкафы и витрины.

Андрей прислушался. Только привычный стук капель.

Шкафы у стен были одинаковыми, сделанными из тусклого металла. В некоторых виднелись иллюминаторы. Андрей подошел к шкафу и заглянул внутрь — там было темно, можно было лишь предположить, что шкаф наполнен водой.

Центр зала заставлен витринами — они были столь многочисленны и стояли такими тесными рядами, что нетрудно заблудиться. Нет, это не музей, а запасник.

Протискиваясь между витринами, Андрей разглядывал экспонаты. Это были животные и растения, некоторые Андрей уже знал. В расположении предметов ощущалась определенная система — в отличие от поверхности планеты, где животные и растения разных геологических эпох были безнадежно перепутаны, в музейном зале они располагались в хронологической последовательности. В ближайших ко входу витринах лежали трилобиты, рыбы, водяные растения, громадные раковины и панцирные животные, примитивно громоздкие и неуклюжие, членистые бесконечные черви, морские звезды с размахом лучей в два метра... Лишь пройдя сто метров, Андрей попал в другую эпоху. Он увидел земноводных, кистеперых рыб, выползающих на сушу, примитивных ящеров. И чем дальше он шел, тем крупнее и разнообразнее становились ящеры. И наконец он увидел витрину, в которой стоял зверек, покрытый шерстью. Андрей не мог разглядывать музей

подробно — число витрин и их разнообразие были невероятны, а размеры увеличивались до гигантских — в витрине умещался динлодок, а далее — сорокаметровая акула. Андрей отдавал хозяевам музея должное — они умели хранить экспонаты в таком первозданном виде, что сберегли все до жилки на листке, до пупинки, до перышка. Звери казались живыми.

Менее всего Андрей ожидал найти в обиталище ведьм такой музей, и это раздражало, потому что не укладывалось в концепцию. Некто всесильный, кто мог пронзить горы мечом, послал сюда экспедицию с целью собрать образцы флоры и фауны. Затем что-то приключилось — сбор экспонатов был прерван, они остались в подземном складе. А сами собиратели улетели. В покинутый музей пробрались ведьмы, которые сообразили, что музей как нельзя лучше подходит для их тайных мистерий. И обитают они здесь, как крысы в покинутом городе, не понимая смысла предметов, которые их окружают...

Размышляя, Андрей продолжал идти по залам. Им не было конца.

В четвертом зале Андрей увидел человекообразных. Сначала небольших сутулых обезьян, затем питекантропа. Витрины, где стояли эти существа, соседствовали с чучелами пещерного медведя, гигантского лося, саблезубого тигра.

Странно, думал Андрей, почему создатели музея решили расположить экспонаты по эволюционной лестнице? Их тоже смущала нелогичность этой планеты?

И тут Андрей увидел человека. Было мгновение — Андрею показалось, что человек жив и лишь поднялся в витрину, чтобы его испугать. Вернее всего, сработало убеждение, что в музее ставят чучела животных, но не чучела людей. Тем более это было не чучело, а самый настоя-

щий первобытный человек, грудь и спина его густо поросли рыжей шерстью, длинные спутанные волосы, челюсть скошена и лоб покат — но это был человек, и он смотрел на Андрея остановившимися глазами. И лишь неподвижность взгляда, сначала испугавшая, заставляла поверить в то, что человек «заспиртован». У ног дикаря лежали кремневые скребки и костяные иглы.

Это сделали не люди, решил Андрей, переходя к следующей витрине, из которой на него в упор глядела девочка лет десяти. Возможно, их эволюция шла настолько иным путем, что они не ощущают разницы между заспиртованным человеком и заспиртованным ящером.

Людей в том зале оказалось немало — более сотни. Андрей медленно и с неохотой совершал путешествие между тесно составленными витринами — аквариумами для людей. Каждый из них был застигнут смертью в момент, когда ее не ожидал, — лица были спокойны.

Андрей, не в силах более идти по этой выставке, свернул налево, надеясь обогнуть витрины вдоль стены, но там он оказался у длинного стеклянного шкафа, поделенного на прозрачные секции, в которых рядами покоились сотни человеческих сердец, почек, мозгов...

Андрей пошел быстрее, стараясь не смотреть по сторонам, и наконец добрался до конца выставки — далее были лишь пустые, подготовленные для заполнения витрины.

Андрей вздохнул с облегчением и взглянул на последнюю витрину. На него смотрел Жан Жвирблис, худой, высокий, нескладный, обнаженный и глупо постриженный — поперек головы гребень черных волос. Глаза его были открыты — карие умные глаза смотрели сквозь Андрея, потому что никуда не смотрели...

Хозяева музея не улетали с этой планеты. Они продолжали пополнять его, то ли таясь глубоко в подземельях, то ли изображая из себя ведьм. Вот почему ведьмы требовали человеческих жертв — им нужны экспонаты.

И все путешествие потеряло смысл для Андрея. Несколько часов назад у него было на этой планете два друга — Жан и Белогурочка. Теперь не осталось ни одного.

* * *

Зачем-то Андрей старался разбить витрину и освободить Жана. Занятие оказалось бессмысленным, даже если бы Андрей витрину разбил, он ничем не смог бы помочь другу.

Смерть Жана была горем, положение его — в банке, напоказ — унижительным. Нагота Жана — нагота мало занимавшегося спортом, очень цивилизованного человека была нескромной.

Потом Андрей спохватился — нет ничего глупей, чем пустая трата времени. Кончится тем, что сам угодишь в банку. И он пошел прочь, не оглядываясь. Распухшие пятки глухо стучали по камню.

Он должен вырваться отсюда, уйти из этой проклятой котловины и вернуться к людям. Октин Хаш лишь жалкая марионетка в руках ведьм. Какие они, к черту, ведьмы! Это замаскированные, спрятанные под темными тогами, холодные и расчетливые вивисекторы, умы далекие, припленные здесь... Если бы найти ответы на все вопросы, Галактика стала бы проста и благодушна. Ты достигаешь понимания на одном уровне, ты бьешься за него только затем, чтобы за следующим поворотом увидеть человека, стоящего на голове. Почему вы стоите на голове? —

спрашиваешь ты невинно, ведь у тебя дома люди не стоят на голове. Этот же человек, не меняя позы, выпускает в тебя смертельный луч, потому что ты оскорбил его своим вопросом. Это лишь модель непонимания — практика его, главного врага человечества, настолько сложна, что ни один компьютер в Галактике не даст ответа на вопросы, которые нельзя сформулировать.

За музеем, в котором стояла витрина с Жаном, начинался длинный широкий коридор. Вместо стен в нем тянулись металлические шкафы пятиметровой высоты. Освещен коридор был паршиво — редкие пятна света горели в потолке. Андрей поймал себя на том, что бежит трусдой, устало и мелко. Дыхание его, сбитое, порывистое, слишком громко летит по коридору. Он заставил себя идти медленнее, потом остановился, прислушиваясь. И тогда услышал шаги. Неуверенные, осторожные. Андрей вжался в стену шкафа, готовый метнуться обратно.

Из коридора вышла человеческая фигура. Человек был гол, судя по прическе, он принадлежал к стае Октина Хаша.

Напасть первым?

Человек увидел Андрея и пошел быстрее. Тогда Андрей побежал назад. Бежать было трудно — распухшие ноги скользили по каменному полу. К тому же Андрей не мог заставить себя испугаться. Им овладела апатия, рухнувшая на него, когда он увидел то, что осталось от Жана. Андрей обернулся. Голый дикарь бежал за ним. Андрей свернул обратно в зал музея — там можно скрыться среди витрин. Впереди поднялась витрина с телом Жана...

— Андрей! — услышал он. — Андрей, это же вы, я вас узнал!

Слова относились к нему, и произнести их

было некому, кроме человека, что преследовал его.

Андрей остановился.

— Андрей, вы меня не узнаете? Это я, Жан!

* * *

Андрея охватил ужас. Один Жан, мертвый, стоял совсем близко. Второй, живой и запыхавшийся, подбегал сзади.

— Да вы что! — закричал на него Андрей.

От злобного тона Андрея Жан остановился.

— Я не понимаю, — сказал он. — Что-нибудь еще произошло? Я что-то не так сделал?

— Вопрос не в том, что вы сделали, — сказал Андрей, не двигаясь с места. — Вопрос в том, что с вами сделали?

— Пока ничего, — сказал Жан.

— А это кто? — Андрей показал на тело Жана в витрине.

Жан подошел ближе. Андрей сделал шаг назад.

— Ну и глупо я выгляжу, — сказал Жан. — У вас нет какой-нибудь тряпки прикрыть чресла? Очень неприлично, а понимаешь только со стороны. — Собственное раздвоение Жана не удивило.

— Да я не об этом! Это ваше тело?

— Это отличная голограмма, — сказал Жан. — Если бы я не знал, что я здесь, решил бы, что я — там.

— Понимаю. Но зачем им снимать с вас голограмму и выставлять здесь? Они же имеют вас во плоти.

— Я вам скажу, Андрей, это удивительное достижение. Когда они делали, я любовался. Вы думаете, это просто голограмма? Это кочан капусты — миллион голограмм по слоям моего

тела. Оно все закодировано там, до последней клетки. Это совершенный памятник мне. Завтра утром меня отдадут колдуну, и его воины кинут меня акуле — вы видели, какая тут в озере живет акула?

— Видел.

— Я погибну, а у них останется точная моя копия.

— Пойдемте отсюда, — сказал Андрей. — Поговорим там, снаружи. Они могут в любой момент хватиться.

Уже прошел двойной шок — от встречи с мертвым Жаном и от перехода к Жану живому. Надо было действовать.

— Они не хватятся, — сказал Жан. — Они спят.

Все же они пошли прочь из музейного зала — соседство с копией Жана было неприятно обоим.

— Кто эти ведьмы?

— Не знаю, — сказал Жан.

— Вы с ними не говорили?

— Говорил. И немало. Но с невнятными результатами.

Они вновь вышли в коридор.

— Есть другой путь вверх? Или надо возвращаться через этот проклятый музей?

— Меня через музей не проводили.

— Вы так и не сказали, зачем они это делают?

— Андрей, вы задаете слишком много вопросов, — улыбнулся Жан. — Я сам многого не знаю. Делают они это... потому что так положено. Это ответ, который я сам получил. Им дают жертву, то есть пленника, лишь на время, на одну ночь. Считается, что они готовят ее к смерти. Но эта жертва — не их, она принадлежит стае. Они ее должны вернуть. Таков обычай.

— Это ничего не объясняет.

— Они меня привели в свою лабораторию.

— У ведьм лаборатория?

— Когда они меня туда привели, у меня как камень с души. Значит, я не у дикарей, которые не знают пощады. Значит, здесь есть цивилизованные существа. Я гляжу на эти грязные старческие рожи и говорю им: поймите, тут недоразумение. Я попал сюда по ошибке. Но они так и не поверили, что я не дикарь...

Жан замедлил шаги.

— Хотите посмотреть на лабораторию?

— Вы уверены, что они не спохватятся?

— Загляните.

Жан открыл дверь в стене. Он тоже понял, каким образом открываются здесь двери. Каменная плита утонула в полу.

— Осторожнее, не ушибите макушку. Здесь у них неполадки с энергией, — сказал Жан. — Я спрашивал, чем они питаются. Они поняли меня буквально — будто я спрашивал о бутербродах.

— И что же ответили? — с интересом спросил Андрей.

— Что им не надо питаться. Они выше этого. Они ведьмы.

— Логично, — сказал Андрей, ступая в большое сводчатое помещение, тесно уставленное приборами, назначения которых не угадаешь. — Они сами со всем этим управлялись?

— Вполне профессионально.

— Вы не сопротивлялись?

— Я на своем опыте понял, что ведьмы сильны, как медведи.

Андрей подошел к операционному столу, с него свисали пластиковые ремни. Он толкнул стол — тот поехал.

— Я сначала решил, что они меня разрежут. Очень испугался.

Они шли за столом, который катился в угол комнаты.

— Одна из ведьм уговаривала меня, что мне не будет больно, что мне не причинят вреда.

— Ты можешь уловить акцент, когда они здесь говорят? — Андрей незаметно для себя перешел на «ты».

— Я способен к языкам. Я их чувствую. Это был их язык. Но говорил лишь рот. Лицо в этом не участвовало. Это ненормально.

— И дальше?

— Дальше они начали меня исследовать. Они не только сняли с меня голограмму, они брали образцы крови, кожи, волос — порой это было неприятно. Они были жутко деловиты.

— Между собой говорили?

— Нет. Но я, как успокоился, начал задавать вопросы. И они отвечали. Они сказали, что меня исследуют, чтобы оставить обо мне память. А самого меня отдадут акуле — так велит закон. Мне было бы понятнее, если бы они плясали вокруг меня, колдовали, шаманствовали. А они проводили физиологическое обследование. А потом я увидел, как в стеклянном цилиндре проявляется моя копия — сначала это был скелет, потом он стал обрастать сосудами, внутренностями. Зрелище интереснейшее. Когда появилась кожа, я думаю: кто это такой знакомый? А это я, собственной персоной.

— А как ты от них сбежал?

— Эти гуманисты заперли меня в пустой камере. Но я подсмотрел, как здесь открываются двери.

— Гуманисты?

— Разумеется. Они удобно устроились. Они никого не убивают. Они настоящие ученые, экспериментаторы, они собирают музей, никому не вредя. Они берут напрокат лишь тех, кому по

законам степи положено погибнуть. Помнишь, как делала инквизиция? Преступник передается в руки светских властей...

— Я удивлялся, — сказал Андрей, — откуда у Октина Хаша столько железа?

Жан остановился у очередной двери.

— Ведьмы здесь. Я искал выход и наткнулся на них.

В небольшом помещении с несколькими погасшими экранами, над пультом, протянувшимся вдоль одной из стен, стояли неподвижно, темными привидениями, шесть ведьм. Шесть одинаковых черных фигур, закутанных в темные тоги. Они были одного роста, одного сложения, они стояли строго в ряд, как манекены. И это окончательно укрепило Андрея в его предположениях.

Жан остался у входа.

Лица ведьм были одинаковы. Глаза открыты и пусты. Андрей внимательно осмотрел первую из старух. Он приподнял холодную тяжелую руку.

— Осторожно, — испуганно шепнул Жан.

— Помолчи, Жан, — сказал Андрей. — Ты замечательно умеешь разбираться в языках, я умею разбирать и собирать часы.

— Часы?

— Чтобы посмотреть, где там сидит жучок. Если часы с обманом.

Говоря, Андрей отыскал тонкий шов на тоге ведьмы — черную молнию. Тога запахнулась. Жан, должно быть, ожидал увидеть внутри старческое белое тело и собирался отвернуться. Но увидел панель. Пальцы Андрея работали быстро, но осторожно, он был похож на сапера, который обезвреживает мину, прислушиваясь, не начнет ли она отсчитывать секунды перед взрывом.

Щелкнуло. Панель откинулась. Андрей грубо

рванул на себя какую-то планку. На пол, зазвенев тонко и жалко, посыпались микроскопические детальки.

— Вечного тебе покоя, бабушка, — сказал Андрей, переходя к следующей ведьме.

* * *

Когда они выбрались из черной кибитки, снаружи было светлее. Луна поднялась высоко, ее свет полосой разрезал гладкое озеро и высвечивал камешки, которыми была усеяна площадка между черными кибитками — площадь жертвоприношений. Андрей подобрал несколько камешков, они были обкатаны и полупрозрачны. Если посмотреть сквозь камешек на луну, он загорался туманно и загадочно.

Становище на том берегу спало. Лишь в одном месте алым пятном догорал костер. Под луной кибитки казались горстками земли, выкинутыми кротом на зеленую лужайку. Было так тихо, что, когда далеко на склоне заржала лошадь, показалось, что звук родился рядом.

— Здесь нет цикад, — сказал Андрей тихо.

— Красота какая, — сказал Жан. — Я и не предполагал, что буду снова любоваться звездами.

— К счастью, память избирательна.

— Ингрид очень любила ночь. Больше, чем день. Странно?

Андрей не ответил. Он смотрел на вторую черную кибитку. Потом сказал:

— Я загляну туда. Время еще есть.

— Вот этого мы и не знаем, — сказал Жан. Но пошел вслед за Андреем.

Андрей включил факел, который снял со стены в подземелье ведьм. Светильник был ловко сделан под факел — хозяева ведьм не

хотели, чтобы попавший внутрь дикарь почувал неладное. На конце факела вспыхнуло пламя — неровное, мятущееся и похожее на настоящее.

Андрей откинул полог. Пересекая кибитку, тянулся невысокий длинный стол. На нем были разбросаны белые кости. Андрей подошел поближе.

— Осторожнее! — предупредил Жан.

Андрей чуть не наступил на череп. Человеческий череп. Кости на столе тоже были человеческими. В глубоком кресле сидел скелет. Остатки блестящей гладкой одежды свисали странной бахромой. Андрей понял, почему скелет не рассыпался и не упал с кресла — он был припшпилен к спинке тремя короткими копьями.

Неровное пламя факела заставляло скелет в кресле дергаться. Андрей обошел стол. На полу лежал еще один скелет, на кисти руки, перехваченной металлическим браслетом, поблескивал какой-то прибор. Одежда была разодрана в клочья. Андрей понял, что до трупов добрались грызуны или муравьи. Череп человека, лежавшего на полу, был раскрыт топором.

Андрей прошел за стол и опустился на корточки, шаря рукой по полу. По аналогии с кибиткой ведьм здесь должен быть ход вниз.

— Кто они? — спросил Жан из темноты. Он не отходил от входа.

— Хозяева ведьм, — сказал Андрей.

— Кто их убил?

— Ты задаешь вопросы, на которые знаешь ответы.

— Степняки, — сказал Жан, — трепещут перед ведьмами. Они никогда бы не подняли на них руку.

— Удивительное убеждение. — Андрей нашел наконец нужный камень, и плита в полу сдвинулась. — Конрад верил в нечто подобное до последней секунды жизни. Степняки еще слиш-

ком первобытны, чтобы трепетать. Как только среди них родился сообразительный вождь, он смог сделать выводы. Выгодные для себя. Представь себе такую картину...

Голос Андрея стал звучать глуше. Жан увидел, как пламя факела спускалось к полу, освещающая круг шахты, и затем скрылось в ней.

— Ты куда?

— Надо же поглядеть, что внутри.

— Слушай, Андрей, сюда прилетит экспедиция, они не спеша все обследуют. Здесь... неприятно.

Жан все же отошел от входа и остановился над шахтой.

— Ну вот, я так и думал, — сказал Андрей. Факел осветил скелет, лежавший на ее дне. Скелет был одет в зеленый свободный костюм — в подземелье не добрались хищники. — Он успел закрыть люк, и Октин Хаш остался ни с чем.

— Ты уверен, что это дела Октина Хаша?

— Да, — ответил Андрей. — На сто процентов.

Он говорил, закинув голову, и пламя факела искажало его черты.

— Все это был эксперимент. Когда наши прилетят, они обследуют подземелье и подтвердят. Это был великолепный, грандиозный эксперимент. Даже нам такой не по плечу. Они взяли планету, на которой жизнь делала лишь первые шаги. И начали гнать эволюцию скоростными темпами. Они создали для эволюции оптимальные условия, они подгоняли генетику, они втискивали миллионы лет в годы.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что это единственное объяснение тому, что рядом здесь живут динозавры и питекантропы. Я никак не мог сообразить, почему не вымерли динозавры? Почему птицы не вытеснили птеродактилей? А ответ оказался от-

носительно прост: они не успели вымереть. Эволюция здесь шла под контролем генетиков и генных инженеров.

— Но все равно это должно занять много лет.

— Тысячи лет, несколько тысяч.

— Но зачем, зачем? Кому это нужно?

— Я тебе назову множество экспериментов, которые ставила и ставит земная наука и которые могут показаться бессмысленными профану. Когда-то эксперименты генетиков с мухой дрозофилой осмеивались как пустые... А знаешь, чем занимался мой дед — уважаемый профессор? Он со своими учениками изготавливал орудия каменного века и рубил деревья каменными топорами, путешествовал в долбленых лодках и пахал землю деревянным плугом. Он хотел воссоздать технологию каменного века. Эксперименты, на которые идет наука, тем грандиознее, чем больше возможности ученых. Я могу поклясться, что, когда биологи и палеонтологи на Земле узнают об этом эксперименте, они взвоят от зависти. Воспроизвести эволюцию на целой планете — это же грандиозно!

— Но эксперимент затянулся на множество поколений...

— Этого мы не знаем, — сказал Андрей. Он опустил голову, глядя на скелет, лежавший у его ног. Свет факела вырвал из темноты остатки седых волос, обрамлявших череп. — Мы не знаем, сколько лет они жили. Может быть, они достигли бессмертия? Может, они жили по тысяче лет? Что мы знаем, брат Жан?

— Даже если это так, они потерпели поражение, — сказал Жан.

— Ты прав. Они могли разрубить горный хребет, чтобы осушить долину или соорудить болото для диплодоков. Они добились главного — создания разумного человека. Им пришлось

приспосабливаться к тому, что они сами создали. Они сделали ведьм, чтобы поторопить людей и воспользоваться их верой в высшие силы. Люди сами стали приводить к ним... — Андрей искал нужное слово.

— Экземпляры, — подсказал Жан.

— Они продолжали торопить эволюцию, полагая, что прогресс социальный можно ускорить так же, как генетический. Вместо того чтобы ждать тысячелетия, прежде чем люди сами додумаются до того, как плавить металлы, они стали выдавать им металлы. Причем уже в готовой форме — в форме оружия. Эксперимент дал результаты.

— Он был бесчеловечным.

— Боюсь, что эта категория была ими упущена.

— На чем бы они остановились?

— Не представляю. Но их остановил Октин Хаш. Он отлично понял, откуда приходят накопленные стрелы и кинжалы. Для того чтобы стать властелином степи, ему нужно было больше железных ножей, чем он получал. Очевидно, они отказались удовлетворить его ненасытные стремления. И он решил взять эволюцию в свои руки.

— И застал их врасплох.

— Они слишком хорошо знали эту планету, они были уверены, что все здесь — создание их разума. Включая Октина Хаши...

— Чудовище Франкенштейна сожрало своего создателя?

— Хуже другое: Октин Хаш набрался опыта общения с пришельцами с неба. Он вкусил их крови. И это погубило наших с тобой товарищей. Опасно быть богом...

— Опасно полагать себя богом, — поправил Андрея Жан.

— Я пройду по этому коридору.

— Только недалеко, — сказал Жан.

У стен стояли бесконечные стеллажи. На них — контейнеры.

Андрей открыл наугад один из них.

Он был наполнен наконечниками для стрел. Железными, хорошо заточенными наконечниками. Они лежали аккуратными рядами, каждый в пластиковом пакетице. Они были штампованы, но штамп тщательно имитировал неровность ручнойковки.

— Как ты думаешь? — донесся до него голос Жана. — Почему не прилетели новые? Почему остались только роботы?

— Я не знаю, — откликнулся Андрей.

Стеллажи, стеллажи... орудия, которые предназначались для степняков. И орудия, которые им еще предстояло получить. Ящик со стремениами... контейнер со стальными мечами... пакеты с семенным зерном, железные гарпуны, стальные иглы... Коридор уходил далеко вперед, и для того чтобы понять, где рубеж опеки, надо было потратить еще немало времени.

На несколько секунд Андрей задержался у широкой арки, что вела в еле освещенный зал, где длинными рядами стояли агрегаты, накрытые одинаковыми серебряными кожухами. Контроль над планетой требовал невероятной изобретательности и сказочных ресурсов... Но все это не спасло богов.

— Эй! — донесся далекий крик Жана.

— Иду! — Андрей выбрался из шахты.

— Что там? — спросил Жан, глядя на железный меч, который Андрей захватил с собой.

— Склады. Склады бус и других подарков для дикарей. Для общего образования.

Андрей пошел к выходу.

— Грустно, — сказал Жан, аккуратно закрывая полог, словно боялся нарушить покой тех,

кто там остался. — Такие усилия — и все впустую.

— Не совсем впустую. Все те люди существуют. — Андрей обернулся к спящему становщику.

— Они рабы изувера — Октина Хаша.

— Кто такой Октин Хаш? Дикий мальчишка. Ему протянули конфетку, и он оттяпал руку дающую. Теперь ему придется надеяться лишь на себя.

Справа над горами небо начало светлеть. Прохладный ветерок зарябил темное озеро. В центре оно взбурлило, и волны разбежались, раскачивая тростник у дальнего берега. Акула проголодалась. Акула ждала жертвы.

— Не дожدهшься, — сказал ей Андрей, запахивая черную тогу, позаимствованную у выключенной ведьмы.

Жан не понял и спросил:

— Ты кому грозишь?

— Не знаю, — сказал Андрей рассеянно.

— Лучше бежать туда, через горы, — сказал Жан.

— И куда же мы побежим?

— Сначала надо уйти как можно дальше, — сказал Жан. — Потом мы найдем способ связаться с нашими.

— И далеко мы уйдем с тобой по степи пешком? В лучшем случае нас догонят через несколько часов, в худшем — нами позавтракает первый же тираннозавр.

— Так что же, сдаваться Октину Хашу?

— Это вариант, — серьезно сказал Андрей.

— Мы выберемся отсюда, потом зажжем большой костер, — сказал Жан. — И нас увидят сверху.

— При нескольких условиях, — возразил Андрей. — Во-первых, надо быть уверенными,

что наши все еще наблюдают за планетой. А большого смысла я в этом не вижу.

— Но ведь они должны нас отыскать!

— Судя по их информации, нас нет. Мы погибли на станции. Но даже если корабль все еще на орбите, как ты зажжешь костер? Трением? Или ты спрятал в ухе зажигалку?

— Это не означает, что мы должны сдаваться!

— Я тебя к этому не призываю. И если бы я любил сдаваться, то не стал бы тебя искать.

— Но ведь ты сюда добрался! Сам!

— Не сам. Я бы и часа не выжил в степи, если бы не Белогурочка.

— Белогурочка?

И когда это имя было произнесено рядом, другим человеком, вернулась и Белогурочка. Ее только что не было — она была изгнана из памяти. Белогурочка, которая спит, доверчиво спрятав голову у него на груди, Белогурочка с бешеными от злости глазами, несущаяся за воином Октина Хаша, Белогурочка, плачущая в лесу...

— Она меня выручила из плена, — сказал Андрей. — Иначе как бы я смог оказаться здесь?

— Правильно. Я думал все время, куда тебя спрятали? Ведь ты должен был оказаться в святилище раньше меня... Ее послал отец?

— Как-нибудь расскажу.

Они шли вдоль озера. Было видно, как просыпается становище. Раздался плач ребенка, откинулся полог в одной из кибиток, и женщина спустилась к тростнику за водой. Громкий голос доносился от табуна, что пасся на склоне.

— Странно, — сказал Жан. — А почему она оказалась в становище?

— Ты ее видел?

— Да, еще вчера. Она была в становище, разве ты не знаешь?

— Знаю. Она хотела выручить своего брата, но опоздала.

Андрей не хотел говорить Жану, что видел Белогурочку в кибитке Октина Хаша. Как будто говорить об этом стыдно.

— Конечно, — сказал Жан. — Ее схватили раньше, чем она до него добралась. Октин Хаш знал, что она придет.

Андрей кивнул — разумеется, ведь воины искали их у пещеры.

— И он сделал просто. — Жан рассказывал обыкновенно, с сочувствием к Белогурочке, но не более. — Он загнал в кибитку, где сидел и я, рабынь из ее стаи. Он знал, что она будет их искать. А за кибиткой спрятал воинов. Так просто... Она только вошла — ее и схватили.

— Постой! — Андрей остановился. — Но я видел ее в кибитке Октина Хаша! Ночью. Она была свободна. Она с ним разговаривала.

— Она же дочь вождя, — сказал Жан.

И Андрей вдруг уловил в его голосе интонацию Белогурочки, как будто сейчас Жан скажет: «Какой ты глупый! Это же само собой разумеется!». Ничего для Андрея не разумелось.

— А что будет?

— Он возьмет ее себе в жены.

Андрей хотел возразить. Но не было правильных слов. И пока он их искал, на том берегу озера раздался тонкий крик. Андрей взглянул туда. В тростниках стояла женщина, которая показывала в их сторону, и что-то кричала.

— Что случилось? — Андрей остановился.

— Она кричит, что видит ведьм, — сказал Жан.

— Ну конечно же!

Они оба были облачены в черные тоги, снятые с роботов. Андрей опустил на глаза капюшон.

— Может, попробуем подняться здесь? — Жан

показал на крутой склон, который начинался за кибитками ведьм.

— Нет, — сказал Андрей. — Мы пойдем с тобой к Октину Хашу.

* * *

В кибитке Октина Хаша горел свет. Он пробивался теплыми в рассветной синеве лучами сквозь швы шкур, которыми она была покрыта. Часовой сладко спал, свернувшись калачиком у входа.

Андрей заглянул в щель. Внутри кибитки были два человека. Октин Хаш сидел на шкурах, скрестив ноги, держа в руке чашу и отхлебывая из нее. Толстый колдун развалился на полу вялой грудой жира, казалось, что он тает, растекается. Между ними на железном треножнике горел факел. Андрей боялся увидеть Октина Хаша с Белогурочкой. Вдвоем. Он не хотел в этом сознаться даже самому себе.

Белогурочки не было.

Андрей кивнул Жану, чтобы тот следовал за ним, и откинул полог уверенным движением хозяина. Октин Хаш рванул голову вверх — взгляд на звук шагов, на резкий шорох полога. Две ведьмы — в черных до полу тогах, капюшоны на глаза, высокие и худые — вышли на середину кибитки, как призраки мести.

Андрей был убежден, что Октин Хаш испугается. Он не может не испугаться. На этом и строился весь расчет.

Октин Хаш поднял голову. Тонкие губы были растянуты в улыбке. Толстый колдун хихикал, словно кашлял. Черные ведьмы остановились у входа.

— Мы недовольны тобой, Октин Хаш, — сказала одна из них.

Октин Хаш смотрел на босые, израненные ноги ведъм. Колдун задыхался от смеха.

— Ведъмы никогда не приходят сюда, — сказал Октин Хаш. — Мы ходим к ним. Но если кто-то надел на себя черную одежду ведъм, он будет нашим гостем.

— Что он говорит? — спросил Андрей.

— Он догадался, что мы не ведъмы.

— Мы смотрели, как вы шли вокруг озера, — сообщил Октин Хаш. — Вы убили ведъм? Мне не жалко. Ведъмы давно уже нам ничего не дают. Вы правильно сделали, что убили ведъм. Садитесь. Будем вместе пить и говорить.

Он засмеялся удовлетворенно — приятно быть умнее противника, а Октин Хаш опять был умнее пришельцев. Он заговорил.

Андрей откинул капюшон. Жан переводил:

— Когда поймали Белогурочку, он сразу понял, что ты близко. Ты настоящий вождь, а вождь не сидит в кустах. Он думал, что ты нападешь на него. Но ты пошел к ведъмам. И это правильно — что жизнь женщины, когда есть мужчина из своей стаи?

Андрей не знал, издевается Октин Хаш или говорит серьезно. Обвиняет ли его в предательстве или отдает должное мудрости.

— Мы смотрели, — слышал Андрей ровный голос Жана, — мы знали, что вождь небесной стаи пошел к ведъмам. Чтобы освободить Жана, который говорит на нашем языке. И мы ждали, вернешься ли ты или ведъмы тебя убьют.

— Ведъм больше нет, — сказал Андрей.

— Их слуги, старые люди, давали нам оружие, — сказал Октин Хаш. — Они давали нам много наконечников для стрел и копий, они давали нам ножи. — Октин Хаш загибал пальцы, как капиталист, перечисляющий свои заводы. — Они давали нам хорошие листы железа,

они учили нас стрелять из лука. Но они давали мало. А нам надо было готовиться к большой войне. Мы пошли, чтобы взять все.

Октин Хаш обернулся к Андрею и замолчал, почесывая переносицу. Потом заговорил:

— Я могу позвать моих воинов, — сказал он, — вас принесут в жертву великой рыбе озера...

— Пускай он скажет, чего хочет, — перебил Жана Андрей.

— Иаххх, — заворковал Октин Хаш, довольный поворотом разговора. Он вскочил со шкур и принялся, наклонив голову, как петух, ходить вдоль стены. — Я не хотел никого убивать. Я не хотел убивать твоих людей. Но мне нужно оружие. Я наказал стаю старых людей, я думал, что ведьмы дадут оружие, но они не давали. Я наказал твою стаю и взял железо. Но мне мало! Я отпущу вас, чтобы вы приносили мне железо. Много железа. Я дам вам место для охоты и буду защищать вас. Я не хотел тебя убивать и Жана не хотел убивать! Я бы не кинул вас рыбе! — Октин Хаш хихикнул. — Я бы попугал вас. А потом сказал бы: идите к себе и принесите много железа великому вождю Октину Хашу.

Колдун мелко кивал, подтверждая мудрость Октина Хаши.

— Скажи ему, — произнес Андрей, — что мы подумаем.

— Хватит с него оружия. Он же бандит, — сказал Жан.

— Мудрость твоя заставляет преклоняться перед тобой, — сказал Андрей. — Ты хочешь, чтобы акула тобой позавтракала? Я не хочу. У нас полная свобода выбора.

— Я понимаю, — сказал Жан. — Но все равно противно.

— Тогда переведи, что мы подумаем. Если он сделает нам дурное, он ничего не получит.

Октин Хаш не скрывал торжества.

— Ты мой друг, — сказал он Андрею. — Мы будем скакать рядом по степи.

— Он даст нам коней и Белогурочку, — сказал Андрей.

Октин Хаш удовлетворенно захлопал ладонями по бедрам.

— Он говорит, что сам будет приказывать нам, сколько дать железа. И мы дадим ему луки, которые стреляют огнем.

— Обещай ему атомную бомбу, — сказал Андрей. — А что он говорит о Белогурочке?

— Он говорит, чтобы ты сам ее искал. Она ему не нужна.

— Где она? — почти закричал Андрей.

— Кутарадж, — развел руками Октин Хаш.

Андрей помнил это слово.

— Они ее убили?

Заговорил колдун. Жан выслушал его, и Андрей с ужасом ждал, что Жан сейчас скажет: ее убили. Он даже поднял руку, словно хотел заставить его замолчать.

— Белогурочки здесь нет, — сказал Жан. — Она убежала. Она дикая, как зверь. Она им не нужна. По-моему, они не врут.

Октин Хаш хлопнул в ладоши. Вошел часовой. Вождь отдал приказание.

Андрей чувствовал великую, бездонную пустоту.

— Он говорит, чтобы мы не спешили. У него есть суп. Он хочет накормить нас. Он знает, что мы голодные.

— Если хочешь, поешь, — вдруг ожил Андрей, — а мне надо сделать еще одно дело.

И он, не оборачиваясь, вышел из шатра.

— Ты думаешь, они не отравят суп? — спросил вслед Жан. — Жрать хочется смертельно.

— Не отравят. Ему нужно железо. Он очень горд собой. Победители не травят побежденных. Они просто пляшут на их костях.

Снаружи уже накатился рассвет. Он был голубой, туманный, зыбкий. Пахло дымом.

— Ты далеко? — Жан выглянул из кибитки.

— Когда поешь, жди меня с конями к востоку от становища.

— Где здесь восток?

— Восток везде там, где встает солнце, — сказал Андрей.

* * *

Андрей быстро прошел мимо крайних кибиток. Там начинался подъем на обрыв. Кусты были мокрыми от росы. Андрей как-то забыл за всеми событиями о странностях этой планеты, и, когда на него спикировал небольшой птерозавр, он от неожиданности упал. Птерозавр клацнул пастью над самым его ухом и сразу взмыл вверх.

С половины склона Андрей обернулся. Озеро затянулось туманом. Черные кибитки поднимались над ним, как затылки погрузившихся в воду купальщиков. Слышно было, как топочут в загоне лошади. Какого черта я не сказал Жану, чтобы он захватил для меня супа. Полцарства за глоток горячего супа!

Андрей подобрал полы черной тоги и начал карабкаться по крутому склону. Затея его пуста, но отказаться от нее нельзя. Он вышел на плато в стороне от того места, где провел вчерашний день. Но сразу увидел дерево с обломанной вершиной. Белогурочка сидела под ним, сжавшись в комочек. Ей было холодно. Видно, она дремала и услышала приближение Андрея, когда он был уже в нескольких шагах. Она широко

раскинула длинные смуглые руки и побежала к нему.

— Ты убил черную ведьму! — Голос ее звенел, дрожал от возбуждения и сладкого ужаса. — А я думала, что они тебя убили!

Она с разбегу прыгнула в открытые объятия Андрея, обхватила его руками и ногами, как обезьяна. Она была горячее и мокрой от росы.

Она повторяла, как во сне:

— Я все равно тебя ждала. Я убежала от них и ждала. Я бы тебя до конца ждала. Пока не умру. Ты веришь?

— Верю, Белогурочка, — отвечал Андрей. — Поэтому я и пришел сюда. Октин Хаш сказал, что ты убежала. И я сразу пошел сюда.

— Ты зачем говорил с Октином Хашем? Ему нельзя верить.

— Я знаю. Он нас не тронет. Он даже дал нам лошадей.

— Хээх! — воскликнула Белогурочка. — Ему нужно железо? Он убил старых людей, он убил твоих людей, он убил моих братьев, а железа не хватает. Я правильно говорю?

Белогурочка соскользнула на землю и стояла, тесно прижавшись к Андрею, как замерзший странник прижимается к печке. Голова ее была запрокинута, и в глазах отражалось голубое утреннее небо.

— Жан с лошадьми ждет нас у загона.

— Тогда пошли скорее, потому что Октин Хаш может передумать. Он репит: лучше пускай они сидят у меня, а я буду менять их на железо... Ты согласился давать им железо?

— Я согласился бы на что угодно, чтобы нам уйти отсюда.

— Правильно, — обрадовалась Белогурочка. — Ты будешь давать железо моей стае, и мы перебьем всех воинов Октина Хаши!

Они начали спускаться вниз по осыпи и по мокрой траве. Потом Белогурочка остановилась, велела Андрею подождать, стрелой взлетела обратно, вернулась с кожаной сумкой, оттуда достала кусок вяленого мяса.

— Я утащила у них, — сказала она. — Я думала, если Андрей живой, значит, он голодный.

— Светлая мысль, — согласился Андрей, вгрызаясь в жилистое мясо. Он никогда в жизни не ел такого вкусного мяса. Белогурочка спускалась рядом и радовалась тому, что оказалась предусмотрительной.

— Ты ешь, — повторяла она. — Тебе надо есть, ты большой мужчина. А я уже поела, пока тебя ждала. Я думала, если ты мертвый, то я потом доем, а если ты живой, то обязательно голодный. А как ты убил ведьму? Это очень страшно? Ты был у них в кибитке?

— Угу.

— А другие ведьмы? Они будут мстить?

— Нет, мы с Жаном всех ведьм убили.

— Мой мужчина — самый сильный в степи, — сообщила Белогурочка.

Туман рассеялся, и они издали увидели, что Жан ждет у загона, рядом с ним три лошади. Несколько пастухов стоят поодаль, робко поглядывая на черную тогу ведьмы, в которую облачен Жан.

Их никто не преследовал, лишь у выхода из котловины их догнал всадник от Октина Хаша и дал им копыя — Октин Хаш хотел, чтобы они добрались до цели невредимыми.

* * *

Они выбрались из котловины той дорогой, какой пришел Октин Хаш. Тропа была широкой, пыль прибита росой. Жан все время оглядывал-

ся — ему казалось, что вот-вот сзади раздастся топот погони. Белогурочка переливалась ртутью, ей досталась бодрая кобылка — этот кентавр никак не мог успокоиться, он исчезал в высокой траве, чтобы вылететь оттуда с воинственным воплем. И вот уже Белогурочка несется на Андрея, рот раскрыт в крике, смуглая рука с копьём занесена для удара, глаза сверкают, так что больно смотреть.

— Спасайся! — кричит Белогурочка. — Я чудовище из глубин земли, я разрежу тебя в клочья своими зубищами!

Солнце грело доверчиво и мягко.

— Господи, — сказал Жан, когда Белогурочка снова умчалась вперед, — разве так бывает? Я должен сейчас скорбеть о моих товарищах, беспокоиться о том, удастся ли нам вернуться обратно к людям. А я просто счастлив.

— Хэ! Смотрите! — крикнула Белогурочка.

На берегу небольшого озерка, еще не высохшего от летней жары, в грязи, перемешанной копытами и лапами животных, приходящих сюда на водопой, неуклюже топтался десятиметровый трицератопс — бронированное сооружение, придуманное больным гением Босха. Третью громоздкого тела занимала голова, лобовой панцирь которой уходил веером назад, ложась на широкую спину, расширяясь и заканчиваясь метровыми костяными пальцами. Короткий хвост не доставал до земли — природа воплотила в ящере идеал обороны.

Вокруг чудовища вились, подпрыгивая, мешая друг другу, ящеры, похожие на страусов — громадные задние лапы, длинный, вытянутый назад, напряженный от охотничьей страсти хвост, змеиные головы, усеянные рядами треугольных зубов, передние лапы — ручки — невелики, но увенчаны острыми ножами когтей. Подскакивая к три-

цератопсу, они высоко взлетали и вонзали в панцирные бока ящера полуметровые кинжалы когтей. Когти скользили по панцирю, трицератопс лениво поворачивал маленькую голову, всем своим видом давая понять: «Ну что еще за несчастье, я пришел напиться, никому не мешал, а эти злобные твари меня беспокоят».

Андрей поймал себя на том, что смотрит на это действие с заинтересованностью зрителя.

— Им его не одолеть, — сказал Жан, который тоже придержал коня. — Жадность их погубит.

— Зря они нападать не будут, — сказал Андрей. — Это не люди, чтобы тратить время впустую.

Белогурочка подскакала к ним.

— Сейчас он устанет, — сказала она. — И они его повалят. Это очень интересно. Я думала, что его больше нет, всех съели. Один великий воин сделал себе щит из его шеи. Два человека не могли поднять этот щит. Очень красиво.

Высокая трава скрыла озерко, и ветер унес шум сражения.

— Тебя не удивляет, как она свободно говорит? — спросил Жан.

— Я потрясен.

— Это мой метод, — сказал Жан. — Ну и, конечно, ее способности.

— Я очень умная, — сказала Белогурочка. — Я дочь великого вождя и жена великого вождя.

— Кто же твой муж? — спросил Жан.

— Мой муж — Андрей, — сказала Белогурочка, подъезжая к Андрею и кладя руку на его колено.

— Это новость, — сказал Жан. — Почему же вы раньше мне не сказали?

— А как же тебе скажешь, — удивилась

Белогурочка, — если ты сидишь в плену у ведьм?

— Это в самом деле так? — спросил Жан смущенно, словно о чем-то слишком уж деликатном.

— А я откуда знаю? — вдруг озлился Андрей. — Ты думаешь, меня на этой планете кто-нибудь о чем-нибудь спрашивает? Сначала меня объявили женихом и даже спасли из плена, затем мне было сказано, что все это чистой воды дипломатия, а на самом деле превыше всего интересы стаи. Затем Белогурочка чуть не вышла замуж за Октина Хаша...

Белогурочка зло, с оттяжкой, хлестнула его кожаной нагайкой по плечу. Конь рванул в сторону. Андрей еле удержался на нем.

— Ты что? — крикнул он. — Что я сказал?

— Ты ничего не сказал. — Белогурочка ударила коня пятками в бока и поскакала вперед.

— Дикие нравы, — сказал Андрей, почесывая плечо, на котором вздулась полоса ожога.

— Не возбуждай в девушках тщетных надежд, господин кавалер, — пошутил Жан. — Очередное столкновение цивилизации и дикости закончилось в пользу дикости.

— Я мечтаю о той светлой минуте, — искренне сказал Андрей, — когда ступлю на палубу самого обыкновенного космического корабля и забуду о дикарях и их покровителях.

— А я, пожалуй, останусь здесь, — сказал Жан. — Если станцию не закроют, я останусь. Удивительная ситуация, уникальная.

Трава стала редкой, с проплешинами, под ногами бегали небольшие ящерицы, вроде варанов, но очень кургузые. Они шустро увертывались из-под копыт. Кони шарахались и ржали. Белогурочка ускакала далеко вперед, конь вынес ее на пологий холм, где она и остановилась.

По небу прошла белая полоса. Черная точка мелькнула и пронеслась в сторону святилища.

— Андрей! — закричал Жан. — Это наши!

— Все-таки они не улетели, — сказал Андрей.

* * *

Планетарный катер опустился рядом с ними примерно через час после того, как они увидели его в первый раз.

Штурман сказал Андрею, что Ингрид пришла в сознание ночью, и тогда капитан «Граната» узнал, что виновниками нападения на станцию были люди Октина Хаша. Поэтому катер сразу был отправлен к святилищу ведьм.

Они были готовы к поискам, к сложным переговорам с дикарями, но все оказалось просто. Октин Хаш сам вышел к опустившемуся катеру. Он вынес с собой часы Андрея — он был спокоен и не боялся мести людей. Он знаками показал, что Андрей и Жан уехали. Штурман связался с кораблем, и оттуда с помощью «глаза» прочесали степь. В тридцати километрах от становища обнаружили трех всадников...

Катер стоял на берегу реки. Река была еще широка, хотя приливная волна давно уже прошла по ней.

Андрей поговорил с капитаном и вкратце объяснил ему, что произошло за последние два дня. Разговаривая с кораблем, Андрей пил кофе и ел бутерброды, не замечая, что ест. А потом, когда связь кончилась, он спохватился, что Белогурочка голодная, а он совсем о ней забыл. Стало неловко. Вокруг Жана хлопотал врач — Жан с удовольствием отдался в его руки, он как-то сразу осел, обмяк, его знобило.

Андрей, держа в руке большой бутерброд с сыром, вылез из планетарного катера. Он сразу

увидел Белогурочку. Она повела коней к реке поить. Коня стояли по колено в воде, а Белогурочка сидела на берегу и глядела перед собой.

Андрей подошел к ней. Белогурочка не обернулась.

— Поешь, — сказал Андрей. — Это вкусно.

Не оборачиваясь, Белогурочка подняла руку ладонью кверху. Андрей положил бутерброд на ладонь. Белогурочка принялась жевать. Потом положила бутерброд рядом с собой на траву. По реке, выставив змеиную голову на длинной шее, быстро проплыл плезиозавр.

— Не понравилось? — спросил Андрей. Он подумал, с каким удовольствием он сейчас примет на борту ванну. А затем в мягкую чистую постель — и спать целые сутки!

— Ты улетаешь? — спросила Белогурочка.

— Конечно, — сказал Андрей. — Меня ждут.

— А я остаюсь?

Андрей кивнул, хоть она и не могла увидеть этого ответа.

Стало жарко. Между лопатками Белогурочки блестел пот.

— Тогда улетай, — сказала Белогурочка. — Зачем стоишь?

— Я думаю, — сказал Андрей.

— Брюс! — закричали от катера. — Мы поднимаемся?

— Давай мы довезем тебя до твоего становища, — сказал Андрей слишком бодрым голосом. — Пускай они удивятся.

— Кто там удивится? — сказала Белогурочка. — Воинов нет, а про меня думают, что я уже убита.

— Тебе лучше лететь с нами, чем ехать одной по степи.

— А как же лошади? — спросила Белогурочка.

— При чем тут лошади? Они чужие.

— Я всегда говорила, что ты глупый! — Белогурочка вскочила и обернулась к Андрею. — Как я могу бросить в степи трех коней? Ты знаешь, что у нас в стае совсем не осталось коней? Ты знаешь, что конь дороже, чем ребенок или даже женщина? Ты ничего не знаешь, а ходишь по нашей степи и обещаешь.

— Что я обещал?

— Ты обещал нам оружие, много оружия, ты обещал нам лук, который стреляет огнем. Ты обещал нам железный дом, в который не сможет забраться Октин Хаш, ты обещал нам много железных воинов...

— Белогурочка, что ты несешь! Это же неправда.

— Это правда, потому что без этой правды Октин Хаш возьмет в рабство всю нашу стаю. И ты это знаешь. И хочешь отнять у нас последних коней! Ты ничего нам не даешь, а все хочешь отнять. Ты очень плохой человек, и лучше бы тебя съели ведьмы!

Андрей вздохнул, переживая вспышку гнева. Белогурочка замолчала. Она посмотрела на Андрея в упор, и глаза ее были злыми.

— И что ты будешь делать? — спросил Андрей.

— Я подожду, пока спадет вода, и поеду домой. Но с конями. Все будут рады, что есть кони.

— А когда спадет вода?

— Когда солнце будет вон там, — она показала довольно низко над горизонтом.

— Хорошо, — сказал Андрей.

Он вернулся к катеру. Штурман ждал его у люка.

— Ну что, попрощались? Это ваша проводница? Неплохо сложена, правда?

— Отлично сложена, — сказал Андрей, входя

в катер. Он оглянулся. Белогурочка стояла на берегу и смотрела ему вслед.

Андрей включил микрофон и сказал капитану «Граната»:

— Слушай, Федор, я останусь здесь еще на пять часов. Вы заберете меня от нашей прежней станции.

— А что случилось?

— Я не хочу оставлять девушку, которая была с нами.

— Так пускай ее подбросят на катере.

— У нее три коня. Это большая ценность в степи. Надо подождать, пока спадет вода в реке.

— Может, дать вам кого-нибудь еще?

— Зачем? Мы же будем под наблюдением «глаза». Надеюсь, что вы больше нас не потеряете.

— Это рискованно, — сказал капитан.

— Это не более рискованно, чем было вчера и сегодня ночью, когда вы не знали, где я нахожусь и жив ли. Люди Октина Хаша меня не тронут. А от зверей мы как-нибудь убежим.

— Это необходимо? — В голосе капитана было сомнение.

— Да, — сказал Андрей. — До связи.

Жан слышал этот разговор.

— Может, я тоже останусь с вами? — сказал он. Он лежал на откиннутом пассажирском кресле, доктор массировал ему живот. Жан с наслаждением страдал.

— Не надо, ты же знаешь — тут недалеко.

— Ты прав, — с готовностью согласился Жан. — Недалеко.

Андрей не стал переодеваться. Так и вышел из катера в черной тоге ведьмы. Правда, перетянул тогу серебряным ремнем с бластером на боку, с аптечкой и передатчиком. Теперь Андрей был сильнее любого обитателя планеты... Хотя, впрочем, это не спасло Конрада.

Андрей отошел от катера и поднял руку, прощаясь.

Катер беззвучно и плавно взмыл к редким облакам.

Сразу стало слышно, как звенят кузнечики и поют в траве птицы. Кони вышли на сушу и паслись недалеко от берега. Андрей спустился к Белогурочке.

— Все улетели, а ты остался, — сказала Белогурочка равнодушно.

— Я провожу тебя, — сказал Андрей. — Вдвоем лучше.

Он протянул ей большое яблоко.

Степь вновь была бесконечно первобытной и пустой — даже они, сами дикари, были чужими в ней.

— Сладкое яблоко, — сказала Белогурочка.

Андрей снял тогу, постелил на траву и лег. Почему я не взял у кого-нибудь башмаки? — подумал Андрей. Бластер за поясом, передатчик на запястье, а сам босой.

— Я бы и без тебя отвела коней, — сказала Белогурочка.

— Катер прилетит за мной к становищу, — пояснил Андрей.

— Может, тебе места не хватило в той машине?

— Может быть.

— А я думала, что ты боишься за меня.

— На провокационные вопросы не отвечаем, — сказал Андрей.

— Я тебя не поняла. Говори со мной понятно.

— Ты хочешь учиться?

— Я уже все знаю, — заявила Белогурочка.

— Когда сюда прилетит следующая экспедиция, тебя могут послать в Галактический центр.

— Слишком много незнакомых слов. Они мне не нужны.

Она поднялась, закрыв собой солнце. Черный

силуэт очертила золотая кайма света. Было жарко, и вода журчала, мирно перекачивая мелкие камешки.

Белогурочка зашла в воду по пояс. Присела, серебряные брызги поднялись веером. Она провела ладошкой по воде, и фонтан водяных искр долетел до Андрея.

Андрей приподнялся на локте.

— Белогурочка, — спросил он, — ты умеешь плавать?

— Нет! — крикнула Белогурочка. — В воде бывают злые рыбы.

Глаза слипались. Засыпая, Андрей подумал, что он бесчувственный чурбан. Он скоро расстанется с этой девушкой и, наверное, навсегда, словно лишь мельком взглянул на нее в толпе. Он не должен спать, он должен беречь каждое мгновение...

Когда Андрей проснулся, солнце уже сошло с зенита. Жара стала томной и неподвижной. Он был весь мокрый от пота. Кожа горела.

Белогурочка сидела на корточках в нескольких шагах и смотрела на него.

— Ты не спала? — лениво спросил Андрей.

— Нет, — сказала Белогурочка.

Андрей поднялся — все тело ломило и ноги не держали. Андрей доковылял до воды, вода была приятно зябкой, мальки бросились во все стороны. Тень водяной змеи скользнула в глубину.

Андрей не решился плыть по реке. Не хватало еще нарваться на какую-нибудь ядовитую гадину. Он вошел по колени, наклонился и умыл горячее щетинистое лицо.

— Можно идти дальше? — спросил он.

— Можно, — сказала Белогурочка.

Они нашли лошадей, переехали через реку, миновали рощу, где Белогурочка освободила Андрея.

— Если ты возьмешь меня, — сказала Белогурочка, — я буду очень послушная. Я буду варить тебе мясо и охотиться.

— Где охотиться? — не понял Андрей.

— У тебя дома.

— Ценная мысль, — сказал Андрей и улыбнулся, представив себе эту дикую девочку с луком в руке на перекрестке центральных магистралей Космограда.

— Не смейся, — сказала Белогурочка строго.

— Я сам могу охотиться, — сказал Андрей. — У себя дома я знаю, как охотиться. Это только в степи я не все знаю.

— А если ты останешься, ты будешь здесь охотиться.

Андрей не ответил. Они ехали по степной тропе. Пыль поднималась из-под копыт.

— Если ты не хочешь жить со мной, — сказала Белогурочка, — ты можешь жить с моей сестрой. Она тоже красивая. Она будет рада.

— Ты хочешь этого?

— Я хочу, чтобы ты остался.

— А что ты сделаешь, если я соглашусь?

— Я буду рада, — сказала Белогурочка. — А потом я убью мою сестру.

Она была беспредельно откровенна.

— Белогурочка, я не могу остаться здесь — у меня есть мое дело, моя стая, моя охота. Я не могу взять тебя с собой. Там все слишком чужое. Давай больше не говорить об этом.

* * *

Они миновали руины сгоревшей станции. В руинах возились ребятишки из стаи Белогурочки. Ребятишки узнали Белогурочку и побежали вперед, к становищу.

Становище было там же, в заросшей кустами ложине.

Белогурочка оказалась в кольце женщин, которые расспрашивали ее, потом одна из них зарыдала. Из шатра вышел старый вождь.

Андрей стоял в стороне, возле лошадей. Два подростка, почти воины, взяли лошадей и повели их в кусты. Андрей почувствовал, как беззвучной тенью опускается катер. Катер улегся на траву за его спиной. Оттуда вышел штурман.

— У вас все в порядке? — спросил он.

— Все в порядке, — сказал Андрей.

Надо было что-то сделать. Белогурочка смотрела на него. Рядом стоял ее отец и другие люди ее стаи. Они смотрели на катер и на Андрея.

— Мы вернемся, — сказал Андрей.

Белогурочка перевела его слова отцу.

— Полетели, — сказал Андрей. Он заставил себя пойти к катеру. Что делать Белогурочке в городе? Ее место здесь. Рыбу тоже нельзя вытаскивать из воды, даже если можешь подарить ей отдельный дом на суше.

Андрей оглянулся, помахал Белогурочке рукой, как перед короткой разлукой. Белогурочка сделала шаг к нему и крикнула:

— Андрей!

— До свидания! — сказал Андрей и забрался в катер.

Штурман закрыл люк.

— Грустно расставаться с друзьями? — спросил он. — Мне Жан рассказывал, что она объявила тебя своим мужем. Смешно.

— Смешно, — согласился Андрей, глядя в иллюминатор.

Те, кто остался снаружи, были отрезаны непоправимо и навсегда — как в кино. Кусты смыкались вокруг кучки шатров. Катер прижался к земле, прежде чем ринуться в небо. Бело-

гурочка побежала к катеру, но он взмылся вверх, и фигурка ее с поднятой рукой стала быстро уменьшаться. А вокруг расстилалась бесконечная степь, которая подстерегает Белогурочку, которая ждет ее смерти и жаждет ее крови. И завтра Белогурочка пойдет на охоту или столкнется с воинами чужой стаи... И он, Андрей, будет завтра мысленно ехать рядом с Белогурочкой и ждать, когда разойдутся кусты и на нее прыгнет саблезубый тигр или поднимет дубину мрачный питекантроп. И он не будет знать, вернулась ли Белогурочка к своему патру... Не зная, он послезавтра снова мысленно выйдет с ней в степь, и каждый день образ ящера, прыгающего на нее из кустов, будет тягостной реальностью, отделяющей Андрея от всех остальных людей.

— Обратно, — сказал он сухо штурману.

— Ты что? — удивился тот. — Что-нибудь забыл?

— Обратно, — повторил Андрей, потому что, скажи он еще хоть слово, пришлось бы объяснять, а объяснить было невозможно.

Катер упал с неба к становищу. Андрей видел сквозь иллюминатор, что все люди становища уже разошлись по патам. Здесь быстро забываются события и трагедии. Только Белогурочка стояла на поляне и смотрела вверх.

Белогурочка не двинулась с места, пока катер опускался. Потом, увидев в люке Андрея и все угадав по его лицу, она пошла к нему, сначала очень медленно, словно с трудом, потом отбросила в сторону копье и побежала.

Сама, как будто не впервые, она вошла в катер, села в кресло. Она была спокойна, потому что рядом сидел ее мужчина. Но потом, когда катер поднялся, Белогурочка оробела, отыскивала пальцы Андрея и больно сжала их. И не отпустила до самого корабля.

Содержание

Агент Космофлота	3
Подземелье ведьм	233

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Агент Космофлота

Составитель *А.В. Алексеев*
Художник *К.А. Сошинская*
Ответственный редактор *Т.В. Бобрынина*
Корректор *Л.М. Гусева*
Оригинал-макет *Л.И. Шмелева-Агинская,*
О.В. Новикова

Ответственный за выпуск
Новиков Е. А.

ЛР № 061490 от 30.07.92.
Подписано в печать 1.06.95. Формат 84×108¹/₃₂.
Объем 12 печ. л. Уч.-изд. л. 17. Тираж 10 000.
Заказ 6243.

Издательство «Хронос»
121099, Москва, а/я 880

ПРИ УЧАСТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРМЭ»

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

